

Первобытный Славянский язык, открытый Платоном Лукашевичем. Вызов Завремениья в записках о Языке

Андрей Шевченко

Предисловие

Изначально этот текст задумывался как небольшая ознакомительная статья на тему «Первобытный язык, открытый Платоном Лукашевичем». Таких ознакомительных статей не было, нет – и, как я понял, не надо.

Не надо, во-первых, потому, что речь не должна и не может идти только об отдельном «открытии» отдельного человека, о чём-то «филологическом» или «лингвистическом». Времена господства «фактов» и «специалистов» прошли. Наступившее *Завремениье*, которое величают «постмодерн», оплеухами и затрещинами разъясняет упрямому – в соблюдении утерявших смысл обрядов и цеплянии за сундук со «знаниями» – человечеству, что смысл неотчуждаем и неделим в человеческом мире. Возможно, если бы я был «специалистом», я бы смог изложить «факты» в короткой ознакомительной статье, старательно очистив их от смысла, который им придаю, и который, по моему мнению, их окружает. Но, слава Богу, я не «специалист», да и смысл всё равно бы проник между строк – подспудно. Мне нет нужды в манипуляциях, и я более-менее могу говорить по-русски, а не «фактами». И буду говорить искренне, рассчитывая на свежесть вашего восприятия, на вашу пронизательность (сквозь частности и условности, возможные ошибки) – ведь ничто не помешает вам отметить состояние до прочтения и после, чтобы сравнить (полезно в борьбе с манипуляциями). Настройка на глухую оборону лишает смысла встречу с новым, а наше подсознание и без такой настройки очень серьёзно защищает сложившуюся картину мира от изменений. Возможно, вы уже насторожились – «а чего это он так подготавливает, а?!». Что ж, если хотя бы сознательно не настраиваетесь так – хорошо, а если действительно насторожились – вот вам первый пример воздействия языка, силы слова.

Во-вторых, ознакомительной статьёй «чисто по теме» не обойтись потому, что рассматривать «Первобытный язык» в отрыве от того, что вообще есть Язык, просто преступно. И одним только «знакомством» здесь не обойтись.

Посему то, что перед вами, не есть ознакомительная статья. Бóльшая часть, конечно, посвящена собственно открытию Платона Лукашевича – и этим выполняется задача почти всесторонне, но поверхностно, ознакомить вас с ним (будут ссылки не только на названия первоисточников, но и на складец раздобытых копий). Чтобы полностью понять и осмыслить это открытие, требуется очень много времени, требуется более глубокое погружение в некоторые отрасли знания. Наконец, не меньше требуется для того, чтобы сделать выводы – очень серьёзные! – и встроить их в картину мира, поскольку мы имеем дело с действительно *новым*. Это – только первый шаг.

В то же время часть внимания уделяется тому, *что* есть язык – не давая определений, но говоря о разных его проявлениях и отношениях с прочими гранями человеческого. Поскольку зачастую это занимало относительно много места – либо было детальным рассмотрением некоей важной частности в открытии, либо уводило достаточно далеко от Платона Лукашевича, – многие соображения вынесены в Приложение, состоящее из отдельных пронумерованных частей. На эти части даны ссылки [римскими цифрами] в основном тексте и иногда в концевых сносках. Само Приложение не представляет последовательного текста, поэтому всё вместе есть «попытка осмысления открытия Платона Лукашевича в записках о Языке». В частности, такая подача подразумевает, что нечто очень важное может быть в мелкостях распоследней концевой сноски.

Сейчас человечество не только ищет *материал* для составления требуемого Завремением целостного представления о мире, – требуемого очень настойчиво, и необходимого просто *жизненно*, – но и, в большей степени, метод такого составления. Удивительно – Язык даёт нам и то, и другое, хотя и от нас требуется кое-что.

Для удобства перехода по конечным сноскам пользуйтесь Закладками (Bookmarks) и клавиатурными сочетаниями Alt+стрелка (влево или вправо).

Оглавление

Вступление	4
Видение, Понимание, Самовыражение обусловлено	4
Языки народов и Воззрения подчинены Языку	5
Необходимо «взять Языка»	5
Первобытный язык	6
Первобытный язык, открытый Платоном Лукашевичем	8
Снова о методологии	8
Суть открытия	9
Почему мы не узнаём в других языках свой родной, если он Первобытный?	10
Основы чаромутия	10
Переходы гласных	11
Юс и яс	12
Переходы согласных	13
Буквы р и л: вставка, опущение, перестановка	15
Чаромуть	15
Чаромутные языки	20
Греческий	21
Латынь	22
Не уставайте восхищаться Западом!	25
Несколько примеров «греческих», «латинских» и загадочных «древних» слов	25
Значения слов	27
«Философическое» строение речи	28
Разум речи	31
Объективно-фактическое безумие	32
Безразличие толерантности	34
Ещё не опоздали	34
А к методу относитесь скептически	35
Не надо реформ – дело не в формах	36
Несколько важных слов	36
Заключение	41
Перечень источников	44
Приложение	45
I. Редактор реальности. Гроф и травма рождения. Высшие архетипы Традиции	45
II. Языковые картины мира. Познание через Язык. Относительность безусловного против безусловной относительности	46
III. Вера науки. Гёдель о неполноте Языка. Отсутствие субъекта в самом цельном знании	48
IV. Узоры истории вне ярлыков. Путь внутреннего языка. «Правящая» роль разума	49

V.	Механизм. Языковая война. Простой язык учёных и сложности проституции знания. Всё, что ты знаешь – ЛОЖЬ!	51
VI.	Нет содержания вне смысла – спросите у корпораций. Материальный power слова. Маркс всего лишь убрал правду – зато как улучшил содержание!	54
VII.	Языки не равны!	56
VIII.	Плюрализм языкознания	56
IX.	Язык – Логос. Идол Марра. Кто занимается Русским?!	57
X.	Лингвистика не знает, как <i>искать</i> праязык.....	58
XI.	Русские – не только нация. Испытание жизни: учителей учат, у хранителей воруют. «Философский камень» Орды – что ответит Русь?	59
XII.	Классно классифицировать – всегда есть что-то главное! Башню сносить нельзя строить – из двух зол не выбирают.....	61
XIII.	Не придирайтесь к словам – по-моему, прекрасно. Мужественный матриархат	61
XIV.	Язык, мировая революция и Академия Наук – всё повторяется	62
XV.	Антропный принцип не о вероятностях, а о Свидетеле. Интеграция мирового знания – вызов постмодерна. Отказ науки – явная слабость и неосознанная сила. Следите за языком – перенос представлений о мире на людей как неизменная основа разных форм рабства. Наука как искусство	63
XVI.	Продолжение Традиции – верх и низ стали левом и правом. Математика справедливости: экономика, юриспруденция, государство. Пирамида позитивного счастья против диалектики бессмыслия.....	66
XVII.	«Учит правильно жить», 6 букв с придыханием, заканчивается «пир».....	72
XVIII.	Алфавит как символическая система – на развес	72
XIX.	Да что вы, какие тут языковые войны... ..	73
XX.	Выше Воззрений (очень условный переход к именам).....	73
XXI.	Устоять пред мистикой – не значит «анализировать».....	75
XXII.	Одиночество головастых франкенштейнов, или потерянное сердце Сложного	77
XXIII.	Дело не только в разных точках зрения. Кое-что можно только показать пальчиком – смысл неотчуждаем	79
XXIV.	Ветряные мельницы гипотез. Снова путаем карту с миром, а идолов с безусловным.....	79
XXV.	Чучело Тайны, или кубатура шара	81
Сноски.....		84

Вступление

Наша попытка подняться над суетой и из-за края Вселенной проникнуть взором в жизнь человечества, разобраться в смысле происходящего на Земле, обречена проявлять этот смысл в образах и словах. В какие узоры сложатся судьбы людей и народов, сполохи войн и тихие зори ясного мира, открытые открытиями и тяготы бедности и бессилия, величественные стройки империй и тлен их же руин, всё разнообразие смыслов и повторение одних и тех же вызовов, брошенных смертным горнилом судьбы человечества? Из чего ещё состоят эти узоры, как ещё можно мыслить чудовищной силы жар миллиардов сердец, каждое из которых краткой, но ослепительной искрой вкладывает свой смысл – почему и зачем? – в эту пронзительную круговерть на голубой планете? Наконец, как же это всё охватить, понять, какими словами определить все эти различия и повторения?

Видение, Понимание, Самовыражение обусловлено

Приблизившись к Земле, мы обнаружим, что и наше видение, и наше понимание, и наше самовыражение обусловлено, т.е. «совершенно, полностью, всеохватно (об) зависит (у) от неких правил (слов)».

Наше восприятие неразрывно связано с *распознаванием*, мы всегда *толкуем*, складываем в узоры воспринимаемые в каждом миге ощущения, чувства, мысли, хотя далеко не всё узоры осознаются. Иначе говоря, мы слышим речь мира в потоке восприятия, и в целом знаем его язык, но понимаем далеко не всё.

И сам человек представляет собой некий живой узор, и всё его самовыражение есть как бы «речь» на некоем языке – хотя не всегда говорим, что думаем и считаем правильным, и не всегда сами понимаем, что говорим, случается также, что недоговариваем или повторяемся. Если прокрутить ленту жизни человека и вникнуть в его ощущения, чувства, мысли, решения, намерения, поступки внутренние и внешние, – в общем, всё воспринимаемое, переживаемое и излучаемое им, – его жизнь представится как некий разговор с миром и самим собой, разговор на некоем языке. Этот разговор более или менее осознан и понятен самому человеку, более или менее последователен, хотя на больших жизненных отрезках меняются и темы, и тон.

В целом этот разговор понятен и другому человеку, наблюдателю. Менее понятен – если наблюдатель и наблюдаемый из разного времени, разных стран, разной веры (обычно так, но всё же не всегда). Более понятен, если наблюдатель как будто ощущает себя на месте героя, переживает жизнь и поступает схожим с ним образом. Наблюдатель может удивиться тому, что герой воспринимает всё в одном цвете, попадает в одну и ту же «яму» десятки и даже сотни раз, и очень однообразно отвечает на те или иные жизненные вызовы, сам того не замечая! Или, напротив, будет чувствовать какой-то смысл в поступках героя, но не сможет предсказать его суждения, решения, поведение, будет плохо понимать его *внутренний язык*.

В любом случае, разговор людей с жизнью во все эпохи и вне зависимости от того, насколько развит их внутренний язык, идёт на *человеческом языке* в самом глубоком его понимании. Внутренний язык человека есть тот или иной узор в безбрежном пространстве *человеческого языка*, как бы проявляющий определённые связи между понятиями и явлениями, придающий порядок и вес определённым смыслам. Соответственно ему простроен сам человек, им обусловлены нрав и характер, и, далее, отражающие их узоры судьбы, и даже то, *каким* человек представляется другим людям. Наш внутренний язык может быть богаче и беднее, и мы можем развивать его, учиться владеть им, преодолевать обусловленность им. Но за ним стоит *человеческий язык* – Язык! – и это есть самое первое, что обуславливает нас в любых попытках мыслить и говорить о чём бы то ни было, а в особенности о жизни в целом.

Наш мир дан нам не просто в *восприятии*, не просто в опыте – он дан нам в Языке. Между нами и миром всегда находится Язык, и он не просто отражает мир в нашем сознании, но ещё ограняет и проводит в мир наше понимание и самовыражение¹. Лишь на поверхности Языка находится то, что мы называем мышлением, речью и письмом – это одни из средств его проявления и выражения². Образы мышления, архетипы и мифы, подсознательные программы, глобальные установки³, чувство

прекрасного, даже человеческий генетический код, вообще всё человеческое, о чём *можно говорить* – представляет разные стороны и уровни Языка.

Итак, Язык есть тот «редактор реальности» [I], который, с одной стороны, *представляет* нам мир таким, как мы его видим, и, с другой стороны, *буквально создаёт*⁴ нас и наш мир.

Языки народов и Воззрения подчинены Языку

Языки разных народов устроены на общих основаниях, и в их основе, конечно, также лежит *человеческий язык*, благодаря чему люди в целом одинаково устроены, зрят мир в целом одинаково (совсем не так, как кошки или обезьяны), а разность видения могут объяснить и понять; сама возможность перевода с языка одного народа на язык другого тоже существует благодаря общему, *человеческому языку*. И всё же разница в картинах мира разных народов огромна [II]. В дальнейшем мы ещё коснёмся того, что можно назвать «разумом речи» или «разумом народа», а пока замечу, что внутренний язык, конечно, в очень большой степени определяется языком народа – его мифами, обычаями и верованиями, отношением к другим народам и к жизни в целом, его «волной».

Но внутренние языки каждого отдельно взятого человека и языки народов – это ещё не всё. Любая теория как описание некоего *воззрения*, некой *идеи*, всегда подчинена объемлющему *Воззрению* (идеологии, концепции, методологии, метатеории, научному языку, парадигме, символической системе, доктрине) – то есть *обусловлена* предустановками, утверждениями, предположениями некоего *искусственного языка*, *обусловлена* заданными им взаимосвязями понятий, порядком и весом подразумеваемых смыслов. Точно такие же предустановки находятся в основании Воззрений (правда, их приходится выражать уже на человеческом языке, да ещё и учитывая особенности языков народов) – и считаются безусловными, аксиомами⁵. Это *утверждения произвольного выбора*, и *правильность* этих утверждений не доказывается построенными на них Воззрениями, насколько бы последние ни считались непротиворечивыми – как красота здания и большой запас прочности стен и перекрытий не гарантирует ни надёжности фундамента, ни устойчивости грунта [III].

И воззрения, и Воззрения, вне зависимости от отнесения к «религии», «эзотерике» или «науке» подчинены Языку, они являются лишь способами кодирования человеческого языка⁶. Каждое Воззрение как некая «речь», некий «текст» несёт в более или менее явном виде своё *представление* о безусловном, неявно дополняемое и уточняемое его частным языком. Безусловное внутри зёрен *смысла*, заложенного (осознанно или неосознанно) утверждениями произвольного выбора во все Воззрения – и есть самое главное, что нужно для понимания узоров судьбы человечества. Все эти узоры и составлены взаимодействием разных Воззрений, разных языков, дающих людям разные картинки мира и друг друга, ведущих людей сложными путями к тому, что они принимают как смысл, к тому, за чем они ищут безусловное [IV]. Эти узоры могут быть красивее при взаимопонимании, сходности языков, и уродливее при непонимании. Но зачаровываться самими узорами и относительной «красотой» не стоит⁷, если важен их внутренний смысл – а он определяется столкновением *безусловного*, столкновениями *вер*.

Необходимо «взять Языка»

Но на каком языке говорить о том, что в кажущихся многим такими мудрёными и недоступными «парадигмах» является безусловным? О том, о чём вообще запрещают говорить наука и другие вероисповедания – о догматах?

Во-первых, мудрёность того или иного Воззрения совершенно не значит, что его нельзя выразить простыми словами и понять без многолетнего обучения частному языку этого Воззрения⁸. Во-вторых, правда несколько не пострадает от того, что человек попытается сам разобраться в догматах, осмыслить их, подвергнуть сомнению – ведь именно так приходит понимание. Так или иначе мы всё равно принимаем нечто как безусловное, как предмет веры – но догматы отличаются тем, что выражают безусловное на определённом языке, определёнными словами, и требуют принятия строгой формулировки, хотя она может исказить смысл. Потому достойнее самому найти это безусловное и осознанно согласиться или не согласиться – не с упаковкой-догматом! – со смыслом.

Итак, нам нужен язык как можно более ясный, как можно более близкий к внутреннему языку людей. Язык, которому не нужно обучаться много лет, рискуя так и не заговорить на нём. Язык, который

объединял бы самые различные частные языки, мог бы объяснять их внутреннее устройство и обуславливающие приверженцев этого языка предубеждения. Язык, на котором можно говорить о безусловном в Воззрениях.

Да где взять такой язык? Но ведь это просто-напросто человеческий язык. Первоисточник, к которому мы должны обратиться для понимания всего, что происходило и происходит на планете Земля, есть Язык. Нам нужно, говоря по-военному, «взять Языка» – и попытаться хотя бы в какой-то мере понять его на своём внутреннем языке.

Первобытный язык

Язык – это первый и основной инструмент управления человечеством, потому что только он позволяет *создавать, разрушать и передавать* смыслы безусловного. Все остальные орудия строительства и разрушения мира смыслов и материального, явного мира, подчинены Языку. Это настолько же просто и очевидно, насколько непривычно и неосознанно [V]. Но даже если пропускать уровень Языка и считать, что людьми правят Воззрения⁹ (это удобно, когда сравниваются отдельные воззрения или несколько узких Воззрений), необходимо учитывать влияние Языка и внутреннего языка человека (ведь воззрения и Воззрения связаны с определёнными людьми [VI]). И, поскольку искусственные языки вторичны, гораздо более целостное понимание даст рассмотрение положения с языками народов.

Мировые события последних лет привели к тому, что вопрос языков народов многими постепенно осознаётся как важнейший даже в бытовом смысле. Одни языки (малых народностей) умирают, другие (русский) намеренно убивают, третьи (английский, французский, немецкий) метрополии насаждают колониям, четвёртые переводятся на другой алфавит.

Достаточно было забросить в Молдавию тему «общности молдавского языка с древнеевропейской лексикой – латынью», а в справочное издание Литва (ещё советского времени) включить *подтасовку* (отождествление санскрит=праязык, которое было развенчано ещё в XIX веке): «Литовский язык – самый архаичный из всех живых индоевропейских языков; он лучше других сохранил звуковую систему индоевропейского праязыка, много морфологических особенностей» – и дело сделано, «путь в Европу» открыт, возникает язык надменности или «противостояния имперским угнетателям». Латвия – то же самое. «Нация, которая также подлежала по плану гитлеровского рейхскомиссара фон Лоозе полному выселению из Прибалтики и уничтожению при нацизме, идейно качнулась в сторону предателей латышской нации, нацистских прихвостней, последовательно выполнявших немецкий план уничтожения латышей... и здесь не обошлось без пропаганды языковой исключительности, опиравшейся на арийско-европейскую общность, каковую вбивали им в язык столетия ненавистной германской орденской оккупации». Украина, Белоруссия – «национал-сепаратистские «медные трубы» раскалывали нашу восточнославянскую общность, базируясь именно на языковых аргументах. А основная пропаганда велась против «имперского» русского языка. И здесь идейно продолжился гитлеровский нацизм с прославлением «трубами» «героев»-«бандеровцев», запятнавших нацию, соучастников нацистских преступлений...» [13].

Итак, с языками народов происходят очень серьёзные вещи – нужно лишь обратить внимание на то, что происходит сейчас и происходило хотя бы в недавнем прошлом¹⁰. Более того – то, что происходит с языками народов *в течение всей истории*, даёт ключ к пониманию *языковой войны*, которая является подоплёкой более заметных, особенно в последнее столетие, войн информационных. Но что же такого в том или ином узоре общностей и различий между языками народов и изменении этого узора в ходе истории? Что такого в упомянутом «индоевропейском» или просто «праязыке»? Ответ прост: если «знание – сила», то язык – самая большая сила [VII].

Мы можем говорить сколько угодно о человеческом языке *на* искусственном языке, но ведь несравненно больше мы получим, если, наоборот, будет видеть насквозь все эти искусственные языки, говоря *на* Языке! Тот «слой» человеческого языка, который связан непосредственно с мышлением и речью, и есть *праязык, или первобытный язык*.

Пара слов о лингвистике. Пришлось бы долго предварительно уточнять, что я имею в виду под «лингвистикой-как-системой», чтобы коротко и прямо высказанное отношение к ней не обидело лингвистов, всех и каждого, как людей (это относится и к науке в целом). С большим уважением относясь к отдельным личностям, и зная, что многих других личностей и их работ я попросту не знаю и никогда не узнаю (как впрочем, не знает и не узнает многих важных работ своих коллег большинство лингвистов и учёных других отраслей – ну очень много всего накоплено), в целом о лингвистике скажу так: как и другие отрасли знания, в наступившем *Завремение* она точно так же затянута в водоворот, ведущий в Хаос.

Лингвисты сами понимают это – точнее, некоторые понимают, другие же являются приверженцами той или иной теории, и для них никакого хаоса нет, есть только «правильное» и «неправильное». Но это понимание состояния лингвистики, то, о чём надо говорить прямо и по-человечески, то, что касается основ Воззрений, скрывают за всякими «фактами конгруэнтности» и прочими «неадекватностями», переходя на выхолощенный научный язык, чтобы слепить из застойно печальной картины хаоса в *важнейшей области знания* весть о плюрализме-как-обещании-света-в-конце-тоннеля [VIII]. «Всё, что мы знаем, противоречиво в своих истоках, общих начал для того, чтобы разобраться, попросту нет – но это же хорошо, ребята!».

Вот что важно. У лингвистов нет методологии, для того, чтобы *искать* праязык. У них есть теория «логосического» (иначе «божественного»!) [IX]) происхождения языка, и противостоящая ей теория «естественного» происхождения языка из бубнения и бормотания обезьян (трудовая теория – Энгельс, а также творческая – Гумбольдт, Потебня). Сторонники трудовой теории (а также марристы) праязык не признают, для трудовиков «это вопли наших предков-полуживотных об опасности и других чувствах, из которых потом оформляются практически одновременно все языковые группы в зависимости от рода деятельности (земледелие, скотоводство и т.д.)». А логосисты не там ищут и почему-то «игнорируют историю и связи материальной культуры, ориентируясь на письменные памятники древних «божественных откровений», надеясь в них найти ответы на все вопросы языкознания». [13]

К трудовой теории мы ещё вернёмся – вы сами сможете оценить, мог ли человек (обезьяна) с помощью бубнения создать язык (вообще на эту тему есть множество прекрасных работ – не только о языке, но вообще об «огне», о всех умениях, технологиях и методологиях, которыми якобы «овладел» путём тыка доисторический человек). Предусловки логосистов понятны, но игнорировать научные методы – непростительная слабость. Во всяком случае, ни трудовая теория, ни метод «надо найти священную книгу, где всё будет написано» языкознание продвинуть не могут.

Но это ещё не всё. Логосическое предположение о былом единстве человеческого языка, о праязыке, использует историко-лингвистическая наука *индоевропеистика* (не найдя праязык в санскрите, его ищут в группе родственных индо-европейских языков), развившаяся из сравнительно-исторического метода в языкознании. Но, сравнивая языки, индоевропеистика не отталкивается от, хотя бы предположительных, общих законов, которые позволили бы выявить праязык. Индоевропеистика ищет древние следы в языке, архаизмы, но не может установить стрелу времени с вехами исторических взаимодействий языков. Находя что-то более древнее в том или ином языке, она не может быть уверена – это действительно основополагающее, общее в языках, или «консервация особенного». Проще говоря, имея на входе дело со сравнениями, на выходе индоевропеистика не может иметь ничего, кроме результатов сравнений, но для того, чтобы найти праязык, этого мало. [13] [X]

Однако в XIX веке жил человек, всю жизнь занимавшийся языками и народами, в особенности славянскими, и, до официального «создания» сравнительно-исторического метода вовсю использовавший сравнение языков вкуче с историческими данными. Более того, уже длительное время углубляясь в славянские языки, в культуру славянских народов, он совершенно неожиданно и «случайно» совершил открытие, которое дало ему возможность выйти на методологию поиска праязыка. У него не было тех данных, которые были добыты археологией, историей, лингвистикой и другими отраслями знаний за прошедшие 150 лет. Но всё же, благодаря выведению общих законов, он смог пойти очень далеко. Кроме того, за полвека работы он обработал материал, с которым вряд ли

имел дело какой-либо лингвист или даже целая академия. Судите сами: с привлечением объёмного исторического материала и словарей более чем двухсот (!) языков на выходе десятки тысяч разобранных славянских слов (в т.ч. имён собственных – названий селитьб, рек, царских и воинских имён, и т.п.) на всех славянских наречиях, десятки тысяч слов важнейших языков – греческого, латыни, еврейского (им посвящены объёмные корнесловы), десятки тысяч слов западноевропейских (английский, немецкий, французский) языков, имена собственные древних и древнейших народов (эфиопов, коптов, египтян, вавилонян, ассирийцев, бритян, галлов, персов, македонцев), а также работы, посвящённые астрономии и глубочайшим числовым соответствиям, причём во взаимосвязи с праязыком (последнее я вынужден оставить за рамками этой статьи).

Итак, у нас есть возможность приблизиться к праязыку. Оказывается, в русском и других славянских языках он очень хорошо сохранился. Поэтому мы можем приступить немедленно и безо всяких вспомогательных средств.

Первобытный язык, открытый Платоном Лукашевичем

Итак, в XIX веке некто Платон Акимович Лукашевич, современник Пушкина¹¹, человек потрясающего кругозора и настоящий Учёный¹², совершил открытие, значение которого трудно переоценить. С ним мало кто знаком, потому что созданные за полвека кропотливейших трудов работы¹³ попросту скрывались и были доступны далеко не всем. Достоверных сведений о самом Лукашевиче мало, но обо всём говорят его работы.

Снова о методологии

Вспомним о методологии. Лукашевич пишет в [7]:

«...вообще говоря, нет и не было никакой возможности начать исследование от низа вверх, от нижних ступеней лестницы к самой верхней¹⁴.

Тоже самое относится и к раскрытию внутреннего смысла слов в нынешних Славянских языках, невозможному *без совершенного знания состава и законов речи их Первобытного языка*. Доказательством этому служат все труды по сей части языковедов, по которым *ни одно слово* ими не раскрыто по внутреннему своему смыслу, и все усилия их оказались тщетны, предположительны, если не сказать, забавны. От этого каждый из них, взирая на предшествовавшие выводы других, легко их опровергал и, можно сказать, издевался, представляя новые свои выводы, которые в последствии, в свою очередь, подвергались той же судьбине, так что по сему предмету остыло в исследователях рвение и потерялась охота продолжать такую науку, которой правила неизвестны и безуспешно заменяются одни другими, а всё таки дело не идёт вперёд. Причина всему этому была та, что сперва нужно было открыть *разом*, без всяких дополнений, законы составления Первобытного языка, а потом, применяя их, приступить к сему великому делу. Это всё равно, что охватить разом законы *всех языков* и вывести о составе их одно общее заключение; точно так как сперва нужно узнать общие законы движения светил, а потому уже приступить и к вычислениям каждого светила отдельно.

Посему, как только законы составления слов Первобытного языка, основанные на вышеупомянутых началах, известны, то разбираются по ним все слова нынешних Славянских языков и их наречий».

«...языки рода человеческого, в противность общепринятому мнению, не составляют набора слов, образовавшихся от случая, или звукоподражания, а устроены по разумному научному смыслу, разбор и познание котораго принесет со временем неоцененную пользу, чего мы теперь и не подозреваем. Речь человека всегда была достойна его самого. В ней сохраняются остатки и памятники бывшего некогда великаго его образования, а, может быть, имеются и зачатки лучшей его будущности». [7]

Лингвисты – не отдельные люди, а некое сообщество, система, которую представляет Академия Наук – выразили своё отношение к самому Лукашевичу: в словарях он записан как «сумасшедший», а его открытие заклеямили «произвольным, необоснованным»¹⁵ (речь шла о «филологии», про исторические вопросы вовсе промолчали). После этого о Лукашевиче ничего и нигде не было слышно, зато того же Марра время от времени пытаются воскресить.

А теперь предварительное замечание относительно истории – ведь речь идёт о подходе, близком к тому, что в лингвистике называется «сравнительно-исторический метод». Историческая наука в существующем виде представляет не менее жалкое зрелище, чем лингвистика – общество накормлено мифами, хаос вместо цельности, отдалённость от жизни. И тоже много послужила владельцам разных мифов, в частности, послужила порабощению славян. Кроме того, ведь история подчинена языку. Пример, показывающий лишь поверхностную зависимость: назовите многообразные племена славян разными именами, и не упоминайте, что это славяне. История, как по волшебству, меняется. Правда, очень много «непонятных» народов возникает.

«...история молчит или говорит самым противоречащим и неопределённым образом. **Из ее свидетельств и вместе противоречий, не имея главного основания, ничего нельзя вывести.** А сие-то основание и без помощи истории теперь находится перед читателем. Да! дело говорить само о себе ясно, непротиворечно, а главное, неопровержимо. Здесь уж всеразрушающего заключения: «быть может и может быть» – не может быть. Опровергните одно слово, а сотни других неопровержимых уничтожают всякое сомнение. Тут должно иметь дело не с десятками, а с тысячами слов; подобный подвиг будет напрасен и смешон, а более недобросовестен. **Историю мы можем вертеть как угодно, но с филологией, как с наукою точною, так управиться невозможно.** В языках народных кроется истинная история его происхождения и образования, но как взяться и с какой стороны приступить к ним без **предварительных знаний общих правил составления речи человеческой**, а потом частных, по племенам, в этом-то и задача состоит». [8]. Выделено мной.

Вот слова академика Б. Грекова (привожу по [13]): «Если бы мы знали жизнь слова, то вся история раскрылась бы перед нами». А теперь Лукашевич:

«Какое же впредь будет гранесловное направление Русской речи? Такое, какого никто не ожидает и не думает. **Что есть славянский язык? – Быстьворь рода человеческого.** Все народы Света из простого ли любопытства, с намерением ли узнать сокровенное построение своего собственного, родного языка, и истинный смысл всех его слов и образим гранесловных, будут изучать его; а многие усвоят себе и писать имут на нём свои творения, изследования, открытия: **и ежели мы не будем участвовать в этом всемирном направлении к разработке «единого языка», то нас все осмеют и по делом».** [1]

Примечание: гранесловные образимы – грамматические формы, быстьворь – история.

Суть открытия

- Некогда человечество было единым, и говорило на одном языке – Первобытном (само по себе это не противоречит трудовой теории – даже если люди начали с бубнения, почему бы в какой-то момент не появиться единому языку?).
- Первобытный язык уцелел совокупно в русском и других славянских языках. Очень близким по говору к Первобытному языку является украинский, а объединяет различные славянские *наречия* – русский¹⁶.
- Язык и культура единого человечества были *славянскими*, а сегодняшние славяне – хранители языкового единства человечества, остатки единого первобытного «народа», от которого в ходе истории *откалывались* новоизобретённые языки и принявшие их «новые» народы [XI].
- Всю историю сопровождало (и в большой степени определяло!) явление, названное Лукашевичем «чаромутие». Это и было *создание жрецами искусственных языков* на основе наречий Первобытного Славянского языка, и последующее их смешение между собой и *славянскими наречиями*. Например, Греческий и Латинский языки произведены из языков азиатских завоевателей (монголы, маньчжуры, китайцы, самоеды и ещё несколько десятков народов) с принятием огромного числа славянских слов¹⁷. «Создание искусственных языков» – это явление, которому подчинена история, это начало и суть *раздробления, потери единства*. Плохо это или хорошо – вопрос отдельный, здесь пока примем, что это очень важно.

Чтобы не смешивать само открытие Лукашевича с его осмыслением и выводами, – глобальной значимости выводами! – пока перейдём от обобщений к подробностям, нисколько не забывая, что Язык мы «взяли» для рассказа о сути происходящего на Земле.

Почему мы не узнаём в других языках свой родной, если он Первобытный?

Причин много (про хаос теорий, который переживают лингвистика, наука и всё общество, уже говорилось), но главная: мы сами не знаем свой язык. Что же позволило Лукашевичу совершить открытие, как он пришёл к тому, что не могли понять до и после него академики? Да, озарение, да, Промысел, да, мгновенная сборка всего вороха бестолковых «фактов» в стройные ряды, как во сне Менделеева. Но открытия даются тем, кто упорно ищет, кто хоть немного, но выходит за пределы накопленного опыта, отказывается от наличного знания и мудрости и заглядывает в неизвестное.

С детства Лукашевич мог свободно читать и говорить на разных славянских наречиях. В том числе на очень важных для последующего открытия Переяславском и Черниговском¹⁸, очень разнящихся меж собой и привычным для нас Великороссийским. Живя в Малороссии (Украина, местечко Березань), естественно, владел и Малороссийским, и Великороссийским наречиями. Лукашевич замечает, что под Великороссийское наречие Русский язык повёл Ломоносов, чем и спас язык от истребления европейцами и собственной «интеллигенцией». Но всё же язык – не наречие, замечает Лукашевич «не в упрёк великому мужу».

Конечно, можно сказать, что знание наречий серьёзный козырь, – и это действительно так, даже серьёзнейший – но зачем, без собственной тяги и беззаветной любви к языку, было сыну богатого помещика так напрягаться? Кстати, нигде о любви к языку Лукашевич не разглагольствует – но ею пронизаны все его труды, и, судя по ним же и обрывкам сведений о судьбе Лукашевича, о любви к языку свидетельствует вся его жизнь. А вот над высокоучёными глупостями нанятых учителей (а потом и всезнаек, смеющихся над его выводами без попытки разобраться в них) он сам посмеивался весьма остроумно, и через десятки лет смог понять и доказать свою правоту¹⁹. Итак, в первую очередь понадобилась любовь к языку и освоение славянских наречий, языков.

Судя по всему, Лукашевич искал упорно. Он уже родился богатым помещиком, что позволило ему не просто копить и читать книги да словари, но много путешествовать, самому собирать народные сказки, песни, сведения о быте, обрядах и вере народов. Заметим в связи с предыдущим – Лукашевич не просто мог читать и говорить на разных славянских наречиях, а *понимал связанную с языком жизнь* народов, точнее, племён.

Далее углублял это знание и понимание – изучал названия городов, селитб, местностей, рек, имена и прозвища людей и самих племён, другие имена собственные. Уже здесь пришлось ему углубиться и в географию, связывая определённые имена и местности с особенностями выговора, наречиями. Ещё до совершения своего открытия он написал несколько работ о «народных думах и песнях», огромном «славянском мире», различных именах, о *неизвестных доселе* законах гармонии *музыкального говора* и необычных песен²⁰. Добавим это всё к первому и уточним: к открытию привели любовь к родине и языку, боль от осознания утраты прекрасного и неповторимого, *настоящее* знание славянских наречий, а также *время*, которое он уделял своим поискам. Не просто какой-то *срок* – всю жизнь.

Пока остановимся и сделаем предварительные выводы. Итак, нужно стремиться понять свой язык, а это в том числе означает: хотя бы в малости, но понимать различные наречия. В освоении их, конечно, не только «неспециалисту», но и большинству лингвистов далеко до Лукашевича, но вообще русскому понять украинца, белоруса, болгарина, чеха, поляка, Церковно-Славянский и даже наречия исчезнувших славянских племён не так уж сложно. Но даже и этого не требуется для того, чтобы предварительно понять *каков* Первобытный язык и *проверить* Лукашевича.

Итак, перед тем, как делать выводы из открытия Лукашевича – а они очень серьёзны! – нужно, чтобы оно стало понятно, обрело обоснование, твёрдую опору. Совершенно напрасно язык считается уделом «специалистов», лингвистов и филологов, а потому предлагаю пройтись по его «обратной стороне» и проникнуть его свежим взглядом.

Основы чаромуття

Для начала посмотрим, как одни и те же слова по-разному выговариваются в одном и том же языке, но в разных наречиях. Нам повезло – Великороссийское наречие или современный «русский язык» является, по словам Лукашевича, как бы сводом различных славянских наречий и языков²¹, сохранив

точный выговор гласных и зачастую объединяя разности выговора (поясню далее) наречий. Взамен нами почти утеряно двойственное число и правильный выговор букв, которых в современной русской азбуке нет (это буквы юс, яс, ять), но даже без обращения к другим славянским наречиям и языкам мы можем понять хранящиеся в них свойства Первобытного языка – на своих, понятных нам примерах, пусть иногда немногочисленных.

Малороссийское же наречие, современный украинский язык, является «живым осколком Первобытного языка»²², хранящим очень древние, «первообразные» корни и музыкальную, или тоническую, грамматику языка, певучий и изменяющийся при склонениях выговор гласных. Вот этот самый разный выговор и существующих, и уже отсутствующих в нашем языке букв, а также меняющийся в одном и том же слове их выговор и есть первый ключ к Первобытному языку.

Переходы гласных

Вот примеры. Мы говорим «рок, рокот» и «пророк», но «прорицать» и «рык». Говорим «река», «речь», но «ручей». «Ручити»=рыкать, по Словенски, «ручь»=кричать как лев, по Верхнее-Лужицки. Если переходы к-ч-ц нам понятны, то на изменения гласных в одном и том же корне мы мало обращаем внимания – а ведь здесь в одном корне «о», «е», «у», «и», «ы»! Корень один, но как по-разному выглядит²³! А каков исходный корень? Пока не скажу.

Всё же это разные производные одного корня, а если взять одно и то же слово? Пожалуйста. Мы говорим «сесть», но «сидеть» и «сядь»; «дети» и «дитя». Дело усложняется из-за потерянной ь (ять) – мы заменяем её «е» (в «сѣсть», «сѣно», «дѣти»), но это неправильно, потому что это мягкое (Первобытное) «и». Вообще для нас странно употребление «ы» (твёрдой «и»), там, где мы говорим мягко²⁴, и наоборот, не говоря уже о «странностях» вроде малороссийского «було» вместо «было» (хотя своё же «будет», «будь» рядом с «быть» по привычке совершенно не смущает; кстати, а какой же корень у этих слов?). В общем, если с твёрдо-мягкими парами «о-ё», «у-ю», «а-я» всё понятно, то с «ь-й-и-ѣ-е-э-ы-ѣ»²⁵ история запутанная. Но распутывать пока необходимости нет. Главное, что и в производных одного корня, и в склонениях одного и того же слова согласья в гласных как будто бы нет – переходы как будто произвольны. Я уже не упоминаю про ударения, времена, виды глаголов, степени прилагательных и т.д., и т.д. – всё это Лукашевич учитывает в законах переходов. Мимоходом, но очень серьёзно, замечу, что гласные – это мужские звуки (кому удобнее, пусть считает янскими), задающие смысл речи, указывающие на действие или бездействие. Согласные, соответственно – женские, они определяют строй, уклад [XIII].

Многие дают переходы в «осколке Первобытного». По Малороссийски в именительном падеже виск, а в родительном воска (наше воск). И сразу посложнее: голова и головы, но голив (вместо голов, род. пад., мн. чис.); слово и слова, но слив (род. пад., мн. чис.)²⁶. Это как раз одно из свойств Первобытного Славянского Языка: «Койность превращалась в постоянную, в словах женского и среднего рода, кончавшихся на гласную, как ныне в Малороссийской речи; в сѣм же наречии, если подобные существительные не имеют койности, то в таком разе оную принимают только в родительном падеже множеств. числа» [2]. Вот и понятия: койность есть онемение (корень тот же, что в слове «покой»; чешский глагол «коити» означает «приводить в бездействие» [9]).

Утрата понятия койности приводит к забвению смысла простых слов.²⁷

Итак, первообразные гласные «о» и «е» (а также носовые юс и яс, о них речь далее), в койном произношении изменяли звучание, становились «другими гласными». Первая койность о (обозначалась ѓ) = у, уу²⁸ (твёрдая) и = ю (мягкая). Вторая койность о обозначалась ѓ̇. Твёрдая ѓ̇ = ы, мягкая ѓ̇ = и, ѣ. Койность е (ѣ) твёрдо звучала как ы (рыба), а мягко как и, ю²⁹ [7]. Долгое о при утере койностей, т.е. когда тоническая грамматика приходила в забвение и слово выговаривалось однообразно, переходила в а.

Итак, если мы желаем убедиться, действительно ли Славянский есть Первобытный язык, нам нужно помнить, что гласные в словах менялись. А также учесть, что в разных славянских наречиях законы их изменения различались, а к тому же в разной степени соблюдались (а когда перестали быть осознанны – в разной степени выдерживались), а на сегодняшний день вовсе забыты. Всё это, до полного овладения хотя бы тем, что смог открыть Лукашевич – а он открыл многие, но не все, законы

переходов гласных в Первобытном языке, различных славянских наречиях и произошедших от них чаромутных языках – до дальнейших пояснений можно понимать так: ничего о «правильности» той или иной гласной в том или ином слове мы сказать не можем, мы научились лишь помнить «как надо». Но – не всегда «как надо» есть «правильно». Если «печеноги» сегодня мало кого беспокоят и представляют пример скорее забавный, то, например, с «богатством» современное русское правописание чрезвычайно вредит пониманию мира. «Богатство» с «Богом» никак не связано (а из-за *привычного* правописания подсознательно, а бывает и сознательно, связывается!), а вот со стяжательством – напрямую. По Малороссийски пишется «багатый» и означает «имеющий преобилие»³⁰.

Напоследок более интересный и неочевидный переход: Иллирийцы говорят жуть вместо жолть, пук вместо полк, вуна вместо волна и т.п. Таким образом, к у и ол тоже нужно внимательно присматриваться. У нас сохранилось иллирийское «стук», хотя нашему наречию соответствует «столк».

Опущения гласных нам знакомы мало. Это в других славянских языках (например, Чешском, Польском) совершенно обычны четыре согласных сряду³¹. А у нас, напротив, часто происходит *вставка* согласных. Там, где в других славянских наречиях «врона» и «чреда», у нас «ворона» и «череда». Но в «Слове о полку Игореве» (сам по себе достаточно старый текст, к тому же включающий списки из гораздо более древних) видим слънце, вълкомъ, плъкы, плъци. Об опущении гласных ещё будет сказано в разделе о буквах *р* и *л*.

Юс и яс

«Из которых первая решает великую задачу всесветного Славянского чаромантия... это светлая исходная точка, откуда расходятся струи корней во все языки света» [4].

Юс и яс, обозначавшиеся соответственно *ж* и *д*, есть *носовые* гласные Первобытного языка, которым в разных славянских наречиях соответствуют разные звуки и буквы. К примеру, наше слово «муж» должно бы писать через юс, «мжжь». А если уж записывать без использования отдельной буквы, тогда: Фракийский или Малоазийский (Персидский) выговор юс=ан даёт *манж* (по Чешски «муж» это «манжель»). Болгарский выговор похож, но он уже не носовой (с опущением *н*) = *маж*. Так же Польский *монж* («исходный» выговор, без койностей), а Словенский *мож*; Полабский *мунж*, а Русский муж; по второй койности юса (характерна для Литовского, Латинского) звучало бы *минж*, а по Малороссийски *миж*; второй Польский выговор юс даёт *менж*, а с простым (не носовым) *е* – звучало бы *меж*³². Замечу, что в богатейшем Первобытном языке и даже изрядно оскудевшем и испоганенном изнутри в ходе *непрерывной языковой войны* русском нет китайских повторений (китайский – особый предмет для разговора об истории и языке) – лук стрельный пишется через юс (и соответственно произносится в славянских наречиях), а как растение – через простую у.

Итак, гласные *а, о, е, и, у* вместе с *н* и без неё могут означать утерянный юс, и к привычному для нас звучанию мы можем перейти заменой на *у* или, реже, *о*, хотя у нас сохранились выговоры, характерные для других славянских наречий. И это даёт ещё один ключ не только к славянским языкам и наречиям³³, но и *ко всем языкам мира*. Добавлю, что в «хорошо сохранившемся» языке жителей островов Маркизских и Сандвичских юс выговаривался *ау*, а у Чехов зачастую *ов* («тур», дикий бык, у них «товр»); записывается латинскими *au*, «taur»). А ещё носовое, полное произношение терялось перед *р* – попросту по неблагозвучию, – и тогда оставалась «простая» гласная.

Этруски, или Этрурцы, покорённые Латинянами, произносили юс как *ан*, а перед *б, н* как *ам* [7]. Возьмите Латынь (или современные Западно-Европейские языки, впитавшие Латынь и Греческий): удивит ли вас теперь, что *амбае* означает «оба»? А то, что *angulus* (Английский *angle*) – это угол, или, вернее, жгёл? И огромное количество слов в Латыни, начинающихся на *А, Ап, Ам* есть слова славянские (с латинскими хвостами), начинающиеся с юса, который можно заменить нашей *У* – как частью корня или слитным предлогом (приставкой).

Что касается яса, то эта буква менее исследована Лукашевичем, но «во всесветном Славянском чаромантии почти нет никакого различия между юсом и ясом, напротив у нас сии различия весьма явственны» [7]. Итак, не будем слишком углубляться в тонкости, тем более что *условность* разделения этих букв из вышеприведенного очевидна. Про яс скажу лишь, что у нас он чаще всего заменяется «я»,

а в других наречиях может звучать как *ян, ен, ён* (наш современный «заяц» или великороссийский «заец» у Поляков звучит как «заенц» или «заёнц», хотя и записывается *zajęc*). Он может походить на юс, например, Латинское *grando* в переводе «град», но записывается он *грд, грядн* (ну нет в Латинском «я», чтобы записать «ян»; а наш выговор *яса* в этом слове как «а» неправильный, перенятый от Поляков; доказательство опускаю) [7].

Итак, в разных славянских наречиях (давших начало разным чаромутным языкам), в соответствии с законами первого, всесветного славянского *чаромутия* или *чаромантия*, в одних и тех же словах звучали разные носовые гласные, и, разумеется, по-разному записывались. Теперь где-то не осталось носового произношения, но осталось написание (как *ам, ан, он, ен* и т.д.), где-то наоборот, где-то не осталось ни того, ни другого, и вместо первобытных носовых звуков и соответствующих букв мы встречаем, например, понятные нам *у* или *о*, или, вместо них, «непонятное» малороссийское *и* или, ещё лучше, *а* – и уже не узнаём родных слов. Хороша благодарность великому мужу Михайло Васильевичу (не говоря уже о неизвестном Лукашевиче и других малоизвестных творцах, настоящих Учёных) – за сбережение языка в обособившемся наречии *не признавать своих же наречий, не признавать родного языка* во всём его великолепии! Спасибо также соросам и охочим до забугорных «методик» и «реформ» лингвистам (которые далеко не всегда *языковеды*) и образователям шестерёнок-образованцев – с первого класса учим торгашеское бубнение, в ущерб даже простому *заучиванию* самых начал ободранного и обдираемого дальше «интеллигенцией» Великороссийского наречия, не говоря уже о познании великого и могучего Русского!

Переходы согласных

Нам хорошо знакомы переходы согласных. Например, друг-друзья-дружба (г-з-ж)³⁴, речь-отречься-отрицать (ч-к-ц), порох(прах)-порошок (х-ш). Не все переходы, конечно, можно увидеть в одном только современном русском (и я не стремлюсь перечислить здесь все возможные переходы), однако, с привлечением других славянских наречий мы откроем гораздо большее их разнообразие и больше примеров каждого перехода. И, обратите внимание: эти переходы возможны *и в начале слов*. Например, «ход», но «шедший», «шествие»; «горло», но «жерло» и «ожерелье»; «зерно», но «жернов»; «кадка» и «кадить», но «чад»; «ехать», но «еду»; «пряду», но «прясть» и «пряха». «Жар», «жарить», но «гореть». «Жар» и «гор» *один и тот же корень*: Малороссийское «горячий»=«горячий» (переход о-а; у нас, кстати, «загар»), Словенское «горко»=«жарко» (переход и гласной о-а, и согласной г-ж), а точнее, *от первообразного корня «гор» происходит второобразный «жар»*. По Малороссийски «блин» = «млин». «Кожа» на славянских наречиях «тижа».

Послушаем Лукашевича: «Недостаток полного числа чарных звуков для выражения Первобытного языка, с коим в благозвучии и богатстве далеко не равнялся ни один из чаромутных языков, произвёл «чарное онемение», которое есть ничто иное, как его полувзвук и даже треть звука или простое его искажение, так напр.: звук *рж* переходил в *ж, с, а р* отбрасывалось; *дьжь* переходил в *ж, з* или *д; тьжь* в *ж, з* или *т, а* нередко в *д*) [1]. «Поляки и в конец уничтожающиеся Кошубы и Лужичане удержали до сего времени первобытные кортавость и дребезжание. Так точно говорили и другие Славянские народы, обитавшие у Балтийского и Немецкого морей, в нынешних Прусском и Ганноверском Королевствах. Сверх того Чехи удержали кортавость, Белорусцы дребезжание (дзеканье), у Лужичан оно употребляется совершеннее» [1]. Действительно, в Белорусском «дед»=«дзед», «день»=«дзень», «цень-тень» (а у нас, кстати, переход с-т в начале слова сохранился, например, в «сень»-«тень»), а в Чешском и Польском в порядке вещей дребезжание *рж*, и вообще по четыре согласных сряду.

Но это только начало. Одним из важнейших законов чаромутия является переход г(к) в д(т)³⁵. Например, «дрот»=«грот» (грот по Чешски и Польски «копье»); «глог» (дёрен, свидина или кизил) = «гلود»; «для» (Великорос.) = «гля» (Малоросс.)³⁶.

В общем, первообразная *б* переходит во второобразную *м*; первообразная *г* – в *д, дж, ж, з; к* – в *т, ч, ц; х* – в *д, ш, с* [7]. Тема большая и сложная, но главный вывод тот же, что и в случае с переходами гласных: мы можем говорить о том, как *принято* писать те или иные согласные, какое «правописание» *устоялось*, но говорить о *правильности* мы могли бы, только узнав *общие* законы славянских языков, законы Первобытного Славянского языка – но лингвисты о них знают мало, если не сказать ничего не знают (это не противоречит существованию частных законов, которые, впрочем, всё же законами

назвать сложно – они не сходятся друг с другом). Соответственно, искать в других языках «славянский слой» нужно с учётом общего и различного в славянских наречиях, а не удивляться «странному созвучию» с русским и останавливаться на этом.

Но даже без соотнесения с задачей поиска Первобытного языка знание о переходах согласных многое даёт. Опять же, находим связи там, где их раньше не было: «страсть»=«страждь», страдание (в этом, конечно, *отношение* к самой страсти ещё не выражается, но только её *суть*). «Голья» на славянских наречиях означает «ветвь» – учтём, что в этом слове «о» произносилось по второй койности как «и» – и поясняет нам значение слова «жила», а также, например, слова «золотка». А засчитаем ли мы наличие славянского слова в неславянском языке, если увидим, что в нём производное от «гёл» означает – нет, не ветвящиеся «жилы» и не проводящие соки «ветви»! – «реку»³⁷? Оставим пока этот вопрос открытым. Пока вспомним «жернов»: что, это просто «зернов», т.е. «относящийся к зерну»? Нет. Тут сразу и опущение, и переход: говорилось «жермов» или «жернмов», т.е. явно в слове два корня. «Мев» по Словенски «мучная пыль», «обмелица», «мовати» и «мавати» = «молоть», растирать [7]. Вот так в русском выжил пример перехода *в-л* (такой же странный для великорусов, как и более близкий, малороссийский *блинно-млинный* переход³⁸), и сейчас мы бы сказали просто «зерномол» – а с «жерновом» язык *был бы богаче (храня особенности других наречий), если бы не забывался смысл*. А в Латыни жив древнейший славянский *переход в-м*, а также встречается (скорее, искажение) *в-н* («*pervus*»=«вервь», бечева, верёвка; жилы-ветви и нервы-верви – отличное описание устройства тела *самим языком*).

Уже было сказано про опущения букв, теперь будем говорить о них как о законах речи, точнее, чаромутия. «...в Малороссийском наречии, подобно как в Славяно-Церковном языке, вовсе не имеется буквы г(g), а вместо ея употребляется придыхательное г(h), а равно нет перехода буквы г в в, подобно как в Великороссийском наречии» [5]. По Малороссийски *хострый, хоробец, хорёл* а по Великороссийски *вострый* (сейчас мы говорим *острый*), *воробей, орёл*. Как видим, придыхательное г(h) переходило в г и в (а также х), но так же и вовсе отбрасывалось³⁹. Кстати, по Польски «угол» = «венгел» – но каким далёким кажется (особенно без озвучивания) это слово от нашего, даже дальше чем английский *angle*!

Вот самостоятельное «открытие очевидного» (даже после первого знакомства с трудами Лукашевича язык приоткрывается помалу, но широким фронтом): *упырь* и *вампир* (*vampire*) в записи совпадают только в двух буквах, но, оказывается, совпадают, как равные углы. Пояснение может выглядеть так: «в первом слове усечена придыхательная согласная, и потому юс звучит как обычный для нас предлог *у*; во втором придыхательную согласную заменяет *в* («великороссийское», но такая замена придыхательной берёт начало, конечно, не в позднем великороссийском наречии), а юс выговаривается по Этрусски; в корне вторая койность, соответственно твёрдая и мягкая; соответственно мягкое и твёрдое окончание определяется немного различным для каждого наречия понятием о благозвучии». Осталось объединить в записи (положим, придыхательная всегда произносилась перед первой гласной, но не обозначалась): жпѣр(ь). После освоения даже основных законов чаромутия пошагового рассмотрения слов и пространного разъяснения не требуется: они просто *узнаются*.

Удивит ли вас теперь такое пояснение Лукашевичем переданного Геродотом «древнего» слова, обозначающего птицу в роде аиста: *Ibis* = *выпь*? Напомню, *is* – настолько же рядовое, обычное, насколько и *бесполезное* греческое окончание⁴⁰. Что ж это за загадочный древний «ибис», странно похожий по описанию на давно известную *выпь*?

Есть и другие виды усечений⁴¹, но усечение придыхательного одно из важнейших – вероятно, в Первобытном языке все слова начинались на согласную (а это значит, и на согласную начинались и корни, и предлоги, которые, соединяя со словами, стали называть приставками). А это, опять же, намекает на мелодичную слоговость языка. Здесь упомяну ещё об одном усечении, внесшем свой вклад в пресловутую «демографическую проблему». В сноске 31 я привёл замечание Лукашевича о щёгольстве речи, состоявшем в опущении гласных (хорошо заметном в Чешском и Польском). Не осознавая его, мы имеем много совершенно простых, но непонятных слов. Например, в слове «двор» (и «дверь») корень «вор», имеющий омысл границы, загороды (говорили «заворить», «разворить»,

«завора»). Но что же «д»? Всё дело в опущении «о», составлявшем вместе с «д» слитный предлог, обозначающий *отдаление* – в нашем наречии он звучит и пишется «от». Итак, правильно «одвор», а с учётом особенностей наречия, «отвор», отгороженный участок. Почему в церковных книгах записали «брак» – неважно. Важно, что с учётом «щёгольства» (и вообще чаромутия) мы можем вернуть в это слово слитный предлог «об», означающий всеохватность, полноту, целостность, совершенство... А также юс: «обържк». Можно даже не вспоминать, что *а* – это Болгарский выговор юса, и «рака» есть «рука» по Болгарски, достаточно того, что обычный Русский выговор юса есть *у*. Удивительно ли, что в церковных книгах принято Болгарское написание? Больше поражает, как такое красивое слово, даже только на самой поверхности означающее *полное и совершенное вручение друг другу рук, обрук, обручение*, перемешали с тем, чем хорошее дело не назовут. А сколько споров вокруг «штампа в паспорте», вокруг «гражданского», «официального», «церковного» *брака* и вообще вокруг обрядовости! А ведь Язык спрашивает только о смысле, о содержании: полностью поручились, доверились, вручили себя друг другу, заручились пониманием и поддержкой?

Буквы *р* и *л*: вставка, опущение, перестановка

В сноске 39 уже было сказано об усечении согласных *в*, *г*, *х* перед *р* и *л*. Ясно, почему опускаются именно эти согласные, но почему именно *р* и *л*?

В славянских языках мы видим частую вставку и опущение *р* в корне слова. Например, чево (Словен.) и чрево, чеда (Словен.) и чреда. Более того, *р* в различных наречиях то ставилась за первой буквой корня, то переставлялась за среднюю гласную. Кстати, «среднюю» для нас непривычно, здесь же вспомните про вставку гласной в русском языке⁴². А после вспомните про опущение заменяющих придыхательную *в*, *г* и *х* перед *р* и *л*, и ваше представление о корнях слов, – и, соответственно, об их значении, смысле, взаимосвязи значений и смыслов, – особенно после собственных находок, совершенно изменится! Как жаль, что этому не учат в школе – а сколько бы дало одно только обращение к языкам братьев-славян, не говоря уже об освоении законов чаромутия и разборе напыщенных, но пустых⁴³, «древних» и современных (особенно западно-европейских) языков как искажённого русского, точнее, Первобытного Славянского!

Язык жителей островов Маркизских и Сандвичских снова подтверждает: *л* заменяла *р*, и *опускалась*⁴⁴. На Маркизских островах «два» = «иа», а на Сандвичских «/иа»; «три» у первых «*toi*» («*toru*»), а у вторых «*ko/и*»; «пять» у первых «*iita*», у вторых «*lita*»; «восемь» – «*vai*» и «*va/и*» [3].

О переходе *рж* (также обозначалось отдельной буквой) в другие согласные, который тоже, по сути, означает опущение звука «р», уже было сказано: «десница» = «держница», т.е. сильная, держащая рука, правая, правящая рука (в отличие от вялой левой).

А вот опущение: кросна – ткальный станок (для переплетения продольных нитей с уточными, поперечными), крошня – плетёная корзина, кросна – корзина по Чешски. И так, «косой» (кривой, «кросый»), и коса (*плетёная* прядь волос, «кроса, девичья краса») есть уже слова с усечениями. Древний Пелазгический (бель-язги – славянское племя, язык, народ Бел-бога) говор сохранился в Греческом: *Κρόσσος* (*krossos*) = «бахрома, косма по краям платья».

Итак, свойство чаромутия: *р* и *л* сменяли друг друга, опускались, вставлялись, переставлялись. Осталось добавить: есть особая, так называемая ассирийская перестановка. Например, ассирийское «арть» (сохранилось в Иллирийском наречии) есть «рать» – копьё (от «копья» и русская «рать»), остриё, шпиль, в переносном смысле верх, вершина. Латинское «арса», сундук, гроб = «рака», гроб⁴⁵. Древне-Персидское «арз» означает «раз», удар, от «разить». Скифское «арб» означает «раб», работа [7]. И ещё, на заметку: перед *р* и *л* в ассирийской перестановке юс звучал как *а* [6].

Чаромуть

До этого мы видели совершенно обычные для славянских наречий свойства языка: более или менее знакомые и привычные переходы гласных и согласных; мало знакомые, но совершенно понятные опущения; почти незнакомые, но легко понимаемые и проверяемые различия выговора букв юс и яс. Для разминки я привёл несколько соответствий *славянским* словам в других языках, обнаруживаемых с помощью совершенно чётких законов *славянской* речи. А теперь пришла пора познакомиться со свойством чаромутия, с которого и берёт отсчёт собственно открытие Лукашевича – «чаромутью».

Чаромуть – это обратное чтение корня слова⁴⁶. Это свойство более неожиданно, совершенно непривычно, но, так же как и другие, подтверждается и одним только великороссийским наречием, и перекрёстно другими славянскими наречиями и языками, и десятками тысяч разобранных Лукашевичем слов на более чем двух сотнях (!) языков.

Я пока оставляю интереснейшую и важнейшую, очень глубокую тему «почему и зачем жрецы начали чаромутье», неразрывно связанную с мифом о Вавилонской башне и происходящим в мире сейчас. Надеюсь к ней вернуться в других работах по чаромуту.

Создать язык (пусть лингвисты холят и лелеют десятки противоречивых теорий, но я буду прям) человек был не в силах, но он шёл к этому. И именно это является его сверхзадачей: превзойти язык, овладеть им, выйти из-под его обуславливающего влияния, простраивающего те или иные *системы рабства* (начинающегося с поклонения той или иной идее, поклонения знанию) во всех смыслах, полностью открыть язык, и в этом смысле создать, а точнее, оживить, очеловечить его. А в истории человек лишь *надстраивает* – над данным ему, потрясающе «маловероятным» с точки зрения науки⁴⁷, как и само существование человека [XV], *методом* (об этом прекрасном слове я скажу далее), способом, возможой, инструментом, каким является Первобытный язык, – искусственные языки. Пока оставим вопрос, какой в этом исторический смысл. Вопрос: *как* возникают искусственные языки? Ответ: словопроизводством. Откуда берутся новые слова (так сразу и скажем: и новые языки)? Составляются из старых, как из кубиков – выдуманные слова никогда не приживаются. Язык «высокого» уровня позволяет расставить акценты, простроить очень крепкие и явные связи между необходимыми понятиями, чётко заложить *основополагающие* представления о мире, создать правила игры, по которым *вынуждены* будут играть принявшие язык [XVI]. Язык «высокого» уровня есть *концепция*. Итак, искусственный язык, язык «высокого» (как надстройка «выше» основы) уровня выделяет границами (определяемых понятий и их взаимосвязей) и замораживает, утверждает какую-то область (бесконечно богатого) *человеческого языка*. Тем сильнее замораживает, чем больше настаивает на собственной исключительности и глубине, детальности описания мира. Нет, само по себе это ни хорошо, ни плохо, как сама по себе не плоха и не хороша математика.

Но, секундочку: ведь связь с исходным языком, в пределе с человеческим, должна оставаться? Картинка: один человек через цепочку переводчиков сообщает нечто другому, причём каждый знает только свой родной и язык предыдущего в цепи как чужой. Каждый переводчик не только переводит с чужого языка на родной язык, но *пересоображает понимание* предыдущего переводчика в *своё понимание*. В вычислительной технике, использующей многоуровневые последовательности интерпретации от команд прикладной программы до машинных кодов (точнее, от многоуровневых логических блоков программы через многоуровневые логические блоки операционной среды к электрическим сигналам микросхем) и уже вплотную подошедшей к пределу сложности программных комплексов, не сталкиваются и с тысячной долей тех трудностей, которые выпадают в общении на долю людей (трудности, правда, в основном подсознательные), особенно говорящих на разных языках, особенно если эти языки чаромутные.

Так и каждый отдельно взятый чаромутный язык: при разговоре и мышлении на нём происходит пересоображение всех понятий и взаимосвязей понятий. Во что? В язык предыдущего образования, а в итоге в Первобытный. Что является мостиком от языка к языку, от уровня к уровню, где алгоритм? Как и в программировании, алгоритм обязательно должен быть простым и действенным. Иначе, будучи для каждого простейшего понятия применяем многократно, приведёт к возникновению и накоплению ошибок, очень усложнит и удлинит соображение, исказит или вовсе отбросит данные на его входе и выходе, в самом его ходе. Вот вам задача – сделайте новый язык, на котором будет *легко* говорить (иначе «быстро пересоображать»). Вы вынуждены будете только *менять* слова так, чтобы помнить их изначальный смысл. Но ведь при этом надо сделать их незнакомыми, как будто бы новыми, а потому просто введения нового алфавита будет недостаточно – произношение-то выдаст.

Посомнитесь детский язык? Такие способы подходят только для детей. Добавлять что-то – сильно перегружать язык. Нужно только изменять. Вот почему: «...в главных чаромутиях преобладает: 1) усечённость некоторых букв в словах Первобытного языка; 2) усилие, дабы каждое слово имело таинственную, но верную определительность; и потому для лучшего успеха придуманы превращения,

изменения и опущения буквы Рцы. Сия-то таинственность в определительности слов сохранялась у одних жрецов; мирянам она была неизвестна, или, по крайней мере, весьма мало. Таким образом, чтобы хорошо знать свой язык, требовалось или быть жрецом, или быть посвящённу в их тайны». [1]. Добавлю, что переходы согласных в основном служили для словопроизводства и обогащения языка без умножения слов одинакового произношения и написания, а разный выговор гласных по наречиям относится к первичному, или ключевому, Славянскому чаромутию (после которого были главные чаромутия) и дальше лишь закреплялся в чаромутных языках.

Без понятия о чаромути найти праязык невозможно. «Простое же сличение языков без обратного чтения, без вставки буквы р и проч. совершенно недостаточно и само по себе ничтожно. Всесветное Славянское чаромутие говорит, беседует с нами только с сим открытием»⁴⁸. [2]

Вот примеры Славянского чаромутия (т.е. раскрывающее первый шаг чаромутия, когда из единого Первобытного языка выделились различные наречия).

Чаромуть (знаком «<» я обозначаю переход от правого, истотного слова, в левое, чаромутное):

- До, предлог < ход, од (в нашем наречии «от»)
- Бава (забава) < ваба. «Вабить» – привлекать, манить, заманивать на многих славянских наречиях (например, птиц *вабилом*). Вспомните *женское* имя «Забава» – оно же не значит «смешная», и, выходит, забавы вовсе небезобидны по сути! Вавилон = ваввий лон, манящее лоно (между Тигром и Евфратом, если «разгречить», то Тёплом и Овратом, подробнее см. в [5]). Здесь нет усечения в б, как это может показаться. Просто последующая после неё в есть лишь, как принято теперь говорить, «суффикс», а саму б мы должны, по мнению Лукашевича, вернуть в это слово. Возможно, б за неимением соответствия в алфавите греки записали *витой*, а может, неправильное написание пошло от упрощения в произношении действительно сложного сочетания бв. Разумеется, мы вправе назвать «ваввий лон» только *толкованием* слова «Вавилон», за неимением подтверждения предполагаемого здесь словопроизводства, но это поистине прекрасное толкование, полностью отражающее и внешний, и глубокий философско-исторический смысл названия одного из важнейших для мировой истории Гардов, который раскрывают и другие версии [XVII]. Замечу здесь, что Лукашевич в своих работах почти всегда явно и прямо отделяет толкования и предположения от доказательств.
- Берег, брег < горб (от горы), по Иллирийски «брег» и есть «гора». Берег – это именно возвышение, то, что выше уровня воды. От уровня моря мы считаем все естественные высоты.
- Березозол (стар. Малорос.), месяц март < лозосереб. Бреза, берёза < сребя, сереба, «от серебристого цвета коры».
- «Бог» (тот «бог», который есть корень «богатства») < гобь. В наших древних текстах можем прочесть что-либо в роде «и подароваль бы тишину и мирь со всіми странами, и гобину плодовъ и довольство во всемъ». Итак, упомянутое ранее Малороссийское «багатье» имеет не внешний смысл «обилия», а внутренний, прямой, оно есть производное от чаромути корня «гоб», который с усечением и стал гобиной, гобилием. От этого корня происходит и латинское *соріа*, изобилие, а также усечённое *орес* с тем же значением. Этот корень часто находится в царских именах (*Gabius*, *Sysigamb* и др.), по мысли жрецов, обещая народам изобилие (Гобий и Зижигобь, от зиждить, создавать).
- Гинуть < никнуть. Ника – мнимо-чужеродная «победа». В славянских наречиях победить и означало повергнуть долу, *ниц*, т.е. заставить преклониться (сейчас говорится, правда, с намёком на обезьянный жест покорности, «нагнуть»), признать поражение. Само слово «победа» тоже чаромутное – в истоти это «подроба», т.е. когда неприятель раздроблен, *разбит*, потерял «субъектность», единство, самоуправление.
- Драг < гард. И «города» (то, чем городят), и пошедший от неё «город» (гард, с искажающей перестановкой град), и «гордый», и даже навязавший узлов «Гордый» имеют корень «гор», от горы, высоты («гора», высота пишем, «жар», «гор», «энергия», «сила», «власть» в уме). Как видите, даже на поверхности, в «бытовом» отношении, дороговизна и город связаны напрямую, *чаромуть* либо прямо, либо «диалектично», отражением, выражает смысл исходного слова, *истоти*. Город – символ системы, в основе которой лежит «вертикаль», драгоценность (явленная и неявленная, навная, «тонкая») – залог идолопоклонства. На высотах гор, на *тмениях*, язычники

городили грады алтарей (алда – жертва по Славянски) – а сейчас храмы Гордейшему тысячами смрадных помоек с фаллосами стоэтажных стекляшек разбросаны по планете, где в качестве жертвы, в обмен на галстук и другие символы веры, принимается только смысл и время жизни человека.

- Зло < лжо. Немаловажное соотнесение, не правда ли?
- Лик < числь. По Польски лик = счёт, личьба (= арифметика), т.е. < числьба. Тоже очень важное соотнесение. Замечу, что Лукашевича можно проверять и перепроверять: он безупречен. Возьмите этимологические словари («лик» вместе с «числом» можно найти у Фасмера), словари языков, наречий и т.д. – вы убедитесь, что натяжек Лукашевич не допускал. Другое дело, что далеко не всё, чем пользовался Лукашевич, доступно сейчас (списки источников приводятся во всех основополагающих работах), и далеко не для всех используемых им источников (всегда *лучших* на то время) можно найти более совершенный или хотя бы подобный заменитель. Лингвистика живёт и здравствует, а язык болеет и умирает, всего лишь за полтора века со времён Лукашевича потеряв многое безвозвратно.
- Ость, окончательная частица < исто, т.е. *сущь*. У Лукашевича мы находим пояснение смысла многих окончательных частиц.
- Часть < сечть, т.е. отсек. Отсюда *sectio* (сечтя) и пресловутый огреченного произношения «сектор».
- Чума < муча.
- Ясак < указ. Ясак – не просто «дань», это лишь частное значение. А.Толстой, «Суд»: «Лишь тогда, как исстари, от Москвы Престольной // До степного Яика грянет мой Ясак. // Поднимусь я, старице, вольный иль невольный, // Да пойду по водам я – матёрый казак». Его глубинная суть – «указ». Как видно, «указ» не просто как бумага или устное «распоряжение», а как непосредственно меняющее явленный мир вторжение гранённого пламени духа (иногда, действительно, «дух» ничего кроме обложения данью не являл). Это не используемое теперь слово как раз и интересно тем, что его суть раскрывается знакомым и понятным нам (правда, лишь очень поверхностно, узко) «указом», а ведь обычно наоборот.

Из-за недопонимания имя Лукашевича и его открытие, «чаромутие», иногда связывают исключительно с «чаромутью», обратным чтением корней. Ещё хуже, начинают всё читать задом-наперёд и искать в этом глубокий смысл. Это дикое, просто недопустимое упрощение из разряда «слышал звон...». Всё не так просто, как кажется на первый взгляд, и всё вышеприведённое – лишь взгляд с высоты птичьего полёта.

Вот пара «тонких» примеров чаромутия. Мне в пришло в голову такое «странное» слово: «бахвалиться». С «хвалой» всё ясно⁴⁹, но что это за «приставка» «ба»? Это не что иное, как «па», в нашем написании «по». Попробуйте понять смысл чаромутных слов «багульник», «багор», «барыш». Дополнительные пояснения в сноске⁵⁰. Ну а что же ещё значит «пасмурный», если не «похмурный» (возврат к первообразной согласной; хмара сама по себе интересная чаромуть, прямо и в истоти на Славянских языках означающая облако и облачение, то есть небесный покров и одежду; стало быть, *хмуриться* кроме прочего означает *скрывать*)?

А теперь чарная истоть. «Когда слово Первобытного языка писалось нововымышленными чарами и читалось не в обратном порядке, тогда оно должно было произноситься не по прежнему выговору, а совершенно сообразно чарным звукам. Напр. писали: зверевый, страждь – а выговаривали по чарам – свирепый, страсть: это есть чарная истоть; а прямая, или собственная истоть есть каждое слово Первобытного языка, сообразно его выговору произносимое» [1]. Итак, просто-напросто записали новыми буквами, *чарами* (во множественном числе также говорили *черы, черты, чарты, а черти или чертевлады* есть просто-напросто *жрецы*⁵¹), и изменилось прочтение, произношение. Судя только по этому, какой язык скорее окажется новым – греческий и латынь, или русский, в котором после всех усечений осталось 33 буквы [XVIII]? В конце-то концов, какой же язык безо всякой политической агрессии или угодничества называют «великим и могучим», какой язык дал миру *величайшие*, безо всякой дополнительной «раскрутки», произведения?

- Бабочка ~ вабочка.
- Велеть ~ волеть.

- Глина ~ жглина.
- Гнев ~ огнив.
- Из ~ иджь.
- Казнь ~ кажнь.
- Конь ~ гонь.
- Ненависть ~ не нраввиждь.
- Но ~ ино.
- Пра, превосходная степень (заметьте отождествление: служит для указания на *предка*) ~ пьрам (см. далее о «пирамиде»).
- Притча ~ притача. Вспомните «текст» и «текстиль». Это Латинское (Этрурское) слово означает просто ткань, тканье. Вообще-то корень у Латинян без *t* (*texo* = ткать), а из-за убогости латинского набора букв мудрецы Орды порядочно начаромутили: наше «ж», «ц», «ч» и другие звуки они передавали латинским «х» (и ещё сочетаниями, например, *ss*, *st* и др., причём безо всякого порядка), который потом приняли читать «кс». Этрурское слово, превращённое латинянами в «*textum*» (с павлиньим хвостом *um*), по Лукашевичу на нашем наречии звучало бы просто «течь» или «точь» (тôчь), по-моему мнению, можно сказать и «течь». От тачать, соединять края ткани, происходит *стачка*. Уток (которым ткут, переплетая поперечные нити, строчки, с основой) тôкает, тыкает (а ещё точнее тжркает). В конце предложения ставится *точка*, пишется течь строчками. Тôк=dotykanie, чувство осязания, прикосновение, по Польски, похожее словопроизводство у Чехов и Иллирийцев. Перестановка в *полном* корне *p* дала используемый нами трог, которое однозначно соотносится с несколько *грубоватым* (потому что используется только в низком значении) для нашего великороссийского уха, но видимо, очень трогательным в других славянских наречиях *тыканьем*. Кстати, слово «мечта» есть чаромуть, а истоть «тчема», ткань.

Теперь о понятиях. Чаромуть *простая*, или *совершенная*: сонм < множ, паутина < нитьваба (и здесь корень «ваб», т.е. суть паука – заманивание). Чаромуть *усечённая*: ночь < чорнь; сор < прош, праш. *Получаромуть*: «...в словах совокупных или союзных, когда одно из них выговаривалось чаромутью, а другое истотью: перламуть = сребламуть, сребрамуть» [1]. Чаромуть *перестановочная*: густый < стугий. Лукашевич об этом в явном виде не сообщает, но заметно, что «ст» часто при обратном чтении остаётся, не превращается в «тс», как будто обозначает один звук. Так же и юс с ясом обычно не прочитываются обратно, хотя на письме в чаромутных языках часто передаются двумя буквами. Исключения редки, например, «гнёт».

Законы чаромутия существуют не ради самих себя, а ради производства новых слов (в Славянском чаромутии) и подчинения людей власти «новых» языков. Новые слова и языки должны были использоваться в повседневной жизни. И потому вид новообразований всё же поправлялся с учётом благозвучия (хотя чем больше в чаромуть, тем жутче становилось «благозвучие», посмотрите хотя бы на немецкий; если бы англичане так тщательно и чётко не выговаривали слова, их речь недалеко ушла бы). Паук должен бы называться «вабк», «вабак», а в чаромути «бавк» – но оглушение корня в «пау» даёт гораздо более благозвучное и в самом звучании опасно-манящее слово. Советую при разборе чаромутия произносить слова – тогда переходы от слова к слову не будут казаться натянутыми, что иногда происходит из-за бросающейся в глаза разницы в написании (вспомните упыря и вампира). Произнесите несколько раз подряд «бавк» – и станет очевидно, почему всё-таки «паук». Это вроде само собой разумеется, но очень важно, и потому повторю: на первом месте *произношение, звучание* слова, а запись – очередная ступень, и очередная лазейка для проникновения искажений, очередной повод для столкновений и взаимонепонимания владеющими разными способами и правилами письма, разными алфавитами⁵². Это не очень существенно (для русскоговорящих, славяноговорящих) в главном, славянском чаромутии, но очень существенно при разборе далёких от Первобытного чаромутных языков. И это очень существенно для понимания мировой истории – именно письмо, запись живого слова, книги, писанные законы стали опорой чаромутия в познании мира на основе узких «естественных» (языки народов) и искусственных (священные языки жрецов, науки) чаромутных систем. Это позволило, за счёт жёстких связей этих систем, глубоко, но точно проникать в мир. Настолько глубоко и узко, что целостное понимание мира совершенно терялось.

Вернёмся к понятиям. Те же подвиды, что и чаромуть, имеет чарная истоть: она бывает простой, усечённой, перестановочной. Интересные примеры последней: гривна~гирвна, облый~болый, большой (внимание: «огромность», «бесконечность» в самом языке, безо всякой физики, математики и прочей эзотерики, отождествляется с «круглостью»; от «облый» и предлог «об»).

Дальше идёт *чарная поистоть* – чаромуть чаромути приводит нас к слову, близкому к исходному. В сноске 49 я уже приводил пример поистоти («альфа»), вот ещё: шуба < пух < хлуп, «шуба» есть поистоть древнего «хлуп» (волос) и чаромуть от *главной чаромути* «пух» (видимо, от него сохранилась чарная, или даже прямая истоть «хлопья»).

Итак: *истоть* – изначальное слово; *чарная истоть* – запись изначального слова другими чарами (изобретение очередного алфавита); *чарная поистоть* – чаромуть чаромути, после двойного обратного чтения возвращающая нас к очень приблизительному виду истоти.

И, наконец, *почаромуть* – это чаромуть чарной истоти. Например, «кус», «кусок» есть чарная истоть «круш», «крушок». После изменения слова при записи в другом алфавите его обратили в чаромуть: сук < кус (обратите внимание: «сук» – *отломанная или сухая ветка*). Соответственно, сук есть *почаромуть* от куска, куса. В таких случаях правильно и просто «чаромуть» (с добавлением *относительно какого слова*), но называя *почаромуть*, мы сразу указываем, что возвращаемся не к *прямой*, а к *чарной* истоти. Но, нужно понимать, что «почаромутность» несравненно далее отстоит от первобытного языка, нежели чаромутное главное: ибо она прошла через два чарных алфавита, а последнее через один».

Обратимся к языку Островов. Кстати, в нём есть интересная особенность – славянские корни, обращаясь в чаромуть, часто повторялись два раза сряду, составляя одно слово. Например, ракарака, капля < капа, капля; ларулару, пламя < палу, палу (палить, палево). Памятуя, что юс читался в этом языке как ау: раукіа, гибель < гжбя; раулі, глупый < глжпый; раулеһіа, любимый < лжбеґя (красивое слово; у нас *любезный*, но был бы понятен выговор *любежа*, как понятен *лебёдушка*). Рапао, хлеб < лабао (в сноске 39 я упоминал об усечениях, в том числе сербском *леб* вместо *хлеб*).

Итак, что есть славянские языки? Это наречия Первобытного языка, или «языки» первого и второго образования, включающие в основном чарную истоть и чаромуть (главное чаромутное, запись слов на новом – или первом? – выдуманном алфавите) и почаромуть (второй алфавит), изредка и истоть.

Что есть остальные языки? Дальнейшее чаромутное славянских наречий. Однако:

«...в глубокой древности знать чары, означало тоже что и знать язык: первобытному неочаромутившемуся Славянину, узнавшему таинственные чары магов и князей, стоило только читать в обратном порядке их загадочное письмо, дабы разуместь и самой чаромутный их язык. Так и поныне простолюдины уверены, что знать читать на каком бы ни было языке – значит тоже что и понимать его». [1]

Теперь читать на каком бы ни было чаромутном языке совсем не означает *знать* его. Знать его – значит знать смысл его слов, который неизвестен и самим носителям чаромутного языка, и не будет (разве что в ничтожно малой части) известен без Первобытного или хотя бы русского.

Чаромутные языки

Я пока оставляю в стороне предметы восхищения эзотериков вроде Санскрита⁵³ и Иврита⁵⁴. То, что Санскрит не является праязыком, прародителем других древних языков, давно известно лингвистам (ну что такое: обсуждают лингвистику «в телевизоре» – не признаются⁵⁵; неудивительно, что эзотерики продолжают верить пустышкам, гипноз работает). При зачарованности санскритскими мудростями это нужно учитывать: даже при бесконечном доверии к священным книгам, учениям и символическим системам, развитым из этого языка, он есть *неизвестно откуда* (для лингвистов) взявшийся, и в любом случае не первоисточный. С Ивритом для лингвистов вопрос сложнее, а может, наоборот, проще: распространено мнение, что семитские языки есть древнейшие, но это разделяемое большинством мнение далеко не безупречно. А каббалистические ковыряния в носу с тасованием туды-сюды⁵⁶ добытых образов устраивают лишь до поры и лишь начинающего эзотерика (будь он

школьник или академик), или уж совсем зачарованного знателя-тайных-тайн или выше-премудрых-сложно-научных-формул – каков язык, такова и система. В любом случае не погрешушки Санскрита и Иврита (хотя про иудаизм надо разговаривать особо, всё же с ивритом он связан не жёстко) определяют сознание равно современного неуча (кстати, «неук» – необъезженный конь), образованца или уж-в-своём-то-вопросе-специалиста.

Греческий и Латынь – вот великое чучело всех времён и народов, «священная корова», на которой стоит дутый миф о просвещенном величии, *свойственном* Западной цивилизации и *несомой ей* в тёмные страны недемократичных варваров! Можно продолжать дурачить детей в школе баснями о Ромуле и Рэме, не давая настоящей истории, не касаясь того, откуда действительно взялись греки и латиняне. Но дети не всегда отучаются думать и не всегда приучаются верить в «знание», «факты» и прочую «объективность». Много сказано о греках и латинянах, и, ничуть не преуменьшая важности уже сказанного, обращаю ваше внимание на совершенно бесценные сведения от Лукашевича. Бесценные потому, что многим хорошим догадкам они дают твёрдое основание, да и вообще множество хороших и по-своему верных, но противоречивых предположений сводят в более целостную картину. Бесценные потому, что они, в общем-то, только в частности о греках и латинянах, а в целом о мировой истории, о языках и народах.

Всего Лукашевич насчитывает шесть ступеней чаромутия. Греческий, по Лукашевичу – язык четвёртого образования, *говорка*. Латынь также есть *говорка*. Французский, Итальянский, Испанский – языки пятого образования, *полуговорки*, образованные из Латинского и нескольких языков третьего образования. Языки шестого образования (например, «Романский, употребляющийся частью в Швейцарии») – *балаки*. Обратите внимание: чем выше насест, тем жёстче, тем мутнее язык, и, соответственно, тем труднее мышлению – Швейцария, как известно, совершенно особая страна! Латынь и другие говорки – составные языки, по Лукашевичу, *ублюдочные*, они составлены из десятков языков. Они многое могут рассказать: «При исследовании говорок, или смешанных языков, каждое разобранный в нем слово совершенно характеризует тот народ, из языка которого оно взято. В сём-то отношении эти говорки, или языки четвёртого образования, чрезвычайно для нас любопытны: они сами о себе рассказывают историю своего состава». [7] Санскрит, а также язык Брахманов и Зендский – четвёртого образования.

К сожалению, современным русским языком мы похвалиться не можем – в существующем виде, особенно в устах «интеллигенции» (слава Богу, ещё не в устах простого народа), он вряд ли может считаться языком второго и даже третьего образования⁵⁷.

Греческий

Что же, в общих чертах, представляет Греческий? Из 4,147 разобранных в [6] коренных греческих слов 3,063 (74%) слова относятся к 55 (!) языкам «первой и второй Китайской семьи». Среди этой «китайщины» огромное количество слов относится к одному языку, монгольскому (1,198 слов, 29% от разобранных). На долю последующих по вкладу китайских, самоедских и маньчжурских всего приходится 870 слов. *Что* это за слова? Это слова дикарей-язычников, жестоких завоевателей и поработителей, торгашей, подлых льстецов и обманщиков.

Славянских слов 1,084 (26%), из них *со слитными предложениями* 274, а *сложных* – 42. Понимаете как – слов *со славянскими* слитными предложениями, слов, составленных в сложные в *славянском* словопроизводстве. Иначе – аж четверть славянских слов из всех славянских, составляющих внушительный и резко отличный от других «слой» греческого, доказывает нам, во-первых, что дело не в наличии у Греческого и Славянского одного корня, общего праязыка, а в заимствованиях, и, во-вторых, что именно греки заимствовали славянские слова, но не наоборот⁵⁸. Причём слова, касающиеся развитого государственного устройства, науки, искусства, военного дела. Слова, которыми гордятся Греки и Западная цивилизация.

Интересный вопрос с божествами. От Пелазгов Греки взяли врачевателя Осклепия (привычнее Осцелия) и озвучили его как Асклепия (почти не извратив). Так же и Мёжа стала Музой – да никто не против, надо только понимать, *что это значит!* А вот с красотой и прелестью Гарней тяжелее – она стала Харей (*переводится* как Харита; зато в огреченном звучании была похожа на монгольское «хайра», милый).

Были, конечно, у завоевателей Пелазгов и свои боги. «...примечательно Монгольское имя Вахх, или Бахус, весьма удачно приложенное к необузданности пьянства. Это был божок Сибирских дикарей, а его таинства, заключающиеся в бражничаньи и попойках, доходивших до бешенства, особенно бросались в глаза Славянским народам, которые никак не могли понять, что самый гнусный порок, находил для себя покровителя и представителя на небе: потому что вера, сверх высшаго ея назначения, прежде всего заключает в себе исправление нравственности человека. «Надобно сказать, пишет Геродот, что Скифы (земледельческие)⁵⁹ вменяют Эллинам в стыд их Вахханалии; ибо, говорят они, несообразно с здравым разсудком, чтобы находился такой бог, который бы приводил людей в бешенство (кн. IV, 79)» [6]

А вот откуда «собственное», «греческое» название нового народа ордынских жрецов – Эллины. «Заметим мимоходом, что Турки в последствии пришли к Грекам в Морею по тому же праву сильного, по которому из Пелопонеза выжили Эллины Пеласгов. Мы уже видели выше, что имя Пеласгов значит язык, народ Бела, Бел-бога: уж когда обирать кого, так обирать в правду, а потому и Греки, хотя кратче, но перевели для себя их имя: «*Ἑλλην*, Грек, Эллен, сын Девкалиона, от *ἥλιος*, солнце, *έλλη*, *έλη*, солнечный свет=*eajer* (т. е. аель), солнце; *jalea*, *jale*, светлый, блестящий, по Самоедски Юрацкаго берега (Кастрен, 282, 233); галён-кулеч, солнце, по Южно-Камчадалски». [5]

Итак, Эллины – просто огреченное (на вновь созданном, чаромутном языке) звучание Самоедского слова, которое просто перевело название покорённого народа. Почему бы не взять хорошее слово для названия нового народа? Сыны Солнца (узко поняли пришлые жрецы суть имени Бел-Бога) – заманчиво. Но взять его как есть – значит, явно подчиниться языку. Жрецы Орды перевели название Белъязгов, народа Бел-Бога⁶⁰, словом Самоедской речи – солнце, блеск. Что же мы видим дальше, откуда же собственно «греки»?

Дальше – ничего нового! История с Греками совершенно прозрачна – блестящий подлог «великой западной цивилизации»! Латинское *Grajus* или *Graecus* означает Греческий, Грек и есть *прямой перевод с Самоедского на Монгольский (!) слова Эллин: гэрэ, блеск; гэрэл, сияние, свет, солнечный луч; гэрэлку, сиять, блистать (о солнце и луне); грэне, солнце, по Ирландски; гриан, солнце, по Эрзо-Шотландски. [7]*

Греки управлялись татарскими башами или башилами (греч. *Βασιλεύς*, вождь, глава народа или племени, хозяин имения или дома; монарх, повелитель, царь = *basil* = баш, голова, глава, начало; башлык, начальство, власть, правительство, по Татарски), затем приняли общественное устройство Славян Фракийских. [6, 7]. Мы знаем башку и башню – но, не понимая чаромутия, искусственного создания новых языков жрецами, и искать не будем татарское слово в «величественном» *базилевсе*. И неважно, что это без обычного греческого окончания обычный *башил!*

Латынь

С Латынью история та же. Язык этот (в [7] разобрано 3,659 слов) составлен из Славянского (737, 20%; из них со слитными предлогами 163, а сложных 17) и 59 языков «китайщины», впереди также монголы (1,320 слов, 36%), а за ними всё те же лица, теперь в ином порядке: маньчжуры, самоеды, китайцы (705 слов). Замечу, что речь идёт о количестве коренных слов указанного языка, латинского или греческого. Всего же слов, с учётом производных, имён собственных, и слов языков, которым не посвящён корнеслов, разобрано гораздо больше. Например, в Латинском корнеслове только Славянских коренных слов разобрано 4,168.

«Если мы соединим, по предметам, Славянския слова, находящиеся только в двух языках Греческом и Латинском, то невольно проникнемся удивлением при взгляде на всевозможныя определения ими предметов в точных названиях, относящихся не только к изысканному домашнему быту и к письменности, но и к высшим наукам и изящным искусствам. Сии определения, будучи доступны каждому Славянину, приятно его изумляют в вернейших приложениях и оборотах нашего чисто математического древнейшаго языка». [7]

Грамоту, космос с астрологией и астрономией, фаланги, агоны и всяческие дромы, мимов, трагедии и комедии, станции, триумфы, конусы и климат, крокодилов и дельфинов, календарь, логику и поэтов, президентов, скульптуры, пластику и статуи, скальпели и вообще инструменты, понтификов и бани,

арены и сцены, монеты и пуды фунтов – всё это и многое-многое другое через руки Греков и Латинян вернули нам братья-славяне, Пелазги и Этруски. Впрочем, сами Греки и Латиняне и есть в какой-то мере Пелазги и Этруски – но дело ведь не в крови, а в намерении и выражающем его языке.

Завоёвывая славянские племена, Орда училась земледелию. Посмотрим на «латинское» аго, пахать. «Аго, аге, орать, пахать = орю, орати. Монголо или Калмыцко-Латинская Орда, по примеру таковой же Греческой, приняв от Славян слово орать, вместе с тем приняла и земледелие и тем положила начало истребления их, сперва в Италии, а в последствии в Испании, Галлии и Британии. Aratus, вспаханный=оратый, ораный, по Малороссийски. Arator, пахарь=оратарь, пахарь, орадай, по Словенски». [7]

Italia < Latia, Latium. Не правда ли, просто? «Латя, страна латьев, колосьев, хлебородная. Latium, страна в Италии – тоже значение». Ну хорошо, связь латыни с Италией понятна, но при чём здесь славяне? Лат, колос, стебель, по Иллирийски. Влат и лат, колос, стебель, цветочная метёлка, по Словенски. Волоть, нить в составе тела человека и животных; волокно, по Великороссийски. Волоть, верхняя часть хлебного снопа с колосьями; просяной колос, по Малороссийски. Влатж, влатявам, колоситься, по Болгарски. Достаточно? Нет! – это *один из взаимосвязанных смыслов, касающийся латинян*. Италия – от колосьев, но с ней проще, это страна, которую один народ, или орда народов, может завоевать.

Начнём с того, что влах – это в последующем словопроизводстве понятный нам влас, волос (переход х-с). Мимоходом: кроме существительного, конечно, может быть прилагательным усечённого окончания. Более глубинный смысл – волна, а последующий после *влас* смысл – как раз «влат» (переход с-т, как сень-тьень). С усечением, подобным Словенскому лас и Лужицкому лос (волос), в Греческом λάχνη значит «кудрявые волосы, волосы» (кудри). По Чешски итальянец – влах, а по Польски влох. Связь с волосом доказывается тем, что на всех славянских языках в прилагательных х переходит не в ш, а в с.

Влах – «это было древнейшее Славянское название Римлян, а по древне-Русски Волх и Волох». Лукашевич приводит выдержки из древнейших летописей, переданных Нестором: «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, съдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ ... Тако розидѣся Словѣньскій язык...»

И далее: «Ныне наши Историки относят сие великое событие к IV веку, по той причине, что Волхи или Волохи приняты ими за Римских поселенцев, т.е. за нынешних Валахов и Молдаван. Вот важная ошибка в смешении имен! Быть может и Нестор уже принимал сих Волхов за Валахов, но это смешение доказывает только отдаленную древность сего происшествия. И действительно, невозможно себе представить, чтобы такой великий, древнейший и из веков образованный народ, каковы были Славяне (Дакийцы), бежал из своего Придунайского отечества, куда глаза глядят, к Днепру, к Балтийскому морю и к Волге – от ничтожных Валахов, вечно трепетавших от Болгаров и Руси! Слово Валах, по Польски, однознаменательно со скопцем, евнухом. Нет, сие важное событие в Истории Европы произошло не от кучи ублюдков Римских. Предки наши, Дакийцы, прямо пали от Римлян, тогдашних властелинов света, а не от их выселенцев, смешанных с пленными Парфами. Иначе для чего было бы Северянам и вообще Руси, в продолжение тысячи лет, вести летоисчисление от потери первого своего отечества – Дакии, или же от порабощения оной Траяном (см. там же под frater)?..

Что же относится собственно до имени Влах, Волох, Волх, то из всего видно, что Монгольско-Латинская орда кочевала сперва близ Уральских гор, потом перешла в Паннонию, а оттуда уже вкочевала в Лацию, правильнее в Латию, в Латскую землю. Эти ордынцы названы от Славян волохатыми, обросшими волосами, потому, что Римляне отращивали волоса на голове и бороде; между тем как Славянские народы в Европе подбривали или подстригали на голове волоса, ходили в чубах и нередко, подобно Славянам Британии, носили усы. См здесь βάρβαρος, καρβάν». [6]

Итак, волосатые захватили страну хлебопашцев.

За земледелием – искусство. Ограничимся чисто языковым примером.

«Но должно единожды заметить, что в чаромутных языках они [окончания слов, имеющие самостоятельный смысл] тогда только правильно и кстати употреблялись, когда еще жрецы сохраняли древний язык Славянский, из которого образовались те чаромуты; или же когда сей язык был еще в семейном употреблении, особенно у простаго народа. Напротив, если он уже исчез, то и значения тех придаточных слов забывались, и они тогда уже употреблялись по снаровке, неопределенно, безотчетно: что и породило в смысле слов самая грубая погрешности. Напр. одеревенелый, первобытно можно сказать дровьявлящий, но было бы неправильно сказать — дровьявлятый. Вот почему Латинские писатели, так называемого золотого века, особенно Цицерон, Овидий и Virgilius удивительно как правильны в сочетаниях придаточных слов – сия правильность, или свойство древних чаромутий, есть: «Славянское сочетание придаточных слов». Напротив, почти все последующие Латинские писатели особенно: Сенека, Тертулиан утратили сию правильность, отчетливость и, составляя слова, не могли дать им той мысли, видвы (идеи), которую предполагали: они руководились уже чистым Латинским чаромутием, пренебрегая или же не зная древняго языка своих предков. Так и все чаромутные языки до тех пор были «по своему» правильны, покуда не были совершенно отрезаны, отторгнуты от Славянскаго, без котораго их руководили один произвол или старья запутанныя о нем предания». [1]

Опять же, интересен вопрос с божествами. Удивит ли вас, что «латинский» бог торговли зовётся Vertumnus? При том, что *торговля* не по глубокомысленному определению ордынских экономистов (они нас никак не научат экономике), а по внутреннему смыслу нашего слова есть «круговрат» (это почти на поверхности, другие смыслы торговли язык также объясняет)?

А вот другие «латинские» боги:

- Зерь-Ceres (ну почему «Церера», если es – это обычный хвост?),
- Черка-Circa (Цирцея; снова и снова язык указывает на суть магической власти – чары речи),
- Ховна-Fauna (не путайте с Faunus, лесным полубогом монгольского происхождения; богиня Римских дам Fauna оберегала детей и семью; в Малороссийском ровно такое же словоупотребление),
- Любятина (Lubentina, прозвание Венеры... как, не слышали такого? как вы понимаете, правильно Любятина),
- Мена («богиня, имевшая попечение о месячных очищениях женских»; «мена» по Иллирийски и Словенски «новолуние», иначе смена месяца),
- Нитницы-Tenitae (чаромуть, а сама ноть от тонины), то же что Пряха-Parca (не настораживает, что «не наши» богини судеб Парки *пряли* и резали этих самых судеб нити? А всего-то перестановка *p*),
- Сея-Seia (богиня посева; вот опять – слово, ну очень «похожее» на славянское. И при этом разве широко известна эта богиня римлян?)
- Престана (Предстояна)-Praestana (богиня превосходства; вообще «prae» по-нашему «пред», praesidio «переводится» председатель),
- Статина-Statina («богиня, под покровительством которой дети учатся ходить»⁶¹),
- Свода-Suada («saudeo» – склонять к чему, советовать, иначе «свода»; «свадьба», кстати, по-литовски звучит первобытно: «swodba»),
- Крася-Gratia.

Вот как пришлые Орды распорядились захваченным культурным и материальным богатством:

«...башилы, по уверению Греков, были божескаго происхождения и преимущественно вели свой род от великаго Эркила, Иракла (см. в Корнелс. Греческ. языка, стр. 235). Так точно и Латинская, заключенная в своем Ороте (Roma), главном улусе, управлялась Монгольскими эрками, эркэлами, а по Черемисскому выговору ереками (см. rego, regulus), которым воздавала божеския почести (см. Romulus). В последствии, не стерпя их свирепства, буквально приняла общинное политическое устройство Этрусков или Этрурцев, переведа на Монгольский язык названия государственных сановников. Подобныя названия Греки удержали у себя Славянския. С сего времени могущество и владычество Рима стало расти, как из воды идти, и Римляне, в продолжение нескольких веков, как говорят, овладели целым, известным тогда светом (проще говоря, едва ли третьею частию древних Славянских государств). Все блага земли посыпались к ним как из рукава. Среди резни, а равно утопая

в роскоши, Римские Калмыки не переменили своей кожи, они держались тех же зверских нравов, каких были их предки в Монголии и на берегах Амура и даже их превзошли. Для кровожадного удовольствия, недоступного Славянину, они обращали своих пленников и невольников в гладиаторов сперва десятками, потом сотнями, а наконец, разсвирепев, тысячами; выводили их для зверской потехи на всенародные позорища и заставляли безжалостно умерщвлять друг друга в разных положениях; кровь лилась струями, песок посыпанный на земле, где они рубились и кололись, принимал вид красного ковра. В это время важные батырчи (*patricii*) прочитывали места из Гомерово́й Илиады, в которых, в разных подробностях, описаны поединочные смертоносные битвы Греческих эрэ (*ἥρωες*, см. в Корнесп. Греческ. языка стр. 242, 243, 246), героев с Троянцами. Можно сказать, что едва ли Греки и сотую часть их умертвили, сколько Римляне, в подражание им и в их прославление, перекололи и перерубили людей на этих преступных игрищах во всех своих обширных владениях. Но не всегда они с наслаждением упоались, как тигры, человеческою кровью; так пленники-гладиаторы, будучи выводимы на такие позорища и вместо того, чтобы представить Римлянам удовольствие поединков и битв героев Илиады, нередко сами себя пронзали мечами. Таковы они были и в домашнем быту: отец убивал своих детей; господин ... своих рабов; ... слуг, дядек, кормилиц и нянек своих вывозили ... на необитаемые скалы и острова; сии несчастные, конечно, от голода пожирали друг друга... Для роскошных обедов таких господ в прудах содержались дорогая хищная рыба, куда бросали рабов для их кормления: покушав человеческого мяса, эти рыбы становились весьма вкусны, которых, в свою очередь, кушали господа ...на крестах распинали таких же злосчастных рабов и невольников... можно ли было, без стесненного сердца, читать и восхищаться Римлянам своими классическими произведениями, на одну и ту же нитку сшитыми, прогуливаясь по этой роще крестов и крестов! Да, они восторгались, они были поэты!... Ученые Запада убедились, что Греки продлили и усовершенствовали просвещение древняго мира, которое перешло Римлянам, а они передали его всему свету. Дорого же это просвещение обошлось роду человеческому! ... **Не Греки и не Римляне были первые народы, которые, поселившись в странах Славян, кое-как продлили их бывшее великое просвещение, просвещение мира и справедливости к другим и к самим себе, просвещение довольства человека, основанного не на страдании своего ближняго. Таких народов, как я уже неоднократно упоминал, было весьма много, они образовали по самому поверхностному счету более пятидесяти составных языков или говорок; каждый из них, подобно Римлянам и Грекам, мог уверять свет, что он истинный продлитель такого просвещения, именно по той причине, что он, обратив в рабство разъединенный просвещенный в мире народ, Славян, кое-что от него сохранил и позаимствовал**». [7] Выделения мои.

Не уставайте восхищаться Западом!

Мы обязаны прерваться. Желательно встать на колени. Не уставайте восхищаться Западом! Орду интересуют только наши богатства, но мы должны снова и снова верить, что нам нужно ордынское «просвещение», ордынский «менеджмент», ордынский язык, ордынское мировоззрение, ордынские методы, ордынский «бизнес». Ах-ах, как грациознум и научноментум латынум! Как музыкальнос и мифичнос всё грекос! О-о-о, итальяно! Же-ве-зе-ме-ква, францоква-парижоква! Что бы мы в углах наших тёмных колоний делали без пупа Земли, метропольного English! Как же в школах без него, но лязгающего дыр-шпыр-щыр Deutsche (даичи, воин, по Калмыцки; даичин, война, по Монгольски)! [XIX]

Несколько примеров «греческих», «латинских» и загадочных «древних» слов

Мы будем говорить про пирамиды, а значит, гоже вспомнить и Рамзеса:

«*Ramesses* (по Геерену: у Плиния, XXXVI, 14, *Vulg. Ramises*), третье имя Сезостриса.

Прежде нежели разберем его, необходимо привести следующее место из Геродота (кн. II, 106): «Есть и в Ионии два изображения сего государя, вырезанные на камне... Каждое из них представляет человека в четыре локтя и одну пядень... часть убранства на нем Египетскаго, часть Эфиопскаго. На груди фигуры; от одного плеча до другаго вырезана священными Египетскими буквами надпись следующего содержания: «я сию страну *плечами своими* приобрел». Выражение *плечами своими*, или *раменами*, означает, что сей государь рамо об рамо шел на бой в первом ряду своего войска, иначе был вместе и полководец, и храбрый из воинов. 1-й слог сего имени: *Rame, ramí* = раме, рамы. Славянское рамо имеет исключительное склонение: в един. числе, в косвенных падеж., оно принимает наращение *ен*, как имя, семья, темя; во множ. числе имен. пад. имеет рамена и рамы; напротив, двойственное именит. падежа, имеет рам и рамы (Грамм. Славяно-Церк. языка, Классовскаго, стр 16). 2-й слог: *sses, ses* = зез, зед = зедь (женск. р.), родит. зди, каменная стена, по Чешски; зид (муж. р.), родит. зда, каменная стена

(*murus*), по Славянски (Востоков); от *зедь* происходит *зодчий*; слово создатель будет для нас понятно, когда между *з* и *д* вставим *е* = созедатель, значить: сосенитель, кто сосеняет, соединяет *зди*, каменные стены, каменные здания, то же что *зодчий*, но в высшем знаменовании, потому что последний собственно означает того, кто взводит каменную стену, простаго каменщика, а первый согласует, соразмеряет соединение *здей*: под именем Создателя мы, в переносном смысле, разумеем Творца, но глагол *зидити* допускался только в смысле устраивать, устроить (см. *Sisygambis*). *Ramesses* = Раме-зеж; из всего явствует, что в поэтическом смысле, под этим выражением, разумели лаву, или строй воинов, шедших плечо о плечо на бой или на приступ, и что этот строй уподоблялся каменной стене. Выражение «грудь каменная» означает у нас храброго, устойчиваго человека. Здесь же Рамезеж есть имя прилагат. усеченное и означает того, кто принадлежит к такому строю воинов». [5]

«Древних» историков нужно слушать внимательно:

«Океан, древнейшее Египетское имя реки Нила (Диод. Сицил. I, 19, 96), которое, по созвучию своему с Греческим *ωκεανός*, огречено Диодором Сицилийским (кн. I, 12), вместо Окоан = Окоян; в нем окончание *ян* соответствует именам: бой, отсюда Боян; трайти (Иллирийс.), медлить – Траян (медлитель), у Чехов были собственные имена Коян, Коен, происходящая от глагола коити (Словн. Юнгманна). Имя Окоян происходит тоже от глагола коити, кормить, питать; кой, пища, по Словенски (Янежич) и Кроатски (Линде), коеньи, кормление грудью; коенец, грудное дитя, по Чешски (Юнгманн). Слитный предлог «о» в имени Окоян показывает совершение действия, безусловное, безисключительное исполнение, наприм.: одарить – всем дать дары; озирать – осматривать все обстоятельно, осматривать вокруг; окончить – привести совершенно к окончанию; оговорить – совершенно опорочить; опыт, опытанье – обстоятельное чего исследование и т. д. Океан, Окоян, значить кормилец, кормитель, питатель; сказанный в нем предлог «о» означает круговаго питателя, т.е. как жителей, так и животных всех окрестных стран, которых напаял Нил в своем разлитии. О Греческом слове Океан Диодор пишет: «вода была названа океаном, что значить *кормилица*» (I,11); он умолчал из какого языка заимствовал это значение, а молчание его явно указывает нам, что это слово было не Греческое, а из языка Пелазгов, посему *οκεανός* просто значит кормилец, а не кормилица». [5] Странное «совпадение», не правда ли? – Диодор говорит о слове древнейшего народа, а оно соответствует славянскому и по звучанию, и по написанию, и по значению!

Пара примеров «Греческих» и «Латинских» слов, но не веса ради (вы можете скачать копии толстенных корнесловов, ссылки я приведу, и сами найти много интересного), а для перехода к следующей теме: посмотрим на греческие *καλασίρις* (*kalasiris*, «каласирий», длинное льняное одеяние у египтян), *πυραμίς* (*pyramis*; вообще говорить «пирамида» – неправильно, потому что окончание *-idis* давало *родительный падеж*), и латинские *angina* и *sculptor*.

Первое слово греки нам только передали, оно египетское. Понятно ли оно вам? В своё время я очень удивился услышанному на Дону словечку «колошина», им по сей день называют брючину. Читаем у Даля: «САЛПА ж. пск. колошина, штанина, сопла, половина брюк» (кстати, обратите внимание на салпа-сопла – перестановка *л* и тоническое *а*). Но зато теперь мне не просто понятно «египетское» слово – привыкнув к показавшейся вначале странно-корявой «колошине», оно мне кажется просто музыкой: *колоширь*. Колошина и колоширь – это некий раструб, более узко, одежда в виде раструба. И в слове «колоширь» так и видится женское платье *колоколом*, и даже огромный купол неба, небосвод, звёздная колоширь. Ну надо же, каково египетское слово – и наше «коло», и наша «ширь»!

Второе слово, без греческого хвоста и в именительном падеже «*pyram*». Недавно в американском научно-популярном фильме «Загадки Древнего мира» услышал, что «учёные мира до сих пор не знают, откуда взялось слово *пирамида* и что оно означает». Ну что ж, безличную систему под названием «наука» или «все учёные» давно требуется хорошенько перетряхнуть, в первую очередь настоящим учёным, учёным в душе, открытым новому, а не «учёным» по признаку забитости головы кучей теорий, формул и схемок из одной отрасли знания⁶². *Py* – слитный предлог «по», который выговаривался «пу» (опускаю подробности об особенностях чтения Греческого *υ*) = пё. Второй слог, *gam* = рамя, производное от *рама*, высота⁶³. Итак, «*pyramis* = пёрамя, пёрамии, пёрамица, то же что повсходье, ступени, уступы, для входа на верх, на высоту: по этому настоящие пирамиды имели вид уступов, оканчивавшихся наверху последнею ступенью или площадкою (Герод., II. 125)» [5].

Значения слов

Кроме того, что это наглядные примеры чтения по Русски древнейших (даже не Греческих, то бишь не Пелазгических, а другого славянского племени, жившего в Египте) слов, это ещё повод обратить ваше внимание на то, что законов чаромутия мало – нужно ещё знать славянское словоупотребление. А ещё шире – нужно понять, что слова не ярлыки, что они производятся от корней (первообразных), означающих очень отвлечённые (абстрактные) понятия, и по мере словопроизводства славянского и затем чаромутного, приходят к словам очень узкого смысла, обозначающим только отдельный предмет. Повторюсь: философам такое и не снилось, хотя они ищут именно такие связи. В чаромутных языках этот постепенный спуск от «абстрактного к конкретному» обнаружить сложно, связи разорваны⁶⁴, но в языках славянских самих по себе, а также при рассмотрении множества чаромутных языков вкупе с соответствующими им славянскими наречиями это хорошо видно. В то же время и в русском мы найдём множество слов, корень которых используется только в них (ну, может, ещё в двух-трёх словах), а все остальные производные и связи с другими корнями утеряны. Каков корень «диловины» – тот «дик», который даёт дикость или дичь? Что значит «борт», почему он то левый и правый у корабля, то сразу самолёт?

Идём дальше. Angina, «жаба, гортанная болезнь». Подмечаем ап, предполагаем юс и заменяем для начала у. Читаем, предполагая переход согласной: угина, ужина, удиная, узина. Что-то есть, но всё равно непонятно. Возьмём другое «латинское» производное того же корня: angio, давить или стеснять (возможно, сторонникам трудовой теории действительно лучше по совету Лукашевича расслабиться: слова не производятся от глаголов). А у нас говорят: теснина, ущелье... Конечно, всё дело в узости! Ну не говорим мы сейчас «узина», но и сколько тысяч лет прошло – ведь всё-таки понятен очень древний выговор! И не раз нас или близких ангины брала за горло, да и, случается, «жаба душит» (жадность опасна для здоровья – берегите горло!). Кстати, angius=змея, а anguilla=угорь. Сейчас мы «ужом» называем только одну из змей, но по Польски вонж=змея, да и разве не похоже, что «уж» от «узости», а значит, подходит к любой змее? А почему гуж обозначает верёвку, разве не ясно? Вот и применение древнейшего корня отвлечённого смысла⁶⁵ (а также усечения как приёма образования слов, а также замены придыхательного в и г).

Что ж там со скульптором? Давайте поставим небольшой опыт. Я сразу передаю пояснения Лукашевича о корнях «скульптора», а вы пытаетесь понять, *нравится* вам это пояснение или нет, *верите* ли вы ему или нет, кажется ли оно вам *натяжкой*. А потом, поняв, читайте сноску, я дам дополнительные пояснения. Итак, скульптор звучал бы в нашем наречии как «скоблътвор». Иначе говоря, мы имеем дело с обычной для р (л) перестановкой (не забудем и про оглушение «б»). Получается, скульптор – от «скоблътить». Разобрались с ощущениями? Поясняю⁶⁶.

Выводы следующие. Впечатление о «возвышенности», которую «портит» такой «низкий» смысл, возникает только потому, что мы не знаем словопроизводства, а принимаем в свой язык чужие (хотя когда-то свои) слова по одиночке. Откуда бы в Латыни ни взялся скульптор, он, по собственно латинскому словопроизводству, идёт от корня со значением «скоблътить, чесать, тереть». Собственные же слова «скоблътить», «крябать» кажутся нам низкими, потому что давно не участвуют в словопроизводстве. Нам навязали «латинские» и «греческие» слова, и от своих мы забросили производить необходимое для науки, искусства, потому-то все эти «графы» и «скрипты» по своей непонятности, таинственности и постыдному преклонению перед всем чужим кажутся единственно подходящими, незаменимыми словами русскими (ну почему же тогда всё-таки «великий и могучий»?!). «Давным давно наш язык мог быть образцом чистоты, но беда ему в неимении единства; если кто весьма удачно замещал Русским иностранное слово, то другой переиначивал, а третий смело уже кончал иноязыччиной» [1]. Положение было б смешным, если б не было ужасным – свои же собственные слова мы у себя держим как пустые ярлыки, как мертвые, чужеродные вкрапления в живой язык, которые мы не можем ни оживить (понять, вовлечь в словопроизводство), ни заменить.

Итак, вынесем отсюда, что восприятие каких-то объяснений как натяжек (а это не раз чувствительно отбивало желание продолжать изучение работ Лукашевича) понятно, объяснимо и даже естественно, но часто связано лишь с беспочвенными, но очень жёсткими, сильно устоявшимися, мнениями и стереотипами. Нас научили, что славян в Египте не было, и мы уверены, что их там не могло быть, потому что не могло быть никогда – там были только какие-то «древние» народы, и это, конечно, не

славяне, что вы, как можно! У нас прижились скульпторы и скульптуры, но мы мало того что не узнаём своих слов, так ещё и не видим связи между ними (здесь это связи со скальпелями и даже скальпами), и смеёмся (о, лингвисты громко смеются над исследователями, выходящим за рамки мифа о великой Западной цивилизации!) над очень простыми и внятыми объяснениями. Отсутствие своего голоса, забвение единого Языка, покорность внешним «правилам» и отчуждённому знанию в жёстких чаромутных системах – вот то, за что ответственны славяне, в первую очередь перед собой, перед друг другом!

Осталось добавить, что Лукашевич далеко не каждое слово разжёвывает и кладёт в рот⁶⁷ (может, поэтому Академия Наук не разобралась?), кое-что, бывает, долго лежит в ящичке «ну вот это вряд ли!». Но, осваивая дальше, *вникая*, каждый раз опустошаю этот ящичек.

«Философическое» строение речи

«Здесь мы незаметно перешли во второй отдел нашей науки, именно: к Распределительному Чертежу последовательности Славянской речи, это есть великолепное и чудное здание, некогда совершеннейшей в мире речи человеческой; здание, созижденное мудрецами, поведрами*, певцами и музыкантами, могущее из огромного размера вместиться и уложиться в самый малый и уютный. И потому то, хотя основание, или, лучше сказать, середина чертежа его не велика, но за то принадлежности и отделка изумительны... но увы!.. без Ариадниной нити (по нашему Жрдниной) туда не войдете!..

Так как в этом Чертеже, или правильном размещении, по степеням и отделам, коренных слов, каждое слово связано определительным или уподобительным смыслом с последующим и предъидущим, то в подобных отрывочных исследованиях, определивши одно из них, остается в нем дополнительный смысл для двух вышесказанных: от этого связь в целом, заметно, разрывается и является пробел, в смысле видимая несообразность определений, обыкновенно падающая на исследователя; иначе сказать: пойми *все* или помести *все* в этом Чертеже и тогда его уразумеешь, а не то – ничего или весьма мало о нем узнаешь. Простее: сложи здание речи как следует.

* Скальд (перестановка), поэт = склад, род. складя, складатель, стихотворец, отсюда: склады. – Бард=бердь, род. бердя, – горянин, выпре живущий». [7]

«Борт» означает пустое тело, вместилище. Немногие слышали, что «борт» означает «улей» (есть и бортник), точнее, «выдолбленную в дереве пустоту для содержания диких пчёл». А говорит ли вам о чём-либо истоть этого слова, «троб»? Мне – нет. Но есть всем понятное «утроба»⁶⁸ (на нём и заканчивается ветвь словопроизводства). А с перестановкой не совсем забытое «торба» (также словопроизводство дальше не идёт), мешок, сумка. А есть – меняется гласная! – труба. А есть труп. По Словенски труп – туловище. А по Иллирийски и Сербски – чурбан, пень. А по Чешски *traup* (труп) тоже пень и *туловище*, подмечаем юс (у Чехов, как вы помните, он обычно именно *au*, читается *ov*, хотя встречается и Фракийское *an*). Юс удержали и Поляки, у них труба это «тромб» (откуда же тромбон?), а у нас есть ещё непонятное «утрамбовать». По Гречески *τράμλις* (*tramp*), корабль – прямо-таки в точности тржп. Заглянем в Латынь – ну конечно, *trabs, trabis*, корабль.

Итак, вот пример «философического» образования слов. От «троб» появилась чаромуть «борт» и чарная истоть «труб» и «труп». Все производные от этих корней обозначают самые разные предметы, но хранят один главный смысл: «ёмкость». Понятно, что назвать самолёт «бортом» – совершенно точно. Что не вяжется? Не вяжется Иллирийский чурбан, и (немного) туловище и труп как мёртвое тело, хотя последнее в переносном значении замечательно определяет тело без души пустым. Откуда же чурбан и туловище? По Малороссийски труп означает также всё порубанное, побитое (щебень). Чаромуть от него даёт слова «портить», «порча», что означало просто-напросто рубить, обсекать (отсюда борта и пурди, топор, по Чувашски). Что же мы видим?! А мы видим, что слово «труп» как развитие смыслов «троба», вместилища, лежит *одновременно* и на другой ветви. Труп мёртвый, и потому, что пустой, бездушный, и потому, что побитый, лишённый жизни, и (в дальнейшем словопроизводстве) лишённый ростков и побегов, обрубленный, усечённый, одно *тупое* туловище (не только по Иллирийски и Сербски, но и вообще на многих неславянских языках *труп* с выпавшей *p* означает *пень* или *зуб*). «Наше туп (тжпъ), -ый, значит пеньковат, -ый, а ос, ост, острый –

волосообразный». Я уже говорил, что в чаромутных языках (особенно в пределах одного) таких связей на порядок меньше, да и обнаружить их без разочаромутнивания сложно (см. сноску 48).

Это очень немало – заявить, что речь *так устроена*, что первоначальные корни дают слова отвлечённого смысла (выражающие абстрактные, умпопредставительные предметы), от которых с помощью чаромути, переходов гласных и согласных, выстраиваются производные – ветвьась и взаимопересекаясь, как бы слоями от чисто умственных «предметов» (архетипов, универсалий, философских категорий) до самых что ни на есть определённых предметов. Лукашевич это сказал, показал, доказал. Более того, показал, какую роль играет мужской и женский род, падежи, соответствующие окончательные частицы. Например, первичный вид слова, указывающий на отвлечённый смысл, на «причину» – мужской род, единственное число, «горъ» (некая «причина» горности, высоты, вообще достижения, увеличения мощи, силы, власти, вообще Качества, некий горящий «первичный огонь»). В родительном падеже «г^ора». Обращаем это слово в именительный падеж, и получаем уже слово женского рода, «г^ора», обозначающее как определённый предмет, так и важное понятие, которое широко используется в нашем языке, «следствие» причины «гор». Можем в женский род обратить по-другому – «горь». Это очень отвлечённое слово, которое означало бы (если бы им пользовались) «выявимость», проявление свойства первичного корня «горъ» (очень приблизительно, потому что эти слова «ниже», чем «горъ», более предметны: «высокость», «великость», «горность»), или совокупность «гор» (тогда горь – это горная страна; как «весь» – это просто-напросто совокупность крыш, «верхов»). Дальше всё более менее знакомо: прибавили «н», получили «горный», прибавили «д», получили «гордый» и т.д. – значение некоторых окончательных частиц (суффиксов) Лукашевич раскрывает, значения других остаются предметом поиска.

Теперь пойдём не вглубь, а вширь. Возьмём, несомненно, важнейшее слово (о чём скоро придётся вспомнить потреблятелю и из «золотого миллиарда»): вода. В этом слове когда-то был юс, а потом *о* (напомню, её первая койность *у*, вторая *и*, а без койности, но в долгом слоге *о* переходила в тоническое *а*). С учётом этого, переходов согласной (г-д – первообразный корень «вог»; г-х; х во второобразную с) и усечения первой *в* наша «вода» найдётся в десятках языков. Немецкая *wasser* и английская *water*. Агуа по Португальски, агва по Испански, аква по Латыни. Ванду, по Литовски в Пруссии (просто по Литовски – вундуо), ванд по Датски, ыдь по Самоедски, ода по Кельтски, вах на Филиппинских островах. Конечно, неблагодарное дело показывать, как в говорки и балаки (языки четвёртого и пятого образования) попадает наш почти первобытный корень, нужно показывать цепочки полностью (замечу, на Островах и по Ново-Зеландски вода = *vaī*). Но у меня другая цель. Если слова – это ярлыки, то, чтобы передать значение ярлыка другому, нужно указать на предмет. Так мы снова возвращаемся к обезьянам (вообще говоря, такой «язык» невозможен; ребёнок учится *не так*). Даже человек, сообщающий иноязычному название предмета, попутно тыча в этот предмет пальцем, лишь сообщает основное, выбранное именно в этом языке и даже наречии свойство этого предмета для его обозначения (конечно, вместе с гранесловными частицами – слитными предлогами, окончаниями). И мы удивляемся *совершенно различным* соответствиям различных вещей и явлений в разных языках. В чаромутных языках эти соответствия простроены слабо, и притом бестолково – связано то, что должно держаться друг от друга подальше (английский по этой причине – торгашеский, продажный⁶⁹).

Но отвлекаться не буду. Интересна разубеждать кого-то в том, что он произошёл от обезьяны, никакого нет, потому что это предмет веры, и *никакая археология и вообще наука не поможет ни доказать, ни опровергнуть эту версию происхождения человека, потому что все эти «доказательства» внеположны смыслу*. Но названия всех предметов что-то обозначают *кроме* этих самых предметов, знаем мы это или нет. Конечно, и «вода» что-то обозначает, а точнее, это самое что-то обозначает *в том числе* «H₂O при температуре < 100 и > 0 градусов по Цельсию при нормальных условиях» (конечно, и от чаромутных языков есть польза: посвящённые точно поймут, – ещё и «уточнить» на пару страниц сочтут необходимым, – да и в головы непосвящённых их бормотание въедается сильно). Иначе говоря, эту самую жидкость мы обозначаем каким-то отвлечённым *свойством*, или *качеством*, которое, конечно, может относиться не только к ней. Но тогда почему в других языках мы должны искать именно и только «воду»? Конечно, мы должны искать ещё разные свойства и качества, которыми обозначают воду! Конечно, для разных народов, в зависимости от места жительства, вообще воззрений на мир, взаимосвязи языка, будут более или менее подходить разные названия.

Приведу свойства, которые находит Лукашевич в словообразовании воды, ветра, огня в различных языках (по [7] и [12]).

Вода есть влага, она мокра, сыра. Она поит, утоляет жажду, омывает, льётся, топит (у нас есть «топь»), в неё ныряют (особенно часто жители берегов морей и океанов), в ней варят пищу. А могут жители островов (да и не только) считать, что вода *ровная*, если ничего более ровного, чем стоячая вода, попросту нет?

Ветер веет (у нас есть «суховея»), летит, шумит, борет (буря, у Пелазгов Борей), хилит, пышет, возмущает (мутит – песок, пыль, воду, растения и т.п.; на Островах ветер = *mattai*, мжтай).

Огонь, как я говорил, в первую очередь связан с высотой, горностью. Говоря «горний», подразумевают тонкий, огненный мир. Пламя поднимается отвесно. Что же ещё человек может использовать в языке, как не основные (для каждого времени – свои) явления окружающего мира? Во многих языках именно «гор» стал основой (накладывается выговор, алфавит, чаромуть) для именованья огня и дальнейшего словопроизводства. Далее, огонь ярый, ягий, превращает в тлю, печёт, огонь лют, алчен, палит, жжёт. Огонь «производится возжиганием, гнётом» – вот, пожалуйста, ещё одно доказательство в собственном, славянском языке – нетини, развести огонь, топить, по Иллирийски и Словенски; нитити, зажигать, палить по Чешски; гнетити, зажигать, по Славянски. Огонь зажигается от трута, буйствует, быстр, лишает имущества (тать). Вот ещё изящное доказательство: мѠк, двиг, родительное мка, у нас из производных сохранилось только «мчать». Распространение, мок огня очень быстрый, «вот почему при отдалённом зареве пожара Малороссияне говорят: «гон де мокне»» [12], т.е. «вон где горит».

Ну и последнее. Шар облый (*ball*), для шара есть название клуб (точнее, клжб; мы знаем только уменьшительное клубок, а «клуб» для современной молодёжи звучит как чуждое слово, хотя дым или туча «клубится»; отсюда *glob*). Шар катится (по Великор. катится; на детском языке шар=котыкоть⁷⁰), и, наоборот, точится (течёт), также мчится, мѠк и, наоборот, ком – все эти названия связаны с тем, что шар наилучше перемещается по поверхности; колесо от коло. Шар кругл, ещё остроумно называется всеверх [10], и именно от его колости с переходом к-ц мы имеем целость – что ещё лучше может выразить целостность, как не шар (в Традиции он это и выражает, но нам, повторюсь, нет нужды в *тайных* знаниях)! Шар состоит из дуг. Шар крутится: отсюда всякие роторы – лат. *rota*, колесо, круг = крота, кронта; отсюда же латинская чаромуть *torqueo*, вращать. Шар гуляет и голый – не верите?! Гулять на славянских языках и значит собственно «катиться» (разве мы не так говорим?), а голыш – округлый, обкатанный камень, это у нас в наречии живо. Так вот, переходы корня «гол» и дают всю «шарообразность», точнее, дают её гол и кол, а также гѠл и кѠл (гул, кул). Кулак, кулич – от округлости. Кула, ковле (узнали Чешский по юсу?), гула – шар на разных славянских языках. А как связан шар с голюю (помните выражение «голь перекатная?») как *наготой*? Кроме того, что это ещё один взгляд на шарообразность (шар идеально гол), начинается другая ветка смысла – гулява, нагота, по Словенски. Все упомянутые «смыслы» шара – форма (клубность, одужность, всеверхость, округлость, окольность, целостность), идеальность для быстрого перемещения (кот, ток, мок, ком, гол) и даёт название шара на всех языках.

И совсем незаслуженно мы забросили *притчу*. Снова обратите на неё внимание. Тачать, ткать – соединять. Отсюда ткань и «текст» (течь). А что этот корень нам даёт? Он (в чаромути) даёт нам чтение. Читать – значит слагать, соединять, сочѣтать образы. Вот почему считать, но счѣт. Счѣт, чета, чтение и «текст» одного корня! Это мощнейшая ветвь много может рассказать о гармонии – да и саму гармонию туда надо непременно вплести, поскольку это также извращѣнное греками славянское слово. Но вспомнили мы про весь этот текстиль опять же для того, чтобы ещё раз задуматься: может, действительно речь имеет описанное Лукашевичем философическое устройство? Это очень много значит. Особенно для русского языка и для нас.

И мы, конечно, можем (вредно не будет) читать философов и вдумываться, а как же, действительно, соотносятся Красота, Истина, Добро? Но наш язык может столько об этом рассказать, что целой жизни раздумий у костра в пещере не хватит! Только пара наметок. Красота по внутреннему смыслу «*кроза*», всепроницаема (она в одной ветви с «*крозь*», мы теперь говорим сквозь, или «*чрез*», отсюда же исчез; зоркость есть по внутреннему смыслу *крозость*, проницаемость взгляда, поэтому красота пронизательна). *Красный* тоже совсем неслучайный «цвет», спросите физиков, а также вспомните

обычаи славян. А как вам такое: *шарити* = *красить* по Древне-Русски?! Красота *кротка*. Истина есть прямое производное от глагола «*быть*» (*есть, естина*), а корень «доб» – ещё один корешок древа *гармонии*! Благодарность, благодать, милость у Этрусков *gratia*, *крáша*.

А теперь **внимание**. Именно философия языка определяет устройство чаромутных языков, их взаимоотношения со славянскими наречиями и между собой. Именно философия в чаромутии, то есть схождение понятий от самых отвлечённых (абстрактных) к предметным (конкретным), и задаёт строй всей совокупности языков народов в их историческом развитии и взаимодействии. Я отделаюсь пока этими общими словами, потому что тема эта поистине неподъёмна без освоения чаромутия, встраивания открытия Лукашевича во всё, добытое лингвистикой (или наоборот). Но именно эта философия Языка есть внутренний метод самого мышления, именно эта философия, изменяющаяся в Языке, изменяющая Язык (!) – в соответствии с тем выбором, который делал усилием духа каждый мыслящий человек на Земле, – определяла историю и судьбу человечества.

Кроме того, это, по сути, второе открытие Лукашевича. Судьба учинила проверку. После открытия основных законов чаромутия Лукашевичу было непонятно, почему, если известно, из какого славянского наречия произведён чаромутный язык, лишь малая часть слов, от которых начинается словопроизводство, явно связана со славянскими (как вода и *water*)? Законы Славянского чаромутия плохо работали на этом переходе. После длительных поисков Лукашевич уже был готов отказаться от чаромутия как глобального закона. Но усилия не оказались тщетны – и снова мгновенное открытие! – жрецы не всегда переносили «воду» как есть, а чаще переносили *свойства*! Дальнейшее словопроизводство, разумеется, шло от этих основных слов. **Произвольное название человеком предметов в соответствии со свойствами, которыми он их наделяет, в соответствии с границами, которыми он для них определяет – вот суть Языка!**

Дальше – проще. «Как только в чаромантных языках, вышесказанным способом, внутренний смысл главнейших слов отыскивается, тогда начинается разбор окончательного их устройства по Распределительному чертежу слов Славянской речи, из которого мы узнаем, что определительные в таких языках названия предметов порождают новые слова, которыми опять называются другие, сходственные по своим качествам предметы». [7]

Разум речи

Каждый язык (наречие) обладают своим *разумом*. И потому каждый народ обладает своим *разумом*. Упомянутая философия, *вложенная* во взаимосвязи понятий, *выстроенные жрецами и самим народом*, в свою очередь, определяет мышление народа, задаёт мировоззрение, определяет основные правила всех игр, определяет основные узоры судьбы народа. Напомню, что мы говорим про язык, имея в виду не только речь и письмо, но и глубочайшие, архетипические понятия. Если в языке *благо* связано с *количеством* – разум будет направлять все духовные импульсы в направлении стяжания, и это будет не постыдным занятием, а даже смыслом жизни, делом религиозного значения. Если язык связывает *правду* с *порядком*, народ будет вгоняться правителями (насилие которых уже определено как *правильный порядок*) в огромный человеческий муравейник с детально простроенным порядком материальных и информационных потоков. Что означает проникновение одного языка в другой? Это почти то же, что один народ пришёл к другому со всеми своими хорошо и плохо. Не зря жрецы всегда первым атакуют язык! Посмотрите, что делается сейчас со славянскими языками! Разве не имеет значения, какими буквами пишут украинцы – своими или латынью? Если не имеет, то почему вокруг этого столько ломается копий? Если имеет, то *что* это даст? Интеграцию в Европу? Именно! Но какую? Очередная ступень чаромутия, пропускания языка сквозь новый алфавит, усечения, замены понятий, позволит приблизить *разум* Украины к *разуму* Европы, который лучше всего определяется так: «у них в голове два кубика: один круглый, другой кубик Рубика» (что не мешает *самостоятельно* мыслящим людям в Европе прорываться сквозь нелепые ограничения разума собственного народа и даже выправлять его). А втянуть Украину, втянуть Малороссийское наречие в клоаку европейских говорок и балак значит окончательно потерять ещё одну весомую часть данного Богом средства понимания и творения (открытия) мира. После этого современный русский язык останется последним оплотом, без него оставшиеся в живых славянские языки изничтожатся мгновенно.

Каждое слово, каждый простейший «гамбургер», звучащий на наших улицах, написанный на щитах, вывесках и ценниках, есть вторжение – как мы назовём вторжением неожиданный и нахрапистый приход незнакомца в тёплую дружескую компанию. Да, он может обжиться и позже даже понравиться – но его не просили. Если один народ видит у другого что-то полезное, он обычно даёт этому своё имя, называет своим словом, сам приглашает гостя, встраивает в свой разум, а если это что-то серьёзное, то народ сам меняет свой разум, уклад мышления (компания принимает правила игры нового знакомого). Если же слово перенимается как есть, оно, конечно, всё равно обживается и приживается, но уже меняет разум народа как бы извне, уже в качестве образца подтягивая разум народа, давшего (навязавшего) новое слово. Чёрт с ним, с гамбургером. Есть гораздо более важные слова. За принятие которых ответственна «интеллигенция». Да, их навязывали – но *приняла* «интеллигенция»⁷¹.

«Мы также имеем слова, правящие умом, и подобных слов из других языков нельзя принимать даже в переводе» [1]. Там же Лукашевич уделяет внимание тому, что русский язык при попустительстве и тупом восторге «интеллигенции» в XIX веке принял множество слов, *управляющих разумом* других народов (в основном французов). Последние, при принятии в язык, в простонародное употребление, искажают *разум* нашей речи, а соответственно, и наш разум, разум русских, т.е. русскоговорящих и русскомыслящих народов, *русских духом*. Одним из главных «рычажков» такого искажения, допущенного в XIX веке, он называет слово «факт». Действительно, благодаря «прогрессивному Западу» мы стали мыслить «фактами».

Объективно-фактическое безумие

Но что же такое «факт»?! Что такое «объективно»?!

О, это совсем не пустяки! У нас есть слово «вещь», оно произведено напрямую от глагола «быть» (3-е лицо, ед. число формы «есть»). Латинцы заимствовали от покорённых Этрусков слово «есь», немного исказив в *ens*, вещь.

Быть-есть-вещь. Дальше, слово «суть», «сущь» – 3-е лицо, мн. число глагола «есть». Слово «истина» («естина») также указывает на действительно существующее, то, что имеет бытие (окончательная частица «ин» указывает на отвлечённое понятие, «абстрактность», а также на целостность или единственность). Важнейший первобытный корень «сем» (от него в т.ч. «семья», хотя никто не мешает видеть в этом слове «семерых-как-я»⁷²), также происходит от глагола быть (1-е лицо, ед. число формы «есть»=«есмы», «Аз есмь»; кстати: «ты еси (есь, весь)», «она есть (вещь)», «они суть (сущь)»). Быть-есть-(есмы, еси)-вещь-весь-сущь-суть-истина. Нужно ли нам долго мудрить, чтобы понять, как же это истина связана с бытиём, со *всем*, с *сутью*, с существующим, с вещами?

Есть слово «данность», очень даже предметное и «объективное», но *подразумевающее*, что это самое «объективное» нечто даёт кто-то кому-то (то же с самим «предметом»). Заметьте, что разные формы глагола «быть» относятся к *разным лицам* (это чудовищная потеря для русского языка, тем более обидная, что представляет свойство Первобытного, хорошо сохранившееся даже в говорках и балаках). Греки взяли от Пелазгов слово «χρημα», *крёма* (крима), «вещь», по русскому выговору «крома» (кстати, Лукашевич предполагает, что «Крым» некогда был островом и само слово означает остров). У нас осталось наречие «кроме», прилагательное «кромешная», непонятные слова «скромный» и «укромный», «закрома», а также «кромка». Корень «кром» несёт омысл «границы», «черты». Соответственно, в *разуме* Пелазгов «вещь» это нечто ограниченное, окромленное. Само слово допускает *произвольность определения вещи установлением границ*. А вот связь, поясняющая устройство разума народа. *Χρηματα* по «Гречески» (на языке Пелазгов) значит «имущество» («иму» есть неопределённая и многократная форма глагола «быть» будущего времени, мы сейчас говорим «буду»), «состояние», «деньги» – а в Малороссийском есть слово «кромота», которое значит *ровно то же самое*. Возьмите словарь Даля – «истина» также обозначает имение, действительное имущество, наличность, капитал *без учёта долгов и возможных доходов* (лихвы, роста, «процентов» и «фьючерсов»).

Итак, мы видим, что в славянских языках смысл «вещи» непротиворечиво передаётся разными словами, и все они внутренне, по корню, безо всяких многословных внешних определений, связаны с *бытиём* (что ещё может быть «предметнее», «объективнее»?!), но подразумевают «субъекта» (которому в разуме завоевателей славян или, точнее, смешанного народа, *противопоставляется*

«объект» – что заслуживает отдельного разговора и может быть оценено совсем неоднозначно), увязывают быт с «философией», отвлечёнными, «абстрактными» словами, «универсалиями». Может ли экономика быть ростовщической, фьючерсной, цифровой, виртуальной? Может! и есть! но для этого нужно было изгнать «истину», забыть значения этого слова, и заместить его словами, которые, как *тroyанский конь*, внедряют чуждую философию, чуждое мировоззрение, чуждые понятия о важнейших областях жизни, например, об экономике, в которой лихва, рост, фьючерс – как бы «естественны», следуют из самого языка, подкреплены взаимосвязями смыслов бытовых и отвлечённых понятий. **«Нет ничего хуже как в родном языке ложно понимать смысл слов, а ещё хуже их не знать и отречься от них»**, Платон Лукашевич.

Что же такое «факт»? С Латыни переводят «сделанное, свершившееся». Но разве таково это слово в употреблении? Разве это «действительное»? С чем связывается это слово в языке? Как его можно понимать?

Большая Советская Энциклопедия: «1) в обычном словоупотреблении синоним понятий истина, событие, результат. 2) Знание, достоверность которого доказана. 3) В логике и методологии науки Ф. - особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание». Ладно. Смущает только, что отождествляются «результат», «события» и «истина». Насчёт «достоверности знания» вопрос к научной парадигме, ни больше ни меньше. *«Предложения, фиксирующие» чей-то опыт* – отчётливо субъективный характер! А в целом – мутно!

Энциклопедия социологии: «ФАКТ (лат. *factum* - сделанное) - понятие, имеющее выраженную субъект-объектную природу, фиксирующее реальное событие или результат деятельности (онтологический аспект) и употребляющееся для характеристики особого типа эмпирического знания, которое, с одной стороны, реализует исходные эмпирические обобщения, являясь непосредственным базисом теории или гипотезы (в отдельных случаях и самой теории), а с другой - несет в своем содержании следы семантического воздействия последних (логико-гносеологический аспект)». Ага! Тут уж субъект появляется (правда, не из самого внутреннего значения слова, а из определений). А посмотрите вот на это (можно, я переведу?): «является основой предположений (воззрений)... и несёт в своём содержании воздействие смысла этих же предположений (воззрений)... но утверждает (описывает) *действительное* событие».

Словарь по естественным наукам: «Факт - знание в форме утверждения, достоверность которого строго установлена». Это вообще удивительная формулировка!

Итак, я бы и рад использовать слово «факт» вместо «истины», но «факт» не означает истину! Не означает ни в сложившемся словоупотреблении, ни в мутных определениях энциклопедий.

А вот на что действительно похож «факт» – таков, как он есть. Фактически то бишь. На Французском – просто перевод, мы пока и не допускаем, что это монгольщина, как можно! – *factum* это «описание, объяснение дела, записка о деле тяжёлом». «Фактура» – роспись отправляемых товаров. А теперь – допускаем. По Монгольски, из которого взято это слово, корень «хагуда» (его и записали «фактом») в существительном означает «записку, реестр, лист бумаги». Короче, «факт» – это (кем-то) написанное, описанное. К тому, что происходило в действительности, *факт* имеет очень опосредованное отношение⁷³, и никакой «объективности» он даже не подразумевает – но непрерываемым источником истины сделался этот простой лист бумаги в разуме смешавшихся со славянами азиатских завоевателей тысячи лет назад! Один за другим опровергаются «незыблемые» факты – но нет, один выстрел языкового оружия в XIX веке и постоянно поддерживаемый («интеллигенцией»!) трепет перед «древними» языками, якобы несущими просвещение и единственно годными для науки и вообще высокой культуры, и мы *стали мыслить* фактами. Лукашевич, разбирая в [5] имя ассирийского царя: «*Abius*, явый – тоже что яван. Яв есть то, что на яву, что зримо, открыто, всеми ведомо, что на самом деле, и стоит выше Латинского *factum, facta*». Несравненно выше. Устраивать разум из фактов, из записок, отождествлять описание с явью – это не по-нашему. Хотя в научной парадигме отождествление мира и карты, истины и описания не выявлено и не осознанно «научным мейнстримом», наукой-как-системой (что, опять же, не значит, что учёные-люди этого не понимают).

В нашем разуме нет «чисто объективного»! «Объективность», независимость от субъекта, не существует в нашем мире. В нашем мире, как прекрасно показал Кен Уилбер (да, показал! Несмотря на то, что американец, и его, конечно, пытается обусловить американский язык), «объективное» есть условность, есть лишь один аспект целостности, холона. И, говоря «объективно» или «факт», лучше уточнять: с какой точки зрения «объективно» (совсем «объективное» никто не отрицает – мир есть, этот мир вполне материален и разделяем людьми)? На каком языке? Кто установил «факт»? Простой пример: «экономика России слабее экономики США – это факт». Это – голословное утверждение, причём оно и не подтвердится *никакими цифрами*. ВВП больше? А почему это говорит о «слабости» (отождествление в языке, в уме фактодателя), а как считается ВВП и почему именно так? Почему тупой «объём транзакций» является одним из показателей «силы», а не называется показателем количества спекулянтов и посредников? А что такое вообще США – корпорации, резервная система, или всё больше *нищающее население*? В итоге от этого и подобных «фактов» не останется мокрого места. Как не возникнет и новых. Потому что «факт» – это лист бумаги. «Дятлы победили Самцов со счётом 2:0 – это факт». А если результаты матча пересмотрят? А если это деза? Опечатка? Журналист (по губам!⁷⁴) перепутал? Победили, но один из «Самцов» подставлял коллег (по губам!), поддавался? А если под масками «Дятлов» играли инопланетяне? В чём смысл *сообщения*?

Есть очень простое объяснение «необходимости» фактов и объективностей. Просто-напросто говорить «объективно», говорить «факт» очень удобно. Это ровно ни к чему не обязывает. Эти слова можно наделять *любым* смыслом и выкрутиться из любой ситуации. Они очень магичны, с ними можно говорить любую чухню. Вот и слово «нормальный». «– Как дела? – Нормально...» О чём это говорит? Ни о чём, это калька с гуинпленской улыбки американцев и французской латыни. Мы вместо «нормальный» можем сказать: правильный (обычно так не говорим, хотя *это и есть внутреннее значение слова нормальный*), подходящий, пригодный, средний, посредственный, обычный (или «ничего необычного»), размеренный, хороший, соответственный, устраивающий, удовлетворительный, ладный, своим чередом, по порядку и т.д. Смысл-то разный! А «нормальный» – это отмазка⁷⁵.

Безразличие толерантности

Какие ещё святые коровы водятся среди «общечеловеческих ценностей», кроме «объективной» науки и Вавилонской (одновременно Пизанской) Башни накопленных «фактов»? Попалась «толерантность». По Латыни *tolero* *якобы значит* (переводится на русский!) «терпеть», но по Маньчжурски *teleri* значит «почитать за безделицу». Вот и видим мы, как путают терпение с безразличием и наплевательством, принятие вызовов судьбы как испытаний с покорностью злу, с попусшением несправедливости и вседозволенности. Слава Богу, не проникла эта высокообразованная чухня в народ! Не зря противится русский человек фактам, объективностям и *плюёт* на наплевательство толерантности – гомосексуалисты не пройдут! А если умный хочет что сказать простым да «неграмотным», то почему бы, если действительно сам *понимает*, не сказать другим по-человечески, без выпендрёжа? А то как-то «неконгруэнтно» получается, а местами и просто «неадекватно»!

Ещё не опоздали

Предлагаю приравнять подобные слова к ругательствам. Не знаешь смысла на русском (как *прямого* перевода с монгольского или с утерянного Пелазгического или Этрусского), а только перевод с греческого или латыни, ещё хуже если не полный перевод, а *отдельное устоявшееся значение*, но позволяешь себе его употреблять? Не очень страшно, с некоторыми привычками, особенно тысячелетними, трудно бороться. Но и не попускай, бей себя по губам – ругаться не прилично! Говоришь слово *sex*, слышишь его из жвачника – подумай, «латинское» *secus*, пол, есть Маньчжурское *sike*, «то место, которым выходит моча» (и неважно, мы взяли подобное от монголов или они от нас – речь про связи понятий и их употребление). Так ты «занимаешься *sex'ом*»?! В нашем *разуме* о сокровенном говорится гораздо более тонко, отвлечённо, опосредованно, прилично. Я не буду ханжески извиняться за «грубости» или «пошлости», когда вокруг говорят *sex*. У нас даже когда «то место, которым выходит моча» выражается наименее приличным образом, «страшнейшим» матерным ругательством, проявляется смысл «пôзда». Без койности это просто позада, не так уж страшно, и гораздо приличнее, чем *sex*. Опизниться по Малороссийски опоздать. Кстати, извращённые греки словом *ποσβη* называли *мужской* половой член. Вот вам более приземлённые примеры проявления разума народа! А как смеялись американцы на первом телемосте Москва-Нью-Йорк (где-

то в начале 90-х) в ответ на слова одной женщины: «В нашей стране секса нет!». Его проникновение произошло тогда, на этому дурачком телемосте – сначала засмеялись американцы, потом растеряно захихикали некоторые наши, потом засмеялись очень многие, хотя у меня осталось впечатление, что наши смеялись не до конца поняв, просто чтобы разрядить атмосферу после такого серьёзного и строгого заявления. Теперь в нашей стране секс есть, даже в начальной (!) школе...

А к методу относитесь скептически

Вот здесь тоже можно отметить своё состояние. Просто запомните ощущения от произнесения этого подзаголовка, а потом вернитесь и сравните.

Так... А что же делать в науке? Там есть «норма», есть «нормаль», есть много других слов. Во-первых, огромное количество слов в науке есть слова наши же, славянские, слова Этрусков и Пелазгов или даже неузнанные обще-Славянские. Их значения можно просто *знать и понимать* (тогда, кстати, возможно и изменение словоупотребления, и *действительное* встраивание научных слов в живую речь, соответственно, и встраивание науки в жизнь). Но есть и в науке, и в жизни слова очень далёкие от нашего разума. Некоторые прямо опасны (хотя и их можем переварить или изолировать), например, толерантность, а некоторые (вроде «дифференцированный») просто уродство. Некоторые почти безобидны. В любом случае их, самое малое, тоже нужно знать и понимать. Например, говоря «скептик» мы подразумеваем в основном «сомневающийся». Но в самом Греческом это (σκαπτικός, skaptikos) «рассматривающий», а σκέπτομαι, skeptomai – «наблюдаю, исследую»! Пойдём дальше – эти слова производятся от Монгольских «шибтаху», пройти, «шибту», сквозь, насквозь. Вот *прямой перевод* на русский – «скептик» есть даже не просто рассматривающий, исследующий, он есть *проницательный*! Слово «скептик» само по себе не плохое, но его опасность в том, что оно очень криво встроилось, да и вообще, как для всех принятых «как есть» слов толком-то и не встроилось, осталось ярлыком! Ярлыком, за которым почему-то в основном «сомнение», хотя сомнение и проницательность (и даже исследование) – совсем разные вещи, сомнение в нашем словоупотреблении гораздо «уже», «отрицательнее», «ненадёжнее».

Давайте возьмём *метод*. Хорошее слово? Отличное! Только чтобы его понять, нужно читать определения. И всё равно оно остаётся ярлыком, чуждым словом. Способ? Нет, не заменишь метод способом. Правило? Похоже, но это очень общее слово. Инструмент? Нет, потому что инструмент (пишется *также* просто strumentum) – это «строй», «устрой» (по Чешски «настрой» = орудие, инструмент), это более узкое слово. Вот и сделали «вывод», что это слово ничем не заменить, вот и употребляем мы важнейшее слово как дурацкий ярлык, вот и не связывается у нас *наука чужого разума* с жизнью. *Метод* записывается в Греческом не через «т» («т»), а вот так: μέθοδος, и изначально означал «образ изложения, обозрения предмета согласно с правилами искусства, при постоянном следовании главной мысли; хитрость, обман». А теперь оцените силу родного языка, для этого нужно только учесть, что греческой θ жрецы записывали самые разные буквы из тех, что решили не вводить в новый алфавит: «межход». Вдумайтесь в это слово, потратьте на него хотя бы пять минут. «Меж» – это 1) между (в перерыве), 2) межа (граница), 3) мера чего-либо. Додумайте или передумайте сами – это отвлечённое слово. «Ход» – не менее высокое слово, представьте его как *очередной ход*, как определённый *срок*, как *течение* (времени, действия), иначе. Вам могут открыться такие глубины *метода*, о которых вы и не подозревали. Возьмем первые значения: «между-ходами», намекает на то, что делает человек перед каждым очередным ходом, например, при игре в шахматы. Он *определённым образом* использует наработанные приёмы, способы, инструменты, воззрения свои и своих учителей игры, книжные теории, защиты, атаки и гамбиты, *определённым образом* (по мере владения) использует даже интуицию, *определённым образом* использует осознанно или неосознанно даже психологию (мастера шахмат уделяют внимание психологии). Он *определённым образом* представляет и определённым образом использует представления о правильном и разумном, о рискованном и надёжном в игре – и вся эта определённость устремлена к выигрышу, обусловлена только им и совершенно чёткими правилами игры. Вот это «определённым образом» и есть *метод*, вот это заложено в слове «межход» только на самой поверхности и при взгляде с одной стороны. А вы разберитесь, почему греки называли «методом» *кроме образа изложения* ещё хитрость и обман, посмотрите с разных сторон на суть этого слова – и сухие словарные определения вызовут у вас улыбку. Они были написаны в основном людьми «объективистского» мировоззрения, исключившими, в частности, интуицию и *определённость неосознанного* из метода, в их *словоупотреблении* метод

только то, что можно записать, что можно передать *формальными методами*, в словоупотреблении *метод* почти всегда – формальный метод.

Скептически относитесь к методам! Проникайте межъходы!

Реформы не необходимы, реформы не достаточны – дело не в формах

Если люди слова, люди письма (учёные, писатели, журналисты и т.д.) будут стараться заменять слова-пустышки вроде «факта» или хитрого «аргумента» или «нормально» (хотя последнее было бы хорошо ввести как «правильно», «ровно», «прямо», взаимоувязать переходами смыслов с живыми словами) – многое начнёт меняться. Много изменится, если люди слова не будут употреблять – ради «красного словца» (скорее, бурого и напористо-грязного), ради доказательства своего умения пользоваться словариком и помнить пару десятков длинных слов, ради того, чтобы «говорить как Европа» – *необдуманностей* (мягко говоря) вроде «необходимо чётко дифференцировать эти понятия» или «объективная данность» или «знание основано на фактах». Как будто нельзя просто «различать», как будто «данность» недостаточно предметна, как будто «знание» не определяется верой.

У явлений нет имён, которые люди должны знать. Имена явлениям дают люди, применяя слова, которые несут свойства, подходящие, по мнению назывателя, называемому явлению. Все эти слова – и новые имена, и используемые обозначения свойств – должны жить, уточняться, наполняться *новым* смыслом. Тогда язык будет развиваться (в этом смысле русский ещё дышит только благодаря современным писателям и интересу к *своим* писателям прошлого), *тогда люди будут развиваться своим путём, своим разумом!* Может, кому-то понравится русский путь – потому что он международен.

Полезно знать, какие имена *устоялись* – но это знание мёртвого языка. Можно пользоваться латынью – но разве не мёртвых не хоронят? Можно настаивать на том или ином имени для явления – но только если в определённом кругу осознанно решили говорить на искусственном языке, и допуская взаимозаменяемость имён, по каким-то причинам осознанно удерживаются от свободного творчества. Если это будет продолжаться долго, язык закоснеет и станет подобен научному бормотанию, когда даже учёные соседних отраслей знания не понимают друг друга или понимают *неправильно* (потому что у них *похожие, но разные* языки), а уж простые люди тем более (последним советуют «образовываться» получше, т.е. перенимать шизофренический в жизни научный язык). В последнее время появилось несколько достаточно целостно описывающих человечество, мир, мировую историю Воззрений. Это «концепции», большие теории; частный язык каждой из них распределяет внимание разным сторонам мира по-своему, но, по-меньшей мере, осознаёт самые свои основы, подаёт себя вначале как язык! Пока что дело в самих концепциях, в появлении хороших описаний того, что происходит, но очень скоро придёт время, и между ними должны будут перекинуться мостики – мостики человеческого языка. И наши писатели уже перекидывают эти мостики.

Несколько важных слов

Вот ещё несколько важных слов. Я не буду приводить их пояснений Лукашевичем, тем более, что некоторые пояснения он даёт косвенно. Также связывать эти слова во что-то цельное считаю здесь излишним. Просто некие наброски.

Правда, справедливый, право. Запишу «корень» по другому: п̑рав. И так, поравый (*a* – тоническое, от долгого *o*), поровый – ровный, прямой. Вера < р̑ва (сначала вторая койность *o* смешалась с Первобытным «и» («ѣ»)), потом «в̑ра» стала «верой»), рова, ровность, прямота, прямой путь (кстати, латинское *verus* означает «истинный, правдивый, неложный»; а малороссийское «вира», расплата за проступок, это крива, иначе суть отступления от прямого пути, напоминает язык кармической йоги).

Много дают «простые слова» отец и мать. Про образование «философических» слов из первообразных корней мы уже говорили. «Мати» есть одновременно родительный падеж слова «мать», а «мать» принимает в косвенных падежах и во мн. числе прямого падежа Славянское окончание *-er*, придававшееся к прилагательным. Получаем в слове «мать» смысл «проявлений мата, бренности, тленности, погибаемости», а в слове материя (точнее, *матерь*) прилагательное, ставшее существительным, иначе «явленное, вещественное, предметное существование мата; тленность как

неотъемое приложение, свойство всего сущего». В чаромутии, на всех языках мира, после такого же как и у нас значения, корень «мать» даёт «смерть».

Но мать надо рассматривать в связке с отцом. Корень отца просто-напросто «от» (есть прилагательные отний, отчий). Если мать определена прямо, то отец определён совершенно без попытки указания на какую-либо вещь, какую-либо суть, какую-либо истину. Он определён «апофатически», из этого слова следует только то, что «дитя» (тот, кто говорит «отец») *от* отца. От отца мать рождает дитя на смерть («от-мати» – буквально «исход, начало бренности»), приводит его в тленный мир, в котором дитя продолжает судьбу родителей (дитя означает «эта доля», «эта участь», имеется в виду эта же «сторона», этот же тленный мир; «от-мати-дитя» значит «от смертных той же доли»). Люди – тоже «смертные». Замечу, что на этом может быть *непротиворечиво* построена как языческая философия (но она будет путать многосложными соотношениями, вроде как гностики со своим логосом, и путать в первую очередь для того, чтобы избежать неопределимого «от», чтобы оставить мир замкнутым, самотождественным и самоотражённым шаром), так и философия с верой к Богу⁷⁶. Потому, что, чего-чего, но веру язык дать не может – он может лишь помочь её проявить, или, наоборот, лишь запутать, обратить путь человека в дорогу на «вершину Фудзи» (к Иштар у Пелевина), к горности, к большему количеству (материального) или Качеству («духовного»). Язык может заставить поклоняться себе в простроенном собой же храме, хотя этот храм может иметь разные имена (для языка это легко): «храм разуму», «храм мудрой обезьяне», «храм прогрессу», «храм человеку способному и сверхспособному»⁷⁷, «храм новому мировому порядку» или «храм всеобщее-справедливой системы». Но язык сообщает: смерть ожидает всё, что имеет существование, материя *конечна*, потому что тленна, но над смертью стоит «от», и потому она, хотя и есть главное условие, начало и конец всего сущего, всё же и сама *условна*. Как условна и *смерть, бесконечность, мёртвая вечность*, которой поклоняются многие преодолевшие поклонение материи и Языку [XX].

Дальше, слово «мера» («мѣра») есть усечённая чаромуть от «крѣма». Крома, крима – это особость, совершенно отдельная, «уникальная», не тождественная ничему, самостийная «единица». Нетождество – начало различения, и вот здесь как раз начинается «мера». А теперь вспомните что «лик» – это «число». Итак, на Латыни мы говорим «уникальность субъекта», а по Русски просто «мера человека»⁷⁸. Слова «правда» и «справедливость» относятся к субъекту, они указывают на *путь* (в высшем смысле; или – *прямоту пути*), *меру, веру* человека. Слова всё же разные, и между ними есть *соотношения*, но всё же *вера, правда и мера* очень близки.

Это такие слова, вникая в которые, уже приходится выходить за рамки языка, поднимать себя за волосы (это и есть философия, по Лукашевичу «выспреумие» – то есть предельное, на грани возможностей и с попыткой превзойти их, использование разума). В исключительно языческом мире, в бесконечном шарике Вселенной есть только соотношение «верха» и «низа», материального и духовного. Традиция (можно сказать «эзотерика», но Традиция закрыта ровно наполовину) установила их соотношение так: «что наверху, то и внизу». Лучше всего это рисует астрология⁷⁹: «тонкая» стихия воды (иначе «идеальный», верхний, горный, «духовный» мир) воплощает свои образы, проекты, идеи в стихии земли (плотном, материальном мире). Между ними два разнонаправленных потока: стихия огня от воды к земле (это как раз сила *реализации* указов, проектов, идей, *воплощения* образов) и стихия воздуха от земли к воде (аналитика, осмысление результатов материальных воплощений проектов «тонкого мира») ⁸⁰. Но, в любом случае, если мы говорим о том, как устроен мир Яви и Нави, плотный и тонкий мир, мы говорим о *превосходстве* Неба, тонкого, горного, «духовного» мира, мира идей, образов, Воды, информации (информация невнятное слово, его надо уточнять, поскольку она, как плоть образов, относится к воде, а как действующая и меняющаяся явленный мир – к огню) над плотным, материальным, явленным, Земным. Я веду к тому, что Язык в пределе относится, конечно, к Воде. Речь и письмо – это Огонь и Воздух [XXI]. Так вот, в нашем языке, в самом слове «понятие», отразилось представление о горнем мире, о стихии Воды. Что такое «понятые луга»? Понятые – залитые водой, причём не в переносном, а в прямом смысле! Это наше «понятие» употребляется в переносном смысле! Что такое «понява»? По Славянски холст, холстина. Что такое «Навь»? От Этрусков в Латыни *anpis* (чаромуть, усечение *в*), река < навь⁸¹. Итак, мы видим воду, видим *сплошь*, однородное пространство, подобное холсту, основе для картины, видим пронизывающий мир невесомый эфир (*aether* < режа, редь, то же самое что горь), ту самую неизменную и всепроникающую подоплёку всех вещей.

И теперь у нас есть выбор. Либо горний мир «объективно» есть, картина нарисована, существуют независимые от человека «идеи» – и тогда мы тут, на земле, должны считывать с Неба образы, идеи и воплощать их. Конечно, тут надо «знать» правильные соответствия, правильные имена явлений, потому что Явь и Навь, Земля и Небо заданы, а мы лишь маленькие, тёмные недоразвитые создания, менять идеи может только путём умственных усилий, только *анализом и синтезом*. Либо же мы *прямо*, совершенно *не понятным* этому замкнутому миру, где царствуют Идеи (Идолы, эгрегоры), совершенно *невозможным усилием, полаганием, выбором* можем менять всю эту причинную реальность *разом*. Пусть в Воде возникают образы, пусть потом Огонь меняет Землю, пусть идеи и образы подпитываются умом, интеллектом, пусть работает весь этот тонкий, магический, но всё же причинный механизм! Он работает, и он *обуславливает* нас, как маленьких и тёмных созданий явленного мира, но он может быть и подчинён, он может быть инструментом и материалом [XXII].

Нас интересует Вода, понятия, идеи – что происходит с ними, когда вторгается необусловленное усилие человека, неподвластная никаким стихиям этого мира правь, мера (частная)? А происходит установление точек отсчёта, возникновение концепций, основных мировоззренческих установок, языков описания того, что в этой Воде якобы «есть». Но всё, что в ней «есть», и вообще всё движение причинного мира, начинающееся с Воды, задаётся и подпитывается анти-энтропийной силой прави, неподвластной законам причинности. На самом деле в Воде образуется именно то, что определено *вносимой в неё извне* точкой отсчёта [XXIII], то, что своим складом задаёт язык этой точки отсчёта. Язык создаёт как бы «сам себя». Появляясь из крохотной точки (отсчёта), нарушающей однородность Нави, из *заданной* системы координат, он представляет собой образы, идеи. Своим же собственным «телом», то есть образами, идеями, понятиями и их взаимосвязями, он простираивает мир Яви (идеи воплощаются). Осмысливая мир Яви – с использованием понятий, которые и дало наблюдение за миром Яви! – человек приходит к тому, что существуют некие идеи. Это ровно те же идеи, которые были заложены в язык его мышления, ровно те же идеи, которые воплощены в Яви. Придя к определённым выводам, человек убеждается, что идеи «на самом деле» существуют, «на самом деле» объясняют всё то, что происходит на земле. Этим он укрепляет соответствующие идеи, и действительность всё более и более им соответствует, что ещё более укрепляет веру человека – круг замкнут. Ни для кого не кажется непонятным выражение «что посеешь, то и пожнёшь», ни для кого не является новостью, что заложенное в основание определяет результат. Но, тем не менее, например, учёные, использующие совершенно определённые подходы, заложенные в научной «парадигме», претендуют на лучшее описание мира. Начиная с предположения, *веры* в однородность мира, в сравнимость явлений, в *правильность* отождествлений, они на выходе получают именно такой мир! Они раз за разом убеждаются в этом, и эта *индукция* позволяет им говорить, что так оно всё «действительно» устроено и так оно и будет дальше. В чём же дело? Дело просто-напросто в том, что такие учёные не осознают собственно «научной парадигмы» (нет никакой научной «конституции», где была бы изложена принимаемая всеми учёными парадигма), и, далее, не осознают, что всё их знание построено на этой *вере*. Таким образом, они не осознают наличие некоей *произвольно* поставленной точки отсчёта, которая определяет все идеи научной парадигмы, которая задаёт научный язык. Они не осознают, что использование этого весьма ограниченного, жёсткого искусственного языка порождает соответствующий мир, наблюдение которого (соответствующими же методами⁸² и инструментами) заставляет ещё больше укрепляться в действенности этого языка, ещё больше верить в соответствующую точку отсчёта, и что эта положительная обратная связь делает мир всё более корявым и уродливым, бездушным (в случае имеющейся научной системы). Учёные только учатся оперировать самими точками отсчёта, языками, не подчиняясь им, используя их как инструмент. Но ничего не выйдет, пока они осознанно не обратятся к «субъектному» аспекту холонов, пока они осознанно не войдут – как дети, со свежим взглядом, оставив свои линейки за порогом – в мир, который сам задаёт все линейки, в мир веры, мир прави. А пока, взглянув со стороны на этот мир, не вникнув в него (что вообще недостойно учёного), они подобрали к нему и тем, кто понимает его, ярлыки «невежество», «вера, а не знание» (презрительно), «абберация восприятия», «самообман» и т.д. Это было бы смешно, если б не было так грустно [XXIV].

Итак, есть некоторые слова – именно те, которые Лукашевич назвал «правлящими разумом речи»! – которые ближе всего стоят к точке отсчёта, определяющей образы тонкого мира и, далее, явленный мир. Вера, мера, правь, истина, закон – из таких слов, не наши субъект, объект, факт, результат, эффект, норма тоже из таких слов. Посмотрите на вторичный слой образов, связывающих эти слова

между собой и производными (а также подобными по смыслу *и звучанию*) в разных языках – и объяснятся разумы народов, объяснятся характеры и история народов (а также групп людей, пользующихся искусственными языками, например, науки и Традиции). **Насаждение чужого алфавита, внедрение чужих слов в язык есть магическая атака, есть нападение одного мировоззрения на другое. Эта война магов ведётся всю историю и называется «Чаромутие» – но и сами маги лишь рабы языка.**

«Объективная» истина и есть бытие, вещь, всё, существующее. Когда Навь, Небо, Вода пытаются взять управление Явью на себя, они дают образы, идеи, идолов. «Прямой» путь с Земли на Небо – это ступенчатая вертикаль позитивизма, Пирамида, Порамица, Великая Гора. Всё делится на мельчайшие частички, атомы, сам человек становится корпускулярным в природе, винтиком в социуме, переход мёртвого в живое объявляется количественным.

Само Небо < Обен, бесконечность, обнимающая шар Бытия, в Бытии понимаемая как охватывающий и пронизывающий его эфир, режь, Вода, как основа замкнутой целостности, вечного круговрата времени, диалектичности «что наверху, то и внизу», голографичности мира. Но Истина, Бытие, Вечность, Бесконечность одиноки.

Субъект «связан» с мерой, верой, правдой, прямотой; субъект *кроме* всего что *есть*; ограничивающий, окромляющий и Явь и Навь. Субъект – да просто чело < лицо, лик. Мы можем сказать, что субъект внеположен и Яви, и Нави, внеположен любому объекту. Но человек – и субъектен, и объектен. Человек – лик вечности; субъект жизни; правда истины; вера бытия; число, не растворимое бесконечностью; уникальное, противостоящее всеобщему; дух, не отделённый от материи «степенями» позитивизма или идеалистическим «отражением» диалектики, а внеположенный ей; вызов матриархату тленного мира (позитивизму и материализму); вызов пустой гармонии (сожармение = супружество) и наполнение её диалектичности смыслом. И в человеке как таковом, в мужчине и женщине, в отце и матери, в человеке и природе, в мыслящем и Языке, в субъекте и объекте отражены взаимоотношения Бога и Мира. Взаимоотношения, внеположные и позитивизму, и диалектике, неподвластные одному только знанию, одному только Языку, неразличаемые без осознанно сделанного выбора.

Удивительно, как внутренний смысл слов простираивает многочисленные связи между позитивизмом и диалектикой, между корпускулярным и волновым. Вес напрямую связан с вагой (см. также Даля, «вага»; она же важность) – вот вам и «положение, вес в обществе» иерархии идолопоклонников, важность позитивизма. В то же время вес *другими связями* в языке соотносится с волной, колебанием, противоположением одинакового. «Философические» слова и их связи отражаются в самых простых вещах – стрелка *весов при равновесии* стоит прямо (вертикально), а при неравновесии показывает на *шкале число*, отражающее вес. И здесь интересно само образование (внутренний смысл, предыдущие и последующие, пересекающиеся смыслы в словопроизводстве) слов *цена* (стойна) и *стоимость* (оно же), связь с понятием *порядка* и *структуры* (стена, строй) – потому что так эти слова и появлялись (гривна-гирвна, от гири; пуд можно писать round, и называть «фунт», но это все равно вес, гиря). Только один срез применения этих слов – объяснение позитивизма и диалектики политэкономии. В общем, писать об этом (книги умерли) можно только в виде набросков, да и то, в надежде, что эти наброски никто не будет читать по буквам, а только между строк. А лучше, и вообще никто не будет читать. Вообще, похоже, продолжением изучения «философии языка» может быть только искусство, только художественные произведения (при этом глубоко научные).

Да и говорить, даже вживую, о словах, правящих разумом речи, труднее всего – потому что они *укромны*, они находятся на самом краю языка, на самом стыке между «субъектным» и «объектным», их понимание приходит только вместе с *усилием*, которое человек делает, задавая свою точку отсчёта, только вместе со смыслом, для которого слова вовсе необязательны. Если же человек принимает некоторую жестко закреплённую точку отсчёта, то говорить значительно легче. Правда, при этом человек не может утверждать, что он что-то понимает (но обычно как раз в этом случае и говорят «да всё уже давно понятно!»). Он лишь излагает некоторую теорию. Вслед за П.Кузнецовым мы можем сказать: «понять – это узнать одно и то же в разных системах координат, *на разных языках*». Что является основой различных языков – языков народов, философий, наук, концепций, религий,

традиций, произведений искусства? Человеческий язык, Первобытный язык. Он является *инструментом* создания всех точек отсчёта, всех систем координат [XXV]. Вот почему важно соотнести русский язык, Первобытный язык и все языки народов – между собой и историей человечества.

Заключение

Итак, Язык может рассказать о многом. С помощью Лукашевича мы можем больше узнать и понять об истории человечества (установить те самые вехи, которые не может в силу методологической слабости установить индоевропеистика), о самом человеке, человечестве и мире:

- **О древних народах.** Имена эфиопов, коптов, египтян, вавилонян, ассирийцев, бритян, галлов, персов, македонцев и др. известны нам от разных историков, как и названия царств, городов, рек, гор и пр. Нам известны названия племён (в т.ч. в разных версиях, или, правильнее, *верзях*, суждениях; у нас с этим корнем осталась только непонятная «каверза» в очень узком значении «злой умысел»), царские имена (зачастую по несколько на одного царя), воинские прозвища. Но только они *молчат*. И хотя сразу ощущается, что Семирамиды и Навуходоносоры, скорее всего, слова сложносоставные (во-первых, очень длинные⁸³, во-вторых, часто в разных именах повторяются одни и те же слоги, например, «наб» или «нав», «сор», «сар», «арта», «ам», «ак» и «аг», «митр», «асп», «дат», «мис» и т.д.), и явно должны что-то означать⁸⁴ – имена всё же молчат, остаются лишь ярлыками, нераскрытым свидетельством то ли древней мудрости, то ли мудрёного пустозвонства. Если имена древних народов будут опознаны как славянские (этому посвящена в основном работа [5]) – вся история человечества вдруг выдаст потрясающие тайны, в том числе позволяющие видеть саму историю как нечто цельное, осмысленное. Лукашевич в коротенькой работе [9], *мимоходом*, на чисто языковом материале показал, что как будто бы ничего общего со славянами не имеющие названия, используемые в Британии – Taxali, Durotriges, Lugii, Selgorae, Lademi и мн.др., – есть просто славянские общины: Тяжали (тяжати – пахать⁸⁵), Дворостражи, Лужии (да-да, от слова луг; роши и луга когда-то были в общинном владении), Сельгоры и Ладейны (корабелы), которые славянам и пояснять не надо. «По всему видно, что Римляне смешивали сословия народныя и даже звания Бритян с подразделениями их племен, а от этого и выходило много мнимых народов». В той же работе – славянское звучание имён «британцев», или «бритян».

«Туземцы нынешней Персии в малой Азии были Славяне. Судьба их была точно такая же как и в Западной Европе. Все они были одновременно истреблены наплывами Монгольских и Татарских орд, особенно Парфами. От этого нынешний Персидский язык имеет в себе следы языков всех этих народов, а к тому и Арабов. Вообще у Магометанских народов Арабский язык составляет тоже самое, чем был некогда Латинский у народов Римско-Католического исповедания. Нынешний Персидский язык почти также составил как и Французский, хотя и при других условиях и обстоятельствах; та же чепуха и несладкица, та же столпотворение Вавилонское; разница только та, что в нем слов Манжурских, Китайских и слов языков народов Северо-Восточной Азии, повидимому, менее чем во Французском. Примечательно, что он сохранил некоторые формы языка Славянского, так в нем есть вспомогательный глагол *быть*: bûdamé, bûdi, bûdé, bûdémé, bûdédé, bûdandé, bûda bascham (bâschî, bâschád, baschem) и проч. (Gramm. Persane de sir William Jones, Paris, 1845. стр. 42). Это понятно и без перевода. В этом языке сохранилось также много Славянских слов». [8]

- **О завоеваниях, об Орде и Руси.** Завоеватели принимают более высокую культуру и вместе с ней частично язык, названия вещей, отсутствующих в их жизни. Например, Лукашевич показал, как отражается в языке освоение кочевниками Орды земледелия, более развитого общественного устройства и полезных обычаев покорённых осёдлых народов (Пелазгов, Этрусков). В то же время образовавшийся *смешанный* народ (Греки, Латиняне) сохраняет черты завоевателей в языке, в словах, словосочетаниях, понятиях, взаимосвязи образов, в основном в словах, связанных с рабством, покорением, жестокостью, хищническими обычаями (ростовщичество, поборы), дикостью и суеверием (божки, обряды идолопоклонства, пьянство, жестокость в быту и т.п.), и, главное, *мировоззрением*.
- **О переселениях народов.** Приходя в другую страну, в отличные от прежнего места жительства природные условия, люди вынуждены производить новые слова для невиданных вещей, например, животных и растений, для новых занятий, связанных с новым образом жизни⁸⁶. Взаимосвязи слов могут указать, в частности, на переселения славян, и вообще на обширность их мест проживания, на огромность Славянского мира.

- **О разнице в мировоззрении народов.** Какой смысл заложен в словах, обозначающих у разных народов одни и те же вещи и понятия? Как это влияет на представление народа о мире? На взаимоотношения народов? Как это выразилось в истории? В сменах устроения обществ, более медленном, но соответствующем изменению устоев? Наконец, *что происходит для каждого народа вообще и сейчас?*
- Наконец, язык может рассказать **о самом мире, о его устройстве, о человеке, человечестве, взаимоотношениях мира и человека** – и это уже слой философский, религиозный, мировоззренческий. Каждое слово (в славянских наречиях) имеет внутренний смысл, каждый корень связан переходами смыслов от наиболее глубоких, отвлечённых, философских до узких и бытовых, связываемых в последнем шаге только с определёнными предметами.
- **О том, как осуществлялось управление человечеством.** Это, пожалуй, та тема, которую почти не раскрыл сам Лукашевич (и не ставил такой задачи), но которую мы обязаны раскрыть в любом случае, интересно ли нам соотношение русского и Первобытного языка или нет.

Как осуществлялось управление человечеством? Чаромутие – подоплёка мировой истории, всеобъемлющее условие всех её узоров. Всю историю человечество то разбивалось на воюющие кучки, то выстраивалось в пирамиды. Народы, хотели они этого или нет, руководствовались заданными жрецами в «искусственных» языках народов правилами игры. Намеренно ли делали это сами жрецы? И да, и нет, ни да, ни нет! Они руководились своей верой – либо в какого-то идола, либо в знание как таковое. Хотели они «добра» или «зла», выстраивая очередную систему, очередной проект – не столь важно, поскольку добро и зло они понимали в соответствие со своим «священным» языком, который впоследствии становился языком народа (или секты). Позже – но для нас раньше на тысячи лет – «высокое» чаромутие, создание языков народов, сменилось созданием воззрений, и, в самое последнее время, Воззрений. Большие Воззрения есть попытка осознать основания, предустановки, в пределе вернуть Первобытный язык, и раньше были доступны только отдельным личностям.

Сегодня возможен совершенно потрясающий межъход. С одной стороны, просто говорить по Русски, найти путь ко внутреннему языку, стать творцом своего Воззрения и строить мир внутренним усилием, узорами смыслов живого языка. Конечно, для этого надо сначала – а лучше по дороге – освоить существующие Воззрения, взглянуть сверху на то, что само по себе описывает мир целиком (а до этого растворить чары «общепринятого взгляда»). Это – концептуальный путь, но концептуализм – только промежуточная станция, и даже крюк. Это безусловное (а не диалектичное!) отрицание какой бы то ни было подчиняющей людей системы, и уже тем более «общечеловеческой». Это – конец науки, которая обособила себя от искусства, от творчества, от открытий, от жизни.

С другой стороны, этот межъход позволяет использовать *и переосмыслить* всё то богатство *неосвоенного* «знания», которое было накоплено до Завремелья, все древние и новые, тайные и научные наработки. Тупо накапливать знание Завремелье уже не даст.

Наконец, самое главное – если прав Платон Лукашевич, основная ответственность за чаромутие лежит на русскоговорящих, на русскомыслящих (всех славян – но не просто как «народов»). Это доказывает сама жизнь – самой большой опасности сегодня подвергаются те, кто собственно и проверяется историей на крепость, на веру, на способность к *своему* знанию, к *живому* слову. И наоборот: всё, что находится в безопасности – корпорации и установленное ими с помощью проституток знания мироустройство, многослойные иерархии, «информационное общество», «посвящённые» и прочие «правители» – проверяются на упорство в своём идолопоклонстве мёртвому, искусственному Языку. Самая большая ответственность предполагает самые большие возможности – и они есть у русских духом. И идолопоклонникам пора одуматься. У них нет возможностей, есть только power; нет власти, есть только напор «объективной» демагогии и грубой силы; нет ответственности, нет выбора – их «высший порядок предполагает отсутствие выбора».

П(осле).С(ловие). Чуть не забыл. Тексты Лукашевича, которые я успел собрать (за что большая благодарность знакомым и незнакомым мне людям! – полтора года назад в Интернете ничего не было, кроме Введения к [1]), я выложил на www.charomutie.ru. В основном это снимки с бумажных

изданий (сканы в pdf), но кое-что набрано, кое-что откомментировано (правда, многие комментарии уже требуют переработки). Сайт, как и эта статья, не самая успешная попытка ознакомить вас с открытием Лукашевича. Но лучшее враг хорошего, а *что-то* лучше, чем ничего – и я выбираю в спешке делать то, что было бы вообще не сделано при ожидании «благоприятных обстоятельств». Буду рад вашим отзывам – со мной можно связаться по адресу PLukashevich@gmail.com.

Андрей Шевченко.

Перечень источников

1. **Лукашевич П.А.** *Чаромутие или священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем с прибавлением обращенных им же в прямую истоть чаромутии и чарной истоти языков Русского и других славянских.* 1846.
2. **Лукашевич П.А.** *Пример Всесветного Славянского чаромутия в слове МУЖ.* 1850.
3. **Лукашевич П.А.** *Ключ к познанию, на всех языках мира, прямых значений в названиях числительных имён первого десятка, на основании всесветного славянского чаромутия.* 1851.
4. **Лукашевич П.А.** *Примеры Всесветного Славянского чаромантия астрономических выкладок, с присоединением объяснения обратного чтения названий букв алфавитов Греческого и Коптского.* 1855.
5. **Лукашевич П.А.** *Объяснение ассирийских имён.* 1868.
6. **Лукашевич П.А.** *Корнеслов греческого языка.* 1869.
7. **Лукашевич П.А.** *Корнеслов латинского языка.* 1871.
8. **Лукашевич П.А.** *Мнимый Индо-Германский мир, или истинное начало и образование языков Немецкого, Английского, Французского и других Западно-Европейских.* 1874.
9. **Лукашевич П.А.** *Причина ненависти Англичан к славянским народам.* 1877.
10. **Лукашевич П.А.** *Корнеслов еврейского языка.* 1882.
11. **Лукашевич П.А.** *Исследование о великом годе солнца и его числовидном годе, на основаниях Естественной Астрономии, с предварительным вступлением к Наблюдательно-Микроскопической Астрономии и с примерами вычисления планет на таких же основаниях и по девятиричному естественному счёту.* 1882.
12. **Лукашевич П.А.** *Изложение главных законов естественной и наблюдательно-микроскопической астрономии, а также астрономической метеорологии, выведенных из вычислений числовидов или формул силы светов небесных тел, их естественных подразделений, мер времени, протяжений и теплотвора, проявляющегося на поверхностях сих тел, вследствие большей или меньшей быстроты их двигов, а также на основании выкладок по естественному, иначе девятиричному счёту. С приложением объяснений свойств Первобытного языка, относящихся к образованию последующих языков рода человеческого и научному познанию Астрономии.* 1883.
13. **Рыжков Л.Н.** *О Древностях русского языка.*
14. **Майков В.В.** *Человеческая ситуация и предельный опыт.*
15. **Кара-Мурза С.Г.** *Идеология и мать её наука.*
16. **Дугин А.Г.** *Эволюция парадигмальных оснований науки.*
17. **Неведимов Д.** *Религия денег, или лекарство от рыночной экономики.*
18. **Уилбер К.** *Краткая история всего.*

Приложение

I. Редактор реальности. Гроф и травма рождения. Высшие архетипы Традиции

«Колоссальное влияние на работу редактора реальности, на то, какими мы будем и каким будет наше восприятие, оказывает семья, где мы родились, характер родов, как сейчас известно. В зависимости от того, какая фаза родов была наиболее сложной, затянутой, зависит, какой взгляд мы в конце концов имеем. Что является самыми сильными впечатлениями детства, и что образует определенного рода предрасположенности восприятия, то, что этологи, изучающие поведение животных, называют импринтингом. Все внутриутробное развитие, все фазы и особенно критические моменты, связанные с интоксикациями, с болезнями матери, с ситуацией в семье, все влияет на внутриутробное развитие и то, как это проявится в будущем. Зачатие, оказывается, тоже влияет на то, что получится – и время зачатия, и характер зачатия, особого рода энергия, которая здесь была и т.д.» [14]

Здесь Владимир Майков говорит об огромном влиянии, которое оказывает на главные предубеждения человека, на его главные фильтры восприятия, самопонимания, самовыражения, на призму, через которую он воспринимает в том числе последующее воспитание и образование – *травма рождения*. Доказал наличие этого влияния и показал его силу один из основных исследователей языка жизни человека и переживаний до и во время рождения, Станислав Гроф, создатель метода «холодного дыхания». По сути, этот метод помогает людям осознать свою внутреннюю «концепцию», более целостно понять свой язык жизни. Его используют ученик Грофа Майков и другие российские психологи.

А если мы не понимаем своего внутреннего языка, не соприкасаемся с задвинутым глубоко в подсознанием опытом, со своими же предубеждениями, то «ничто не убедит нас в том, что этот мир не единственный. Мы всегда будем пленниками поверхности, пленниками повседневного существования, до момента неких экстремальных ситуаций – кризиса средних лет, своего собственного безумия или момента смерти – даже не догадываясь, что реальность на самом деле *другая* и намного более волшебная, намного более масштабная и фундаментальная. Это действительно сказочная реальность, а не картонный, пластмассовый, уже готовый, закрытый в своем производстве мир взрослого человека, с его заботами, проблемами, нагруженностью и т.д.». Но травма рождения и созданные ещё до появления на свет главные предубеждения – это ещё не всё. «Все мы находимся под влиянием самой сильной и самой мощной магии, которая называется «Общепринятый взгляд на жизнь». Эта магия завязана на структуре повседневности, на наших автомобилях, наших городах, на совершенствовании нашей цивилизации, и эта магия так просто не отпускает». [14]

«Эти переживания Гроф подразделил на четыре основные группы, описав четыре *базовые перинатальные матрицы* (БПМ), как он их назвал, которые, как вы сами увидите, очень четко соотносятся с астрологическими стихиями. И это для меня признак того, что группировка была произведена правильно. Как вы понимаете, за двадцать лет исследований материал собрался большой, и группировать его можно было по-разному. Но мое глубокое убеждение заключается в том, что все базисные психологические переживания относятся к тем или иным высшим архетипам, и ими классифицируются (сортируются) и управляются – и вы сможете сами увидеть, какие архетипы управляют грофовскими матрицами. Как конкретно можно использовать открытия Грофа – это другая тема, которой я сейчас касаться не хочу, но я убежден в том, что его исследования имеют очень большое, принципиально мировоззренческое значение». А.Подводный, «Эзотерическая астрология». Это уже об одном из применений открытий Грофа – представьте, что можно понять свои глубочайшие предубеждения, воздействие на внутренний язык «редактора реальности» из карты расположения планет во время рождения. Что, в свою очередь, помогает избавиться от чар «общепринятого взгляда», *самому* построить более цельный, и в то же время подробный и связный взгляд на мир. Является ли такое представление обусловленным? Конечно, тем языком, который даёт Подводный (высшие архетипы), тем языком, на который он опирается (язык Традиции*) и тем смыслом, который он вкладывает в это лично (между строк и

«вживую»). Но этот язык несравненно богаче того, что имеет образованец картонного мира, и, главное, за ним стоит совсем другое *мировоззрение*.

* Традиция – **сходные учения разных времён и народов, относящиеся к «религии», «эзотерике» и «науке»**. В чём их единство – в линии передачи знания сквозь историю и даже от прошлых цивилизаций, в единстве знания, или в праязыке?

II. **Языковые картины мира. Познание через Язык. Относительность безусловного против безусловной относительности**

«...можно представить, каков взгляд литовца, когда у него в фольклоре матушка – Солнце и батюшка – Луна. Можно найти множество различий в языковых картинах мира, но мы уже попадаем в мир, где язык нам предзадан, и мы входим в человеческий мир через тот язык, который мы начинаем употреблять, потому что другого способа войти в мир наших родителей, взрослых, семью, у нас нет. Никто не говорит с нами на другом языке, и мы сами не знаем, что мы можем говорить на другом языке.

Более того, слова являются своего рода стабилизаторами нашего внимания, и именно через слова, через речь запускается процесс осознания, потому что, пронаблюдав, что такое процесс осознания, мы увидим, что это многоканальный, многомерный информационный процесс постоянного сравнения, измерения разницы того, что меняется». [14]

Здесь важны два момента.

Во-первых, *вспоминание* людьми языков, которым их никто не учил (история знает тому примеры, а Гроф с помощью метода «холотропного дыхания» не раз это наблюдал и исследовал), свидетельствует либо о пресловутых «прошлых» жизнях, либо о доступе каждого человека к праязыку и через него к другим языкам, о доступе человека не только к своему накопленному с рождения знанию, но и к общечеловеческому (можно сколько угодно говорить о «полях», «эгрегорах», «архетипах», «ноосфере» – но это прежде всего Язык). Что выбрать? Это не праздный вопрос, от него зависит взгляд на «я». «Кто этот я, кто он такой? // – Знать не хочу и не знаю. // Как повернуть мне вспять // Этот круговорот?..» Б.Виноградский, из песен разных лет. Если из жизни в жизнь ходит один и тот же субъект, то как «мне» вернуться к «самому себе» – все прошлые жизни вспомнить? А если я не хочу, не вижу в этом смысла, не желаю отвечать за то, чего не осознаю и чем не владею, если я, соглашаясь с Высоцким, выбираю «в этой жизни быть нормальным человеком», если я считаю, что «я» глубоко внутри, а не где-то там в прошлых и будущих жизнях? Если я – единственный и уникальный субъект с единственной, уникальной и конечной жизнью, то всё рисуется совсем по-другому, чем в случае переживаний по поводу «неполноты своей субъектности», потери в забвении прошлых жизней каких-то «частей себя». При этом я ведь действительно могу получать доступ к памяти и знанию других людей или групп, целых народов, человечества, но не обязан себя с ними отождествлять. Выбор такой – либо субъект в смертном человеке уникален и неповторим⁸⁷, либо он продолжается сквозь бесконечность в цепи перерождений – и тогда он есть только меняющийся «объект», да ещё и не помнящий при каждом переходе самого себя. Мировоззрение во многом определяется отношением к себе и своей жизни с точки зрения её уникальности.

Во-вторых, важно упоминание о сравнении и измерении, о том, что наблюдаются всегда *изменения*, что сознание имеет дело только с *разницей*, с относительным. Язык имеет дело только с относительным. Возникает неудобный вопрос: а как различается «одно» и «другое», что лежит в основе сравнения? Этот неудобный вопрос, опять же, относится к ключевой философской проблеме взаимоотношения субъекта и объекта. Это не что-то заумное и бесконечно далёкое, это непосредственно касается каждого непосредственно в жизни, хотя, конечно, о чём-то переживая, споря, рассуждая, мы не вспоминаем про философию и про субъекта с объектом – но одной из больших шестерёнок в редакторе реальности служит то или иное представление об относительном и абсолютном, условном и безусловном, объекте и субъекте.

Философия сумела оформить два Воззрения, с которыми работает и наука (в разной степени), и которые по-разному говорят об условном и безусловном. Первое есть *позитивизм*, который

утверждает: есть некий вектор, шкала направления, которая показывает «количество» чего-то, степень достижения цели – количество ума людей, степень высоты в социальной иерархии и пр. Отлично подходит для науки и возник вместе с ней. В пределе «хорошо» и «плохо» в позитивизме различаются количественно. Мало денег – плохо, много денег – хорошо. От ада до рая – лестница, а каждая ступенька – степень улучшения некоего «качества». Добро «10», терпение «15», искренность «47». Второе есть *диалектика*, которая говорит: всё условно, и на каждое ваше «белое» есть «чёрное», все направления смыкаются в круг.

Итак, мы замечаем только перемены – и на самом глубинном уровне, в каждый миг восприятия, и в делении, например, жизни, на большие отрезки. По поводу перемен мы либо позитивистски утверждаем (подсознательно замечаем, если речь про секунды, про микроуровень): «стало лучше» или «стало хуже», либо диалектично мудствуем: «во всём плохом есть что-то хорошее» или «всё к лучшему» или «смеёшься – будешь плакать» или «жизнь полосатая». Но. Первое Воззрение «*точно знает зачем*» (выучил английский – знаю «уже два языка!»), но не знает *почему* это так важно – оно безусловно *верит в важность чего-то, оно ставит в конце шкалы некую необсуждаемую цель, идею*. Второе Воззрение «*точно знает почему*» (у всего есть своя тень, противоположность, всё в парах, единство и борьба противоположностей), но не может сказать *зачем*, оно не работает с целью, с направлением, у неё всё условно, все циклично, всё замыкается в круг, черное переходит в белое и наоборот, *ничего важного для диалектики нет*.

На самом деле философия и наука (не как целое, а на своём переднем крае) осознали глубокую неполноту того, что может дать позитивизм и диалектика – но ничего другого пока дать не смогли. И не смогут. Чтобы смочь, они сами должны совершенно измениться, не качественно и не количественно, а по смыслу. Что касается нашей жизни, то наше общество, конечно, построено в основном на позитивистских принципах, и собственно «прогресс» (начавшийся вместе с позитивизмом и наукой) идёт к совершенно определённой Идее. И в этом смысле позитивизм давит, позитивизм заставляет нас карабкаться вверх, служить Идолу – и для этого отучает нас думать «а надо ли это?», «а зачем это?», «а стоит ли этого добиваться?», «а может, для меня это вовсе не важно?». Нужен ли «рост экономики», если он отражает только то, сколько денег и сколько раз переключались с одного счёта на другой, и ничего не говорит о том, как все эти путешествия и их количество отражаются на жизни людей, сколько выпущено нужного и не нужного, сколько труда вложено, как всё распределено, почему вообще всем надо поделиться на «специалистов», стать к своим конвейерам, работать на общий котёл и видеть в этом «прогресс» и личную «важность»? Смысл роста экономики просто навязан в качестве позитивистской идеи. Чтобы навязать и другие идеи, а в пределе Идола, к которому мы все дружно карабкаемся, брошены силы самих же людей, чтобы через систему «общества», через механизмы СМИ, «экспертов» и наиболее «верующих» убедить себя лично и другого, что всем всё это нужно. И всегда это убеждение происходит неявно, не словами, а передачей веры («эксперт», широко раскрыв глаза: «но ведь экономика должна расти!»), а явно и очень даже диалектично обсуждается всякая всячина. Установив в каждой квартире хрустальные шары, человечество заполнило всю атмосферу сигналами о всякой всячине, но обязательно поддерживающими веру в Идола. Дружно зачаровав себя необходимостью служить прогрессу и забалтывая обсуждение смысла этого, человечество сотни лет ищет причины своих бед в чём угодно, кроме этой своей веры.

Но и диалектика не решает вопросов – он не только не навязывает смыслы, но и вообще их не видит, её смысл – отсутствие смысла, игра условностями, блеск всевозможных построений, внеположных всякому «зачем?».

Дружное карабкание к прогрессу нарушилось бессмысленным хаосом – чарующим, цветастым, мудрёным, противоречивым, сложным. Это не диалектика, но и не позитивизм. Но можно сказать, что теперь у нас есть и то, и другое, потому что мы вкусили и того, и того. Теперь в левой руке у человечества диалектика, в правой – позитивизм. Но вопрос субъекта, вопрос смысла так и не решён – чего делать-то этими лопатами? Вместе они не копают, по очереди – спасибо, больше не надо!

Так вот, возвращаясь к Языку. Во-первых, позитивизм и диалектика в разной степени вложены в разные языки народов (ясное дело, и в Воззрения). Во-вторых, и позитивизм, и диалектика представляют разные взгляды на относительное, и ничего не могут сказать о безусловном. В позитивизме безусловное относительно, потому что путь к нему размечен числом – это не настоящее безусловное. В диалектике относительное безусловно, то есть безусловного попросту не бывает. Что же делать субъекту? Ведь в Языке, и потом в знании, он имеет дело только со всеми этими диалектично-цветастыми относительностями и позитивно-серыми «безусловностями». Но где же смысл, где безусловное? Ответьте на этот вопрос вслух – выйдет один только позитивизм или диалектика. Итак, безусловное вне языка, вне знания, вне науки, вне философии. Субъект тоже вне языка, вне знания, вне науки, вне философии. Что ещё вне этого всего? Вера.

III. Вера науки. Гёдель о неполноте Языка. Отсутствие субъекта в самом цельном знании

Существует мнение, многими принимаемое безусловно, что научный язык «описывает мир лучше» (говорят ещё «объективно» или «наука оперирует фактами»), потому что «опирается на наблюдения объективного мира, а не на выдумки, на знания, а не на веру, исток которой есть страх перед миром». В ответ на проявления этого языка вражды принимающие другую безусловность отвечают: «наука углубилась в измерения, но утратила смысл, она рисует сухой, бесчеловечный мир, оцифровывает саму жизнь». Есть и другая предустановка, полагающаяся в основу суждений: «религия и наука описывают мир с разных сторон, обе в чём-то заблуждаются, и в чём-то правы» – это уже язык общения, призванный помочь найти ответ на вопрос «в чём правы и в чём заблуждаются?». Но, чтобы иметь суждение об этом, чтобы действительно ответить на эти вопросы, а не пустословить, необходимо осознавать предустановки как науки (и отдельных отраслей, и в целом), так и религии (отдельных вероисповеданий и религии как таковой), необходимо иметь объемлющий их частные языки Язык, необходимо обсуждать то, что они считают безусловным!

Учёные прекрасно понимают, что в основе всех научных воззрений лежат предустановки, принимаемые безусловно. Возьмём, в частности, теорему Гёделя, философского осмысления которой наука избегает. Она гласит: во-первых, в любой непротиворечивой теории существует обособленное утверждение, которое самой теорией ни доказать, ни опровергнуть невозможно. Во-вторых, само утверждение о непротиворечивости теории не выводится из неё.

Иначе говоря, как бы последовательно, целостно, «правильно» (в смысле непротиворечиво) мы бы ни описали мир, какое бы эзотерическое или научное знание ни открылось нам, всё же в основу знания, и более явно в его описание, легло бы, во-первых, произвольное утверждение, волевой выбор того, что человек полагает безусловным. Классический пример – равно «правильные» (внутренне непротиворечивые) геометрии Эвклида и Лобачевского, отличающиеся друг от друга представлением о пространстве соответственно как о прямом и искривлённом. И, во-вторых, утверждение о непротиворечивости, что-то вроде «это правильно и верно, потому что правильно и верно». Ни доказать, ни опровергнуть правильность устанавливаемого произвольным выбором, утверждаемого – невозможно, потому что все объяснения, сравнения, доказательства и прочие игры разума касаются всех прочих положений, построенных на этом утверждении, но несколько не затрагивают его самого. В другой, объемлющей теории можно рассмотреть и это утверждение – но, в конце концов, за всеми теориями стоят утверждения.

Можно ли их проверить? Научным методом – нет. Во-первых, «объективные» измерения всегда имеют предел. 5-й постулат Эвклида не выводится из остальных аксиом «классической» геометрии. Его простая формулировка: «в плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести одну, и только одну прямую, параллельную данной». Как наши инструменты позволят нам проверить это? Линейкой можно? А если речь идёт о тончайших искривлениях – на километры линейки и даже лазеры не работают. Да и как мы можем быть уверены, что само пространство не искривлено? Во-вторых, сами методы проверки, толкование полученных данных также обусловлены неким воззрением. Хорошо, что у нас есть и геометрия Эвклида, и геометрия Лобачевского, хорошо, что мы уже не верим исключительно в 5-й постулат. Но разве не может быть других геометрий и физик^{88?} И, главное, разве они не открываются выходом за границы

известного, творчеством? Выход за границы известного не имеет ничего общего с научным методом, выход за границы известного есть глубоко субъективное, с чем наука отказывается иметь дело. Но получает все «свои» *открытия* (открытия определённых личностей) она только благодаря этому, а вот научным методом лишь оформляет открытия в кирпичи и достраивает свою Башню, и часто этим самым своим методом мешает новым открытиям. Отрицает ли это всё науку и научный метод? Нет, конечно! Просто, во-первых, научный метод не есть ни необходимый, ни достаточный для открытий. Во-вторых, науке пора определиться: либо она признаёт свои методы принципиально *неполными* (теорема Гёделя, кстати, так и называется: «о неполноте») и творчески осваивает совершенно для себя новое, либо признаёт своё далеко не первое место в познании мира.

Так почему же наука противопоставляется вере, почему наука стремится избегать слова «вера»? Ведь то, что называются *утверждениями*, по сути, есть выбор безусловного, которому верен учёный – в пределе этот выбор выражается научной парадигмой, в пределе мы имеем дело с *верой!* В науке есть «вероятности» («ять» означает брать, принимать по Славянски), «поверка», «проверка», «верно» и «не верно», «доверительный интервал» и др., но связывать науку с верой существующая научная система не хочет. Наука предпочитает заменять слово «вера» словами «объективное знание», и это отождествление в её языке всё объясняет – она просто *верит* в «объективное знание», но хочет, чтобы все остальные веры были отделены от её веры. Но этот язык обмана не делает чести учёным, изобличает в них сектантов, против которых они на словах выступают. Поймать же на передёргивании науку невозможно, потому что её предубеждения, её парадигма нигде не изложена, более того, её редко выражают и обсуждают устно, и, ещё хуже, «в-своём-деле-специалисты» далеко не всегда осознают даже её существование (замутнённой первоисточников пользуются многие вероисповедания).

Возможно, вы спросите: «а как же сама теорема Гёделя»? Вот-вот, всё дело в вашем *принятии* её философского значения (до Гёделя другими словами много раз говорили то же самое), в вашем выборе и в вашей вере: хотите, принимайте условность знания, а хотите – верьте в его «объективность», в наличие «правильного» взгляда на мир, в наличие «правильной» науки или «правильной» эзотерической системы. В первом случае человек может пытаться выйти за рамки частного знания, за рамки частного *языка*, за рамки обусловленного – и мир будет постоянно представляться новым, а сам язык будет постоянно разиваться, жить, а безусловное не будет догматом. Во втором случае человек находится «внутри» *того или иного* знания, «объективности» которого он *бесконечно доверяет* (объективность = безусловное), он вовлечён в секту, захвачен той или иной идеологией, или, в лучшем случае, занят поиском «философского камня», «идеального» знания – и мир представляется таким, каким его описывают накопленные сектой книжки. В языке разница между 1) частным знанием, 2) сводным знанием (философским камнем), и, скажем так, 3) «сводным знанием + 1», усилием выйти за рамки знания, самого языка, может быть выражена так: «знание» – «со-знание» – «о-со-знание».

Другим важным выводом из сказанного является то, что люди не делятся на «учёных» и на «верующих» – это чистая условность, серьёзно воспринимаемая лишь в языке вражды. В конце концов, каждый человек глубоко внутри (а многие и осознанно) ищет правду, вне зависимости от того, к какой группе принадлежит. Но если он называет себя «учёным», – неважно даже, «начинающим», «любителем», «в душе», «ещё-аспирантом», всё равно *имя обязывает* – он, как правило, обуславливает этот поиск научным языком. А это часто язык противопоставления вере («религии») и самовозвеличивания (не себя, но своей секты «х-логия» или «наука») – но ему не боятся противостоять настоящие Учёные. Точно так же и «верующие», и «эзотерики» – они могут поносить друг друга и учёных, а могут пытаться выйти за рамки языка секты.

IV. **Узоры истории вне ярлыков. Путь внутреннего языка. «Правящая» роль разума**

Давайте на секунду представим взаимодействие в истории языков (воззрений, приверженных им групп, соответствующих явлений), выбрав, например, что-нибудь из следующих имён: рабовладельчество, марксизм, бизнес, ислам, наука, христианство, капитализм, Русь, монархизм,

чиновничество, община, дарвинизм, религия, МВФ, коммунизм, феминизм, антиглобализм, терроризм, даосизм, США, математика, государство.

Только магия под названием «общепринятый взгляд» позволяет легко нарисовать из этих ярлыков простую схему (принятие проработанного Воззрения позволяет легко нарисовать сложную или даже несколько сложных, что уже гораздо лучше), где какие-то явления могут не связаться («ну как связаны феминизм или рабовладельчество с математикой? Антиглобализм с религией? Дарвинизм с чиновничеством? Русь и даосизм?»). Но среди людей, которые относят себя к той или иной группе, будет немало с очень разными или даже противоположными взглядами и на свою, и на каждую из других групп, и на их взаимоотношения, а особенно много споров вызовет схема – и простая, и сложная. Именно люди оживляют и движут идеи, и, хотя идеи задают траектории и подталкивают к определённым поступкам своих приверженцев (очень хорошо это описывается с помощью понятия *эгрегоров*), именно люди могут постепенно или даже разом изменять их курс в целом (менять идеи изнутри), могут своим выбором сделать чётко обусловленное столкновение идей непредсказуемым, неожиданным. В частности, прямо здесь и сейчас это означает, что «наезды» на те или иные «явления» (например, науку) не стоит воспринимать как ярое их неприятие целиком и полностью – это лишь фокусировка внимания на одной, но очень важной стороне.

В общем, жёсткие искусственные языки идей (и более гибкие Воззрений, и даже огромные пространства языка народа) не подчиняют полностью внутренний язык человека, не обуславливают полностью его *представление* о безусловном, не могут лишить его права и возможности самостоятельно толковать смыслы. Хотя сам человек может считать, что идея или Воззрение как раз полностью соответствует его пониманию – но «полностью» может быть лишь временно, потому что внутренний язык богаче, вопрос лишь в том, доверяет ли человек себе, вопрос в том, как он пользуется своим языком, как проникает сквозь формулировки идей к заложенному в них смыслу. По этому поводу принято говорить безнадёжное «сколько людей – столько и мнений». Но это как раз то, что даёт надежду. Всё безнадёжно сложно, только если привязываться к ярлыкам, и делить людей в соответствие с идеями, которые они принимают – ведь имён, «важнейших в современном мире», сегодня сотни, если не тысячи, а по сложности многие из них таковы, что некоторые Воззрения посвящают им целые тома (а большие эгрегоры приходится делить на десятки «подэгрегоров»). Это, конечно, бесполезно. Но сегодня, когда все границы размыты и сквозь условность названий и отвлекающую блеском многогранность явлений начинает просвечивать смысл, описывать историю и человеческую ситуацию как борьбу тысяч идей, воззрений и даже как взаимодействие десятков Воззрений становится слишком сложно, а главное, ускользает смысл.

Есть другой путь. Это путь к пониманию внутреннего языка, это путь к человеческому языку, к живому языку, когда самые высокие Воззрения осознаются как бы извне и являются управляемыми инструментами. Этот путь, как и любые другие, сам по себе не исключителен, сам по себе не является ни необходимым, ни достаточным, сам по себе не может заменить выбора безусловного, который человек делает внутренним усилием. Но этот путь позволяет избежать брождения по бессмысленным лабиринтам отражений ума, позволяет самостоятельно мыслить, мыслить ясно, но не шаблонно, просто говорить о сложном. Позволяет поставить разум на место, отобрать у него символы власти и отправить с монархического трона заниматься положенной ему работой: считать, сочетать, взвешивать, обдумывать, оценивать, сопоставлять, создавать теории – но строго исходя из тех начальных утверждений, из безусловного, которое на вход ему даст человек, а не из «своей» логики. На своём месте разум также должен быть готовым безжалостно вышвырнуть плоды своих усилий, какими бы красивыми и непротиворечивыми они ему ни казались.

Здесь вспоминается образ, который давал Георгий Гурджиев: «тело человека – это карета, чувства – это лошади, разум – это кучер». Человек должен разотождествляться с кучером и тем более с лошадьми и каретой, а понимать себя как пассажира, *который есть*, пассажира решающего и судящего, выбирающего путь сквозь неведомое, отдающего приказы кучеру, и проверяющему, как

тот следит за лошадьми и каретой. Это вам не позитивизм, и даже не диалектика. «Эй, ямщик, поворачивай к чёрту! Новой дорогой поедем домой!»⁸⁹.

V. Механизм. Языковая война. Простой язык учёных и сложности проституции знания. Всё, что ты знаешь – ЛОЖЬ!

Все колёсики «сложнейшего» Механизма под названием «мир людей на планете Земля» вертятся именно так, как они вертятся, только потому, что каждый человек отдаёт свой голос (действием или бездействием) за те или иные смыслы. Всё растущее разнообразие воззрений, несмотря на детальнейшие и объёмнейшие описания мира и Механизма, пока что не помогло большинству людей понять эти смыслы. В последнее время возникло несколько Воззрений (мне известно о нескольких, но, в любом случае, их не много), которые достаточно разносторонне, многоуровнево (от религиозно-философского до бытового; от устройства Вселенной до психологии; от эзотерического до научного; от доисторического до наших дней) и цельно говорят обо всём, дают соответствующий язык, близкий к человеческому. Думаю, надо ожидать рост числа таких Воззрений. Однако уже сейчас стоит вопрос, – а дальше он станет ещё более остро, – как находить общий язык приверженцам Воззрений, смысл предустановок которых близок, а выбор безусловного, похоже, одинаков?

Языки Воззрений, на которых обсуждается ситуация в мире, используют выражения «информационная война» и «информационное оружие». Но с такими понятиями далеко не уедешь, хотя бы потому, что слово «информация» – это чертовня, смысл которой не ясен, слово пока что мёртвое и пустое, наполнить которое живым смыслом трудно даже многочисленными определениями. Но дело не в том, что смысл «информации» надо постоянно уточнять. Дело в том, что, как ни крути, информация, будь это что-то ближе к «данным» или «сообщениям» или что-то ближе к «образам», всё же «меньше», определённое, предметнее, чем язык. И «переход общества к информационному», и «информационные войны» нужно рассматривать прежде всего с точки зрения языка. Вот только первый шаг: информационное общество есть общество, простроенное искусственными языками. Иначе говоря, это общество, мышление и поведение которого задаётся исключительно Воззрениями и воззрениями, общество, которое разделяется на приверженцев тех или иных искусственных языков. А объединяющим всё это общество становится один Искусственный Язык, материализованный совокупными усилиями всех людей в ходе истории Идол, который и обеспечивает «унификацию» информационных потоков (попутно сбивая с толку «противоречиями» и «конкуренцией» разных «программ» и групп их приверженцев, которые в своей борьбе равно поддерживают всю эту систему). Проспав начало «информационной» войны, нужно не проспав время, когда ещё не поздно осознать языковую войну. В борьбе за разные «программы» нужно не забывать, что программы не изменяют операционную систему. Наконец, занимаясь системостроительством (и увлекательной гонкой вирус-антивирус, которая обязательно будет это строительство сопровождать, сейчас уже есть вирус под названием «терроризм»), нужно задаться вопросом: «а на кой чёрт нам нужна операционная система?». Так, на всякий случай. Хотя бы чтоб осознавать предустановки. И вообще, смотря извне на игру под названием «жизнь» на компьютере Вселенной, что бы вы сказали человечкам, которые давно поняли, что состоят из битов и байтов, или даже «электричества», что всё есть «самодвижущаяся материя», что всё есть «программы», но лепили бы из себя самих компьютер «информационного общества»? Нет, они не поняли, что в человеке есть «внепрограммный элемент».

Вообще мы много лишены из-за того, что человеческим языком глобальные смыслы описывают только поэты и писатели – считается, что учёные тут ни при чём. Внешнее и внутреннее однообразие и серость растущих городов; «дом и работа – как Содом и Гоморра»; рост скорости, с которой богатые богатеют, а бедные беднеют и многие другие простые вещи учёные умудряются выразить так, что понимать потом, хорошо это или плохо просто бесполезно. Это называется «объективность» и считается, что сначала нужна «объективность», а потом можно оценивать, что хорошо и что плохо. Считается, что можно дать «факты», а потом каждый может *вложить в них свой смысл*. Такая шизофреническая предустановка свидетельствует о мнении (распространённом), что смысл оторван от описаний явлений (на что очень сильно повлияли *наши* слова нашей речи, понятия нашего мышления «факт» и «объективно»). Это очень удобно для манипуляторов – предустановки через данное на частном языке описание *незамеченными*

проникают в сознание. Это просто необходимое условие для манипуляций общественным сознанием. Во многом поддержку, обеспечение этого условия выполняет научная парадигма. После выступлений многих проституток со званием «эксперт» (вообще древнейшей профессией была не проституция, а жречество, но оба эти явления теснейшим образом связаны в истории), остаётся впечатление «сложнейшести происходящих процессов», «невообразимой сложности Механизма». О-о-о-о, как же без долгого обучения понять экономику?! Да никак – надо слушать «экспертов». Эксперты рассуждают, вступать ли нам в ВТО, и как же Россия должна относиться к МВФ. Но по-человечески сказать стесняются – якобы чтоб «эмоции» не мешали решать «сложные государственные проблемы». Немногие учёные могут выразить «сложнейшести» мировой политэкономии человеческим языком. Вот, например, меморандум, который направил в ООН настоящий Учёный, П.Г. Кузнецов:

«Зная Ваши взаимоотношения с Международным Валютным Фондом, ставим Вас в известность, что Вы имеете дело с **шайкой фальшивомонетчиков**, которых **пора судить** Международным трибуналом **за преступления против Человечества**. Эта шайка фальшивомонетчиков командует печатными станками банковской системы стран-семерки и ежегодно печатает "конвертируемой валюты" на 10% больше, чем продукт названных стран. Это дает фальшивомонетчикам "ежегодный доход" в 1000 миллиардов долларов в год, т.е. они собирают **налог "за дикость"** с 5,5 миллиарда жителей планеты по 200 долларов "с головы". Указанные факты могут быть проверены Вашими советниками по открытому источнику: The Europa yearbook. A world survey. Europa Publications Ltd. London. ... Нетрудно видеть, что мировой продукт "растет" на 10% в год, что, по классической экономической теории, должно выражать "рост производительности труда". Совершенно очевидно, что "растет" масса конвертируемой валюты. Это и дает основание ознакомить Вас, а через Вас и народ Вашей страны о наличии **международной шайки фальшивомонетчиков, именующей себя "международным валютным фондом"**. Используя "продукцию" своих печатных станков, эта шайка фальшивомонетчиков **обменивает** свою продукцию - "**крашенную бумагу**" или "конвертируемую валюту" на **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ СТРАН И НАРОДОВ**. Этот **обмен "крашенной бумаги" на землю, заводы и фабрики, природные ресурсы и интеллект живых людей** – есть последняя **АФЕРА**, которую реализует "международный валютный фонд", совершая **ужаснейшее преступление** перед Человечеством. Это его "советники" снабжают **политических недоумков** "экономическими советами". Вот тот объект "**организованной преступности**", который должен предстать перед Международным трибуналом Человечества! К суду **преступников!**»

Вот пример простого разговора о якобы «сложном». Обратите внимание: здесь тоже говорится о «фактах». Очень даже «объективных». Это *официальное* письмо отправлено от имени «Научного Совета по проблемам проектирования крупномасштабных систем на основе физических измеряемых величин». Единственное, что я бы выразил иначе, чем Побиск Георгиевич, так это некоторые слова в кавычках. Не «советники» снабжают политических недоумков советами – это редкость. Гораздо чаще проститутки со званием «экспертов» и «советников» выполняют *заказ* политических проституток, которые, в свою очередь... Для всего этого есть *не наше слово* порнография, и есть наше слово, которое не принято употреблять в обществе, но точно соответствующее не используемому «блудство» – и Фрейд здесь ни при чём. Конечно, *блудствующие* всегда немножко недоумки – но всё же это более точное слово. Если подняться над круговертью последних событий Механизма, если избавиться от чар «прогресса» и воззрений на современность как на что-то «новое», станет ясно видно, что все эти люди в галстуках – не более чем служители языческих культов, только свои постыдные оргии они устраивают не столько у каменных изваяний, сколько в общественном сознании, в поклонении представляемому Идолу, Идее⁹⁰. Который не имеет какого-то одного изваяния в материальном мире, но имеет тысячи разнообразных истуканов, например, в виде зданий банков, банкоматов, вообще небоскрёбов, мегаполисов.

У нас есть много журналов, которые читают деловые люди. Которые формируют воззрение общества, внимающего «экспертам». Они тоже говорят якобы по-простецки (правда, это больше похоже не на откровенность и простоту русской души, а на тупое американское «для чайников»), приводят формулы и графички, интересные *данные*. Но, говоря, например, об ужасающем (и

растущем) разрыве между богатыми и бедными в Москве, между Москвой и «регионами» (есть ли жизнь за МКАДом?), *осмысляют* эти данные примерно так: «ну что ж, зато бедные перестанут лениться и поднапрягутся – вот и прогресс пойдёт!». Конечно, стрелять этих «экспертов» не стоит – по большей части мы имеем дело не с подлостью, а с ошарашенностью идолопоклонничеством. А это болезнь, наша общая болезнь. НО. Они ведь заражают других. И от «экспертов» для общества до «экспертов» для политических проституток – один шаг. Плохо, что эта болезнь не осознаётся, ещё хуже, что за «экспертным мнением» стоит невежество. Богатство городов *изначально* стоит на грабеже сёл (*приучили* сёла ещё в XIV веке – ткацкие станки и другие средства производства просто *уничтожались* в набегах городских держиморд). Богатство западных стран изначально стоит на грабеже колоний – и, как и с городами, по сей день. Богатство Москвы стоит на обдирании страны. То, что сейчас грабёж происходит не как полтыщи лет назад, с помощью грубой физической силы, а с помощью грубого насилия над сознанием (в том числе невежественных высокообразованных «экспертов»), доказывает только прогресс насилия. Грабёж происходит благодаря тому, что проститутки знания и «эксперты» продолжают впаривать сказку Адама Смита о свободной торговле (механицизм Ньютона). Многие люди слова получили *и получают* свои сребреники за то, что распространяли её явно и в контексте. Грабёж происходит с помощью торговли, с помощью открытых рынков (это вековые требования метрополий, сейчас выдвигаются от имени МВФ), с помощью закупки сырья и продажи готового (даже если произведено в Китае – только за *бренд* «метропольных» средств производства мы платим нефтью, которой хватило бы на питание, одежду и кров всему населению России – а в этом *основном* сегодня *нуждаются* *десятки миллионов жителей России*). Каждый обыватель Европы и Америки – рабовладелец, на которого опосредованно работают *десятки и сотни людей* в других странах. Сравнение зарплаты прямо (через доллар), когда наблюдается разница в десятки и сотни раз – неправильно. Если учесть всё, разница будет в сотни и тысячи раз⁹¹. Так о чём же говорит этот «эксперт»?! Если бедные «перестанут лениться и начнут обеспечивать прогресс», произойдёт только то, что уже происходило всю историю и происходит сейчас – дальнейшее увеличение разрыва между богатыми и бедными! Бедные будут работать ещё больше, чтобы «эксперты» за несъедобную, непригодную для питания тела и опаснейшую для питания разума чушь получали ещё больше!

Когда я учил экономику (в институтах она, конечно, «экспертная»), меня злили бабушки в трамвае, обсуждающие курс доллара и политические события. Сегодня я вижу, что многие высказывания русских людей «по наивности и простоте душевной», конечно, при полном непонимании высокоумных экономических тонкостей, гораздо точнее «докладов» высоколобых проституток. Случайно ли бабушки попадали в точку в 9 случаях из 10? Сегодня я уверен, что живой русский язык *сам по себе* является мощнейшим противоядием от чарующей убедительности «экспертов», и, проникая сквозь все хитросплетения, вместо того чтобы идти по траектории каждого, даёт в итоге правильное понимание. Пожалуйста, убедите меня, что наркобизнес не покрывается *всеми* государствами и *законными* надгосударственными образованиями! В нашей стране дети от 11 до 14 (!) лет тратят на наркотики больше, чем государство на всё образование. Нужно приводить данные по расходам на силовые структуры? Нужно доказывать, что, даже не объединяясь, правительства могли бы уничтожить в своей стране наркобизнес *начисто* (не говоря уже о совместной борьбе)? Кто-то действительно считает, что есть вот такие тайные гении, или некий Доктор Зло, который умудряется держать никому не известные плантации, заводы по производству синтетических наркотиков??! Кто-то действительно считает, что пути перевозки наркотиков и ключевые фигуры не известны тем, кто мог бы в считанные *дни* очистить *мир* от 99% тяжёлых наркотиков, вместо того, чтобы играть в игру «запретить или разрешить канабис»?! Кто-то не слышал о спутниках, о прослушке, о бравом спецназе?! Кто-то считает, что решительная борьба не ведётся, потому что *не хватает средств*? Я не сомневаюсь, что некоторые силовики на местах ведут действительно тяжёлую – в локальном масштабе – борьбу. Но. Есть совершенно определённые люди, очень даже известные, занимающие очень высокие посты, для которых вся эта (простите, силовики!) крысиная возня является только прикрытием *их наркобизнеса*, только поводом бесконечно, привлекая всяческих проституток, забалтывать самое главное – возможность выдрать *корни* этого зла. Это не коррупция – ах-ах, наш коллега, депутат такой-то оказался сволочью, а мы и не знали! Это суть *системы*, в которой, даже если сами «ничем не занимаются», но своим участием поддерживают систему, и зная других – молчат. И пока корни

(наркобизнеса и прочих системных явлений) не выдраны, обсуждать «странное» появление и громкие операции по «уничтожению» новых побегов, новых листочков попросту бессмысленно – уничтожат ровно столько, сколько нужно, чтобы люди сами не начинали мочить наркобаронов. Походив по улицам любого города и пообщавшись с молодёжью (школьниками!), вы с лёгкостью, и безо всяких спутников и прослушки, найдёте целую пачку продавцов лёгких наркотиков. Немного больше требуется, чтобы вычислить хотя бы нескольких продавцов тяжёлых. Снизу до самого верха, конечно, не поднимешься. Но ясно, что в целом наркоторговцы – лишь крыло *системы*. Системы, в которой *в целом* силовикам *нужен* наркобизнес, врачам и фармкомпаниям – болезни, ГИБДД – нарушения, банкирам – невозврат кредитов, государству – рабы, государствам – терроризм. «Круговая порука мажет как копоть». Это сказал Илья Кормильцев (спел «Наутилус»), недавно ушедший от нас, один из немногих по-настоящему *свободных*. Кто, несмотря на окружающую проституцию, мог громко сказать делами Ультра.Культуры: «Всё, что ты знаешь – ЛОЖЬ!». «Манифест постгуманизма»: «Нам объяснили, что исследовать внешний космос слишком дорого, а внутренний – слишком опасно, нас обещали сделать равными Богу, а превратили в занятое изнурительной и бессмысленной суетой стадо потребителей, поклоняющихся «кумирам на час». Более того, выбросив из нашей жизни все, что не может быть измерено Числом, нас пытаются лишить даже той качественной автономии, что присуща любому свободному животному или ребенку, низведя до уровня элементарных частиц».

VI. Нет содержания вне смысла – спросите у корпораций. Материальный power слова. Маркс всего лишь убрал правду – зато как улучшил содержание!

Например, материалистическое воззрение тесно связано со спекулянтом И.Ньютоном (в близкую к жизни политэкономия его перенёс Адам Смит), со взяточником и подлецом, а по совместительству английским лордом «хранителем печати» и «философом» Ф.Бэконом. Когда ей удобно, наука отрешивается от нравственности (например, говоря: «да, мы изобретаем что-то, но не несём ответственность за то, как это используют» или «неважно, каков учёный как человек, главное, что он дал миру»), когда удобно, использует это слово, в основном в борьбе с другими вероисповеданиями. Связь внутреннего языка человека и его нравственности с его «теориями» не заметна учёным, потому что они её и не ищут, заведомо отрицая – важны начальные установки! И, продолжая тщательно вычищать субъектное в своих методах, не замечают, к чему *на самом деле, в свершившейся истории*, приводят «объективно» великие открытия. Знакомство с жизнью учёных (но не однобоко-хвалебное, как в школах и ВУЗах), их взаимоотношениями между собой и другими людьми, многое даёт для понимания: языка их воззрений, формирования соответствующих Воззрений, их влияния на человечество. Материализм Бэкона стал началом построения совершенно явной, материальной вертикали, где Верхом, Идолом, точкой притяжения было давно известное жрецам «знание=могущество=власть». Выражение Бэкона «knowledge itself is power» почему-то переводят «знание – сила» (впрочем, это краткое определение отлично подходит, если понятно полное), хотя оно означает «суть знания есть могущество». Но, поскольку и в английском, и в языке самого Бэкона (он выражен в его работах), power есть могущество *и* власть, это тройственное отождествление. Бэкономское «знание – сила» означает «всё решает сила, а самая большая сила – знание» (он и призывал науку подчинить Природу). Примерно во время Бэкона и началась наука в том смысле, в каком её понимают сейчас. И с самого своего рождения наука обслуживала это отождествление (как система, отдельные Учёные противостояли этому), будучи прислугой *сильных* мира сего (напрямую этой теме посвящена, в частности, работа [15]). Сегодня на многое влияет *понимание* второго закона термодинамики, связи жизни и не-жизни с энтропией и анти-энтропией, понимание того, что есть *порядок*.

Я не буду говорить про оружие и технологии – они *с самого начала* создавались для корпораций и их армий (государства тогда стояли в очереди вторыми, а теперь государства и вовсе *влились* в корпорации), посмотрите на историю не из школьных учебников. Огромное количество учёных трудится на ниве языка материализма, делая (браво!) невозможное: обосновывая утверждения произвольного выбора – такие, какие нужны заказчикам. Иначе говоря, своей демагогией сбивают с толку и просто насаждают утверждения, не видимые явно в этой демагогии (явно могут звучать даже противоположные утверждения).

Маркс в ранних трудах говорил о том, что измерение труда приводит к его отчуждению, а «следствием отчуждения труда является превращение человека в товар», цитировал Шекспира и *из его языка* (каков «материалистический» метод!) делал выводы о том, что деньги служат средством *отождествления* различного по смыслу и установления всеобщего рабства, средством – даже если нет «эксплуататоров» – подчинения человека-товара «абстрактному капиталисту» общества. В поздних трудах язык как по заказу изменился: появляется стоимость, прибавочная стоимость и прочая, и прочая [17]. Зачем тратить время на чёртовы тома? Всё выражается очень просто: у капиталистов надо забрать то, что они отобрали у пролетариата, но (тихонько-с!) *труд можно оцифровать*. Дело не в том, что Маркс не сказал как. Это приём сродни преподавательскому (или манипулятору) – додумайте сами и оцифруйте! Дело в том, что *отождествление* смысла и числа было сделано, и вопреки собственному молодому стремлению к справедливости Маркс свёл всё к *распределению* чисел, а корни системы рабства остались во тьме недосказанного, хотя её видимая часть была перестроена.

Какие крохи корпорации платят учёным, чтобы обосновать любую дурь, и какой получают доход за счёт горя и слёз тех, кто даже не подозревает об этой проституции! Какой «красивейшей» и при этом относительно дешёвой операцией было расчленение СССР и продолжающаяся операция по раздроблению России! Как просто, когда существуют проститутки ума, за деньги получить язык, говоря на котором даже ищущие правду, увлекаясь доказательствами изначально мерзкого, будут помогать захватчикам! В своё время заплатив миллионы за обоснование «не-такого-уж-вреда-иногда-и-пользы» (разве сложное утверждение? – в нём главное «относительность») алкоголя и сигарет, корпорации делают на этих *тяжёлых наркотиках* триллионы, получая награды от попов-акционеров, а люди наивно убеждают друг друга, что «в меру даже полезно». Имеющие хотя бы косвенное отношение к медицине не преминут за рюмочкой авторитетно подтвердить «как медик, я скажу, что для того-то и того-то вино полезно, а ещё оно единственное выводит тяжёлые металлы, бла-бла-бла» – и чары усиливаются и усиливаются, питаюсь верой в авторитеты. А насчёт вина, вообще-то, полуправда с упрятым большим-большим «НО»... и значит, ложь! – но какова силища учёного авторитета и *единожды* заданного для обсуждения этого вопроса языка?! Простенький пример другой риторики на языке материализма: Филипп Моррис научно обосновала для правительства Чехии экономическую целесообразность продажи сигарет – 100 миллионов долларов экономии в год на пенсиях и лечении стариков (в 2001) [17].

Что ж, появление и развитие науки отражало изменение языка человечества в ходе истории [16], и многие учёные, находясь ещё в начале, «внутри» системного перехода, лишь искали слова для его осознания. Но всё же внутренний язык одних был ближе в тому, чем в *основном* был материализм. Приветствуя одно и то же Воззрение, Бэкон и, скажем, Ницше видели в нём всё же разные смыслы. И за тысячи лет до Бэкона, хотя и другими словами, выражались предустановки того Воззрения, лишь частностью которого был материализм и бэконовские «суть знания – власть как могущество», «знание выводится из чувственного восприятия», «универсальное отношение всего ко всему есть Бог». **Это – язык одной «веры», которая на протяжении всей истории владела сердцами большинства людей, веры глубоко языческой, веры в универсальное, в отчуждённое знание.** И уже в бэконовском языке очень-очень ощутимо, но пока незримо, просвечивается ещё одно отождествление этой веры – «знание=язык». Отождествление, отчуждающее знание от человека и умерщвляющее язык. Простой человек никогда не скажет «знание в словах», но именно эту дурь обсасывают жрецы всех эпох – в корчах от этого яда воображая себя «могущественными».

П(осле).С(ловие). На уроках английского в школе я сидел под портретом Фрэнсиса Бэкона. Вместе с торгашеским языком впаривались (учителям я благодарен, речь про систему) светлые образы «учёных» и «философов» из страны рабовладельцев. Сегодня, отняв часы у русского языка, который и без того преподаётся *глубоко неудовлетворительно*, детям с первого-второго класса, с портретами и прочими хрустальными шарами, продают переносчик торгашеского мировоззрения – а вместо противоядия (только *знать* язык другого народа, конечно, полезно – но *только знать*, без впитывания того, что он несёт, невозможно) везде в окружающем мире детей ждёт подтверждение *соответствий*, заложенных в живом английском, например, «власть = могущество», «справедливость = закон», «свобода = бесплатно».

VII. Языки не равны!

«Почему некоторые нации так стремятся к тому, чтобы попасть в одну из языковых индоевропейских групп и быть ближе к праязыку? Почему принадлежность к индоевропейской семье считается престижной и даже служит основанием для националистических идей исключительности и избранности? Почему многие национальности стремятся попасть в эту, в основном европейскую, историческую и культурную общность, «приписаться» к древним срезам латыни, санскриту и т. д.? Может ли языкознание дать ответ на этот вопрос?

Ответ содержится в разделе языкознания, изучающем связь языка и мышления, а точнее, влияние языка на организацию процесса мышления. Приведу пример. Как-то мне довелось принимать многократно экзамен по физике у студента из малых кавказских народностей. Сдав, наконец, после многих трудных попыток экзамен, он подошел к доске и сказал: «Леонид Николаевич, я хочу вам сделать один подарок». И начал писать на доске русскими буквами непонятные длинные слова. Он исписал половину доски, а потом повернулся и сказал: «Я написал на родном языке то, что произошло здесь сейчас и что можно выразить одним русским словом — "выкрутился". А чтобы понять и изложить физику — сами понимаете. Когда я выучил физику на русском языке — мне стало значительно легче думать обо всём. Спасибо вам». И ушел.

Приведем цитату одного из величайших лингвистов, А. Потебни [О-6], который внес значительный вклад в науку о связи мысли и языка:

«Ибо, ...в настоящее время мы с уверенностью можем сказать, что первенство народов индоевропейского племени среди других племен земли, составляющее факт несомненный, основано на превосходстве строения языков этого племени, и что причина этого первенства не может быть выяснена без должного исследования свойств их языков; хотя и необходимо признать, что ребенок, говорящий на одном из индоевропейских языков, уже в силу этого одного является философом в сравнении с взрослым и умным человеком другого племени».

Экономические, культурные, военные и организационные успехи индоевропейских народов Европы и Америки почти все выдающиеся лингвисты, начиная с Гумбольдта и Потебни, связывали с организацией и структуризацией процесса мышления на базе особенностей строения высокоорганизованных языков этой группы.

А каково же тогда место Русского языка в этой семье?» [13]

VIII. Плюрализм языкознания

«...оценка современного состояния лингвистики выступает в достаточно противоречивом виде. Признавая существование разных теорий языка и различных направлений, развивающих эти теории, историографы делает из этого противоположные выводы. В то время как одни ученые пессимистически оценивают сложившееся состояние дел, подчеркивая раздробленность современной лингвистики, полагают, что она вступила в фазу стагнации, другие ученые расценивают наличие альтернативных взглядов на язык как явление положительное, а постоянную смену мнений — как ее постоянный признак.

...утверждая что лингвистику отличает "обреченность на плюрализм мнений" ученые приходят вместе с тем к выводу о том, что подобное положение дел не таит в себе особой опасности: разные концепции могут и должны поддерживать каркас общего языкознания. Естественно, что если бы речь шла исключительно о разногласиях в оценочном плане, т. е. о том, хорошо или плохо существование различных подходов к описанию языка, можно было бы просто присоединиться к той или иной точке зрения и привести дополнительные аргументы в защиту одной из них. Но ...гораздо важнее определить адекватность, эффективность и полезность самих представленных теорий, факт их конгруэнтности друг другу, взаимодополнительности или же, напротив, несовместимости, взаимоисключительности...» [Е. С. Кубрякова, цит. с сокр. по 13].

Итак, «Фрагменты оставались фрагментами, не сливаясь в общую цельную картину. Языковые теории противоречили друг другу, углубляясь в бесспорные частности, а верховодили в

концептуальном арсенале языкознания либо политики с чуждыми науке целями, либо карьеристы-соглашатели, либо уж совсем безответственные авантюристы». [13]

IX. Язык – Логос. Идол Марра. Кто занимается Русским?!

Язык есть «перво разум», «логос» гностиков – именно их тексты в составе Библии несут пресловутое «в начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог». Именно гностическая мудрость (греческая! откуда она у греков – вот вопрос, о котором ещё будет сказано) серьёзно повлияла на принятие догмы, в соответствии с которой существует «неслиянное единство» отца, сына и духа, причём сын есть слово отца, который тоже есть слово (в греческом маленькие и большие буквы не различались). Вот так писаная мудрость запутала людей в словах, замяв нелепое противоречие «полуправдой» (ложью!) «это нельзя понять, в это можно только верить» и уйдя от ответственности только за счёт того, что люди (особо, кстати, не интересующиеся, откуда и когда в священных книгах, в т.ч. научных трудах, взяли те или иные строки) верят в отчуждённость знания, в то, что вообще кто-то *по-настоящему знает* лучше, чем они сами, и в неких «правильных словах» может им это истинное знание передать.

Скрыть, подчинить или заменить Бога словом, правду «логосом», истину книгой, веру противоречивыми измышлениями, новое «системой», поиск «законом», открытие и творчество «знанием», задачу человечества строительством Башен до Неба, собственный смысл жизни и время карьером, справедливость прогрессом, горение в деле продлением жизни – вот ключевое в истории предательство!

Лингвистика в терминологии отражает влияние Библии. Зачем это «логосическая» = «божественная», почему сделано отождествление «Бог = слово»? Зачем это «объективной» науке предустановки гностического Воззрения? Станут ли отрицать ведающие силу языка обусловленность терминологией? Зачем продолжать настаивать на древнейшеи семитских языков? Наконец, зачем называть языкознание лингвистикой?

В логосической теории «языковое многообразие объяснялось расщеплением праязыка на группы (семиты, хамиты, яфетиды) по расовой классификации народов в Библии. Европейские языки относились к **яфетическим**, но производились от еврейского, особенно письменности, несмотря на то, что еврейский принадлежит к семито-хамитской группе. Это противоречие между идеей и данными науки привело к постепенному увяданию этого вида концепции, но многие ее термины (включая: «дерево языков», «яфетология», «исходная финикийская азбука») до сих пор используются в языкознании, особенно после Н.Марра [O-10, T-11], искавшего всюду яфетические корни, но утверждавшего, что все языки рано или поздно станут яфетическими и тем самым приблизятся к грузинскому, самому яфетическому образцу, представителю самой «древней» кавказской группы языков». [13]

Теперь обратим внимание на упомянутого Н.Я.Марра. «Пролетариями» была организована настоящая травля учёных-языковедов, не принимавших учения Марра. Некоторые отсидели, некоторые погибли, некоторые сошли с ума. На должности ставили и снимали с должностей по признаку безоговорочного признания «нового учения о языке». Сам Марр никому не был нужен, но почему его учение продолжали раскручивать, насаждать и после его смерти? Почему оно не сразу, но после многих переписываний автором было пришито к марксизму, хотя и белыми нитками? За что и против чего выступал Марр? «Разрыв между научной слабостью "нового учения о языке" и многолетней силой его влияния колоссален и требует объяснения» (Алпатов В.М., «Марр, марризм и сталинизм») – и до сих пор Марра вспоминают.

Во-первых, Марр смог обаять и очень трезвых исследователей за счёт того, что его учение было не «узко лингвистическим» (хотя трудно придумать более дурацкое словосочетание, лингвистика всё же очень узка). Уже в начале XX века настоятельно требовалось видеть мир не через калейдоскоп «отраслей наук», а целостно. Синтетичность не могла не завораживать. Полное отрицание грамматики как «формализма» – сущий пустяк, когда речь идёт глобальных смыслах. Что ж, есть над чем задуматься лингвистам: если лингвистика вплоть до грамматики не проникнется философией – замарринуют.

Во-вторых, упомянутая привязка к марксизму. По Марру, языков изначально было много (праязык отвергается), но развивались они по одним законам с разной скоростью, от четырёх первоэлементов, «диффузных выкриков» *сал, бер, йон, рош*. Языки по мере развития постепенно скрещивались, и вот здесь как раз «марксизм»: язык, по Марру, скачком менялся при исторической смене общественных формаций, классовые различия внутри языков считались более определяющими, чем различия самих языков (а вот это не стоит сбрасывать со счетов – речь идёт как раз о взаимоотношении искусственного языка классового воззрения и *разных* языков народов, и, вместо однозначных определений стоит говорить о том, *как* определяет, *как* соотносятся).

В-третьих, били по «буржуазному» сравнительному языкознанию (его раздел индоевропеистика предполагает происхождение языков из праязыка), приписывая ему фашизм (после смерти Марра в 1934 его учение непрерывно взлетало вплоть до операции по низложению этого учения, начатой Сталиным 9 мая 1950 года), якобы расовый характер поисков праязыка. **Били по славистам**. А в то время многие с использованием сравнительно-исторического метода приходили к пониманию, самое малое, совсем не последнего места славянских языков.

В-четвёртых, «В ранг «истины в последней инстанции» возводили учение Н.Я. Марра о **пирамиде скрещивания языков, на вершине которой располагался бестелесный единый язык** (система чистых мыслей, не отягченных «природной материей») будущего мирового коммунистического общества»⁹². Вот это сильно. Это прямо отражает глобальные предубеждения «коммунизма» покровителей Марра. Бестелесный единый Язык – тот самый Идол, Операционная система Единого Сверхчеловека. О, Салберйонрош! Ещё одно «имя бога», тетраграмматон библейского логоса!

Для нас важно: марризм противостоял методам сравнительного языкознания и, в частности, поиску праязыка в славянских языках. И ещё: поскольку никакая лингвистическая теория пока что не начала прокладывать путь из хаоса, отбрасывая действительно нездоровый марризм, нужно не потерять из виду его предубеждений.

Х. Лингвистика не знает, как искать праязык

«Но **праязык**, источник «правильного», — неизвестен, и поэтому, индоевропеистика почти не занимается (не может пока заниматься) установлением **исторических вех**, ограничиваясь поиском «архаизмов», т. е. старых, древних следов в языке. Тем не менее, именно из-за вероятных возможностей установления исторических вех, индоевропеистика и подвергалась преследованиям в нашей стране перед войной (см. Приложение №2: «За Что распинали славяноведов?»), поскольку она считалась научной базой гитлеровской расовой теории о превосходстве чистой и древнейшей нордической германской (арийской) расы и противоречила «материализму» «трудовиков» и «марристов». Хотя основоположники научной индоевропеистики (Соссюр, Мейе) неоднократно отреклись от установления временных шкал при помощи сравнительного языкознания. И это была правильная позиция, поскольку методический аппарат индоевропеистики пока исключал постановку задачи о приоритетных исторических соответствиях и установлениях вектора времени в истории по языку. А поэтическая фраза академика Б. Грекова пока звучала как мечта: «Если бы мы знали жизнь слова, то вся история раскрылась бы перед нами» [Д-16]. «Жизнь слова» пока молчит. Ее прерванный поиск и является первоочередной задачей современной лингвистики». [13]

Далее там же Л.Н. Рыжков цитирует одного из лингвистов мирового уровня, Мейе:

«Сравнительная грамматика индоевропейских языков находится в том положении, в каком была бы сравнительная грамматика романских языков, если бы не был известен латинский язык: единственная реальность, с которой она имеет дело, это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может

дать точного и полного представления о народной латыни IV в. хр. э., и нет основания предполагать, что сравнение индоевропейских языков даст большие результаты. Индоевропейский язык восстановить нельзя».

И далее вслед за Мейе заключает: «праязык не восстановим **существующим арсеналом методологии**, а новой пока нет».

XI. Русские – не только нация. Испытание жизни: учителей учат, у хранителей воруют. «Философский камень» Орды – что ответит Русь?

Сегодняшние «русские» и «славяне», понимаемые как нации (т.е. связанные не только языком и мировоззрением, но ещё определённой землёй и кровью), ничем не лучше и не хуже каких бы то ни было других наций, однако являются носителями ещё не совсем потерянного языка единого человечества. Русских и славян всё время упорно пытаются низвести до отдельных наций, презрительно насмеваются над «славянофилами» (хотя, даже если считать славян «нацией», что плохого в любви к своей нации?!), учёных-славистов, в 20 веке вышедших на понимание «праязык = праславянский», назвали «фашистами» и подвергли гонениям, а Русь отождествили исключительно с определённой землёй. Это – языковое оружие раздробляющего действия против тех, кто хранит *почти* самую главную основу единства человечества: живой Язык (в отличие от мёртвых «теорий» и застывших символических систем). В то же время китаефилы, ивритофилы, грекофилы, латинофилы, санскритофилы, англофилы, французофилы, германофилы, американофилы, литвофилы, грузинофилы, наукофилы и прочие «любители» живут и здравствуют, а некоторые, неистовствующие, строят на своей «любви» сказки о превосходстве себя любимых над другими людьми.

В Русском и других славянских языках наиболее явно просвечивает то, что некогда давало единому человечеству само мышление и культуру, непреодолимой снизу преградой возвышало человека над животным миром. Видимо, могущество этого дара было использовано человечеством не надлежащим образом, и теперь, после разделения языков и народов, у «русских» и «славян» есть возможность со стороны взирать на чудовищную надменность и спесь «могучих» наследников греко-римской «цивилизации», в своё время использовавшей жалкие снимки «философии» и «организации» мышления Первобытного языка *в смеси с духом поработителей* для достижения превосходства над другими народами. Было бы ошибкой снова посчитать превосходство языка и мышления (не говоря уже о крови! – впрочем, всё, что используется как обоснование превосходства *обусловлено*, а потому в основе превосходства лежит *язык*, точнее, безусловное доверие и поклонение ему вместо овладения) основой какого бы то ни было неравенства и вражды – именно этому учит история, именно это один из промежуточных, но важных выводов из того, что открыл Платон Лукашевич. Сам Язык рассказывает нам, как огромный Славянский мир в своё время поддавался искушению материальным и духовным богатством, как разум и мудрость решили описать и подчинить себе веру и правду. Если сегодняшнее бедственное положение Руси неслучайно, не исходит от злонамеренности различных «врагов» как от первопричины, если это некое испытание – а в это можно только верить, только принимать как есть – то необходимо обратиться к Языку для поиска истинной причины, а также возможностей преодоления бедствий не только страны «России», но всего мира. А найти врага вовне проще всего – только от его низвержения ничего не изменится, появится новый враг.

Другое дело, что языки не одинаковы. У меня пока нет достоверных данных об «объективированных» показателях силы, которую даёт мышление на русском. Я встречал утверждение, что *русскоговорящими мозг используется* не на обычные 5-10%, а на 20-40% – однако необходимы уточнения (что значит *используется*? что это даёт не на «объективном» уровне, а *собственно для мышления*? И т.п.). Но, во-первых, вполне очевидно, что это что-то «великое и могучее», а во-вторых, исследования идут уже давно, и, надеюсь, итоги вскоре станут доступны (опять же, *слышал*, что их скрывают; в [13] упоминается о сокрытии результатов исследований славяно-германских языков, идущих в американских университетах). Безусловно, речь идёт об *условиях*, которые предоставляет мышлению тот или иной язык, а не о мерке

«умности» целых народов, речь идёт о возможностях. Уже было сказано выше по тексту, но ещё раз повторяюсь: ни о каком расовом превосходстве славянских «народов» как хранителей праязыка над другими (то, в чём обвиняли индоевропеистику с её поисками праязыка) не идёт. Славяне – это не народ, это приверженцы веры (не путать с вероисповеданиями, обрядами, пантеонами богов – речь о выборе безусловного, о духе). Первобытный Славянский язык – достояние всех народов мира. Это не философский камень, не идол Марра, не символическая суперсистема – это живой Язык. Возникновение множества языков – не «деградация», и не «развитие», хотя пока существует лишь два этих односторонних взгляда, касающихся истории с Вавилонской Башней (общепринято мнение, что человечество «развивается», идёт «прогресс» – это очень однобокий взгляд, ведущий к идолопоклонству, к вере в выстроенный человечеством Механизм). И исследования Платона Лукашевича дают объёмнейший материал для размышлений на эту тему. Здесь я коснусь её лишь отчасти.

Что касается рас, вопрос этот напрямую не относится к праязыку. Одно из немногих высказываний Лукашевича на эту тему очень осторожное: «Всесветное Славянское чаромантие вовсе не доказывает *кровное* сродство племен человеческих, обитающих в пяти частях света, но составляет особую тайну их «отношений», которую мы, при всем нашем научном знании, *никогда* не разгадаем, так точно как никогда не постигнем подробностей мироздания» [6]. Но для нас важнее другое: «**Без противодействия и любви к Родине искажается и погибает каждый язык**». [7]

Из великолепной книги Л.Н.Рыжкова «О Древностях Русского языка» ([13]):

«Объяснять невероятное единство разновременных и разноименных цивилизаций древности существованием загадочной Атлантиды и оправдывающим разного рода иерархии термином «учителя», — стало настолько естественным и обладало столь убедительными аргументами, что не называлось иначе чем «традиция». [13]

Обратите внимание на слово «Традиция».

Это – ответ автора на высказывание знатока древних языков, Валерия Брюсова, которое он цитирует: «Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое **единое** влияние, которое одно может объяснить замечательные аналогии между ними. Египтяне, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями современной цивилизации. Кто же был их учителями? Кого мы можем назвать ответственным именем "учителя учителей"?»

Высказав своё отношение к «учителям учителей», Рыжков продолжает: «...атлантическая идея — отыскать начало начал и непосредственно в источнике цивилизаций найти ключ и разгадку ко всем тайнам — согревает надеждой ученых, историков, лингвистов, археологов.

Мы придерживаемся иной точки зрения: основа этого единства начал — это **праязык** с его знаковой системой, связывавшей смысл, образ и звучание в триединый атрибут цельного мышления, позволявшего посредством языка строить ту цельную познавательную систему представлений о мире, о которой писали Гийом, Мейе и Потеня. Поэтому воссоздание этой системы в ее доалфавитной чистоте является задачей не только языкознания, но и всей культуры человечества, если оно пожелает развиваться дальше. Первые робкие штрихи к познанию этой системы и изложены в дальнейшем содержании книги».

Можно только полностью согласиться: борьба за идею философского камня, борьба за могущество была и остаётся атлантической. Но не достойно человека такое преклонение перед кем-то где-то накарябанными тайнами бессмертия, устройства мира или волшебной палочки! Атлантическая идея выражена в английском power, и есть «количественная власть», «могущество как степень превосходства», «власть силы» (например, силы знаний). Больше «знаний», больше «фактов», больше связей в социуме, больше технологий, больше прогресса, больше товаров, больше артефактов, больше... больше... Это мировоззрение **Орды**. Порядком извращена история с Золотой

«Ордой». Не связывая «орду» с ней, но прямо со смыслом тупой силы толпы, отчуждённой власти и отчуждённого знания, и прочими мерзостями, ощущаемыми в этом слове, противопоставляю Орде **Русь**. Русь означает свет, но не свет количества, не свет «просветления» по мере подъёма по той или иной *пирамиде* (это слово будет объяснено ниже), а свет пламени духа, не имеющий ничего общего с power. Орда и Русь – именно это столкновение должен пояснить Язык, именно это первый узор. А сам праязык – не камень раздора, а лишь средство, которое либо прячут от врага, либо используют. С той или иной целью.

Не в том смысле, о котором говорит Брюсов, но в том смысле, о котором говорит Рыжков – ответственным именем «хранителей языка» мы можем назвать славян. Однако «священный» (мёртвый) язык порождает «священное» знание – и сами «хранители языка» могли стать «учителями учителей». Орда – не только снаружи, Орда внутри. Соблазн знания – не сказка. Языки народов – не бормотание.

XII. Класно классифицировать – всегда есть что-то главное! Башню сносить нельзя строить – из двух зол не выбирают

Споры о том, *развивалось* ли письмо от слогового к азбучному или *деградировало*, особенно с намерением выбрать либо одно, либо другое, растрачивают внимание на обсуждение форм, упуская содержание и смысл. Особенно с учётом того, что азбуки создавались жрецами. На кой чёрт нужно ударяться с головой в классификацию измышлений отдельных товарищей? Говорить одними согласными человек не может, и потому, вообще говоря, наша речь слогова. Дело не в том, какую последовательность звуков записывают одним знаком (знаки для слогов, знаки согласных и огласовки, привычные буквы), и даже не в том, записывают знаками последовательность звуков или сразу понятие (пиктограммы, иероглифы), а в том, что считают понятиями, как связывают понятия со знаками и какую роль обоим отводят в понимании мира. Здесь встаёт вопрос о противостоянии, с одной стороны, *символизма* (его суть: строгость, неподвижность сочетания знак-образ), жреческой «объективной» мудрости, тайных знаний, священного языка, и, с другой стороны, концептуализма (сочетания знак-образ *зависят* от *предустановленных* соотношений образов, концептуализм понимает и признаёт произвол, условность главных оснований), *выбора языка, выбора того, каков есть ты сам и каков твой мир*. Лишение себя *выбора* (что представляет собой *выбор* символизма, идолопоклонства, несвободы), попытка найти (и «правильно» описать, утвердить!) «объективное» устройство мира в ущерб внутреннему, глубоко религиозному поиску, подчинённость кем-то придуманному и как-то описанному миропорядку в ущерб самостоятельному осмыслению и пониманию – вот ключевое для истории предательство, поклонение Языку.

Но коль занятие символизмом в *рамках концептуализма* может принести пользу (собственно, это метод), попробуем посмотреть на чаромутие как на *деградацию языка*, как на всё большее удаление от живого мира в область абстракций, умозрительного, в итоге – к идолам религии денег и «информационного общества». Польза – снос Вавилонской Башни, вред – потеря прямого соприкосновения со смыслами. А на появление огромного богатства языков как следствие чаромутия – как на освоение методов детальнейшей проработки картины мира, закрепление различными языковыми средствами огромного опыта, количественное развитие «способов говорить», развитие разнообразия. Польза – огромное количество разнообразнейших кусочков и деталек, вред – из них строится новая Башня. Возможность: вернуться к смыслам, используя богатейший материал, но не строя новую Башню, новую систему «всеобщего». Книги умерли.

XIII. Не придирайтесь к словам – по-моему, прекрасно. Мужественный матриархат

Как и в жизни: мужчины *в целом* – открытие нового, придание *смысла* имеющемуся, произвол выбора, женщины *в целом* – гармония имеющегося. «Гласные» и «согласные» в самом глубочайшем, «архетипическом» смысле. Это совсем не случайные соответствия. Это вопрос о глубинном *различии*, лежащий к тому же вне беспокоящих феминисток вопросов о «равенстве»

(«диалектика инь-ян») или «неравенстве» (позитивизм «кто *главнее*: мужчина или женщина», со вариациями от «дискриминации женщин в ходе всей истории» до «мудрейшего» «мужчина голова, а женщина шея»), но его обсуждение выходит за рамки статьи. Замечу только, что и о сути взаимоотношений мужчина-женщина язык может рассказать очень многое. Смысл и гармония – по-моему, прекрасно.

Однако в нашем обществе *смысл подчинён укладу, гармонии, порядку* – и в этом смысле общество глубоко матриархально. Разговор о целесообразности (позитивистский дискурс) или непротиворечивости, гармонии (диалектический дискурс) всегда сводится к тому или иному *устройству* общества как целого. Это уже не сводится к различию между мужчиной и женщиной как людьми, поскольку их в равной степени подавляет это «всеобщее», и, конечно, им в равной степени, как человекам, дано право на *смысл*. В чём же заключается матриархат общества? Некоторые женщины убеждены в том, что стаскивать всё в дом и всеми силами *обеспечивать* (не создавать) гармонию, уют, сытость и развлечения, вообще семейное благополучие, уделять всё время семье – есть *обязанность* мужчины; *при этом* ходить на войну, вступаться за правое, но безнадёжное дело, заниматься *своим*, но малоодоходным делом, уделять свободное (от зарабатывания денег) время друзьям («кому нужна ваша политика и философия?») и каким-то непонятным проектам («всё не наиграешься?») – есть *дурь, мальчишество, безответственность, слабость*. Так и общество – ему наплевать на ваше «а я вижу в этом смысл», оно говорит «есть сложившийся порядок». Вы ему «а можно?..», а оно «после того как отработаешь по полной – и только на часочек». Как у нас называются *несогласные* с общепринятым? Маргиналы. Считается, что маргиналы обоих полов ведут войну против общества. Они не собираются быть подкаблучниками, и феминистки обоих полов пожирают их.

XIV. **Язык, мировая революция и Академия Наук – всё повторяется**

А выкинутая ять (ѣ) оставила нас без понимания различий многих, кажущихся «однокоренными» слов и подсознательно связывающиеся в современном шизофреническом, не различающем, «омонимическом» сознании. Чем, например, «вещий» (Олег) отличается от «вещевого» (рынка)? Не стоит недооценивать (вообще его сложно переоценить) обуславливающего, формирующего, чарующего влияния слов (и их «звучания», даже при чтении и мышлении, тихого, «про себя»), определяющего воздействия на жизнь взаимосвязей между понятиями (которых в языках мнимодревних и современных «международных» *на порядок* меньше, чем в русском) и, соответственно, явлениями, протраивающихся в точности *по языку*. То, что знание стало «предметом», или, того хуже, «объектом», овеществилось, стало полностью отчуждённым и количественно измеримым (званиями, дипломами, курсами, теориями и т.п.), также обусловлено забвением собственного языка и принятием чуждого: искусственного, торгашеского, кривого, ограниченного и нелепого. К кому относятся эти слова? Первобытный язык принадлежит всем «народам», разделённым лишь искусственно. Но *ответственность* в первую очередь на тех, кто говорит и мыслит на наиболее хорошо сохранившихся от Первобытного неочаромутненных наречиях, а среди них – на тех, кто именует себя языковедами и даже лингвистами.

И.Ильин, «О русском правописании»: «...новая орфография отмѣнила букву «ѣ» и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимые омонимы стали въ начертаніи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидить и пойметъ, тотъ придетъ въ ужасъ при видѣ этого потока безграмотности, вливающагося въ русскую литературу и въ русскую культуру и никогда не примирится съ революціоннымъ кривописаніемъ... Мы различаемъ «самъ» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ «самъ» — «самого», винительный падежъ — «самого». А отъ «самый» — «самаго». «Я видѣлъ его самого, но показалось мнѣ, что я вижу не того же самаго»... (письмо изъ современной Югославіи). Въ кривописаніи это драгоцѣнное различіе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненія: «самого»... Кривописаніе не желаетъ различать всѣхъ падежей... кривописаніе не различаетъ мужской родъ и женскій родъ въ окончаніи прилагательныхъ (множеств. числа) и мѣстоименій... Это означаетъ: грамматическое и смысловое различіе падежей и родовъ остается; а орфографическое выраженіе этихъ различій угашается. Это равносильно смѣшенію падежей,

субъектовъ и объектовъ, мужчинъ и женщинъ... Такъ съются недоразумѣнія, недоумѣнія, бессмыслицы; умножается и сгущается смута въ умахъ. Зачѣмъ? Кому это нужно? Россіи? Нѣтъ, конечно; но для міровой революціи это полезно, нужно и важно».

В наше время, в новой попытке установления мёртвого Идола Языка мировая революция опять бѣёт в самое средоточие, в одну из сохранившихся основ живого единства людей – русский язык.

Но что это за связь такая: революция 1917 в России и «мировая»? Во всѣм виноваты «коммунисты и Сталин»? Снова пойдѣм от языка (цит. далее «О русском правописании», подчёркивания мои): «Мы отлично знаемъ, что революціонное кривописаніе было введено не большевиками, а временнымъ правительствомъ. Большевики сами привыкли къ прежнему правописанію: всѣ эти Курскіе, Чубари, Осинскіе, Бухарины продолжали въ своихъ рѣчахъ «ставить точки» на отмѣненное «і» и требовать, чтобы коммунисты все знали на отмѣненное «ѣ». Даже Ленинъ писалъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что старое правописаніе имѣло основаніе различать «міръ» и «миръ». ... Нѣтъ, это дѣло рукъ проф. А. А. Мануйлова («министра просвѣщенія») и О. П. Герасимова («тов. мин. просв.»). Помню, какъ я въ 1921 году въ упоръ поставилъ Мануйлову вопросъ, зачѣмъ онъ ввелъ это уродство; помню, какъ онъ, не думая защищать содѣянное, беспомощно сослался на настойчивое требованіе Герасимова. Помню, какъ я въ 1919 году поставилъ тотъ же вопросъ Герасимову и какъ онъ, сославшись на Академію Наукъ, разразился такою грубою вспышкою гнѣва, что я повернулся и ушелъ изъ комнаты, не желая спускать моему гостю такія выходки. Лишь позднѣ узналъ я, членомъ какой международной организаціи былъ Герасимовъ».

XV. Антропный принцип не о вероятностях, а о Свидетеле. Интеграция мирового знания – вызов постмодерна. Отказ науки – явная слабость и неосознанная сила. Следите за языком – перенос представлений о мире на людей как неизменная основа разных форм рабства. Наука как искусство

Вспомните антропный принцип – всё развивалось *как будто так*, чтобы человеку было *удобно* появиться (слабая формулировка; привожу своё определение, за книжным обращайтесь к книжкам), или *как будто чтобы* появился человек (сильная формулировка). Вообще говоря, *наивные* рассуждения учёных о том, что «верующие приписывают вымышленному демиургу» то, что произошло «благодаря случайности», и старания *объяснить* многочисленные сопутствующие жизни случайности простой или сложной (системной) причинно-следственной связью есть просто, во-первых, волевой выбор этими учёными *их мира* (т.е. их вера). Во-вторых, обычное отрицание без попытки понять то, что не укладывается в научную парадигму, *огульное суждение о непонятном*. И, далее, в-третьих, по их же представлениям о знании (впрочем, запутанным *так же*, как и лингвистика), эти рассуждения *никак не могут влиять на правильность исходного положения* о том, кто заправляет миром: его Величество Случай (бесконечность, хаос, вероятность, вселенная-машина, мировой разум с клетками-галактиками) или Неведомый Субъект (которого они, определяя, путают со всякими *действительно измышляемыми* божками, идолами, «сверхъестественными существами»), о котором человеку дан только намѣк, только как обнаруживаемый и удерживаемый усилием, отличный от всего воспринимаемого, исключительно внутренний Свидетель, только как совесть, как чувство справедливости, как не подчинѣнная никаким числам и математическим «вероятностям» Правда. Иначе говоря, учёные пытаются противопоставляться *объемлющей* парадигме – ведь никто не отрицает науку, научные методы, их лишь ставят на своё место.

Удивительно, но существуют великолепно проработанные, хорошо изложенные (причѣм на академическом языке) работы о причинах кризиса науки и её новых очертаниях, о том, что никаких противоречий в существовании «субъектного» и одновременно (взаимосвязанного) «объектного» мира просто нет. В частности, Кен Уилбер (благодаря *отличному* переводу его тексты доступны нам на русском; кроме того, уверен, что на русском они *лучше*, чем в оригинале) описал «субъективный» и «объективный» мир как аспекты взаимовложенных целостностей, «холонов» в «холархии». Если до эпохи модерна эти аспекты не различались, были слиты (к этому

младенческому единству многие хотят вернуться), то сейчас, в постмодерне, они, наоборот, совсем разведены, не видят и не понимают друг друга.

В.Майков, об интегральном подходе К.Уилбера: «...операционная система – это та коммуникативная информационно-программная среда, которая является средой для всех программ и позволяет этим программам коммуницировать друг с другом. И аналогично интегральный подход является той средой, которая позволяет коммуницировать и объединять все существующие подходы и знания человечества. Таково понимание людьми, которые вместе с Уилбером развивают интегральный проект». Да, именно сейчас стало возможным осознать всё то, что было накоплено в истории самыми разными обществами, именно сейчас эту задачу не просто можно и нужно, но жизненно необходимо решить (причём так, чтобы операционная система не поглотила жизнь и сама не стала новым Идолом). И наука – лишь *одна* из интегрируемых ветвей знания.

Если наука хочет сама играть значимую роль в этой интеграции, то её задача – вернуть единство, но не возвращением к неразличающему прошлому, к отсутствию границы (как это видят эзотерики), а установлением *связей* там, где граница отчуждает «физиков» и «лириков». Уверяю, что русский язык может рассказать, самое малое, всё то же, что и Кен Уилбер; в нашем языке «субъект» и «объект» разведены, но без разрыва, связаны, но без слияния, и то, что является в некотором роде «открытием» (Уилбера и других мыслителей новой науки), подсознательно известно русскомыслящим и русскоговорящим. Жаль, что учёные не осмысливают нового, сопротивляясь ему, охаявая постмодерн вместо ответа на его вызовы, называя «мистикой», *дирациональным* пробивающиеся вопреки *сложившейся* науке ростки нового понимания, новой науки, *пострационального*.

«...на каждой стадии развития мир выглядит другим, потому что мир и есть другой — в этом заключается главное открытие постмодерна» [18]. Но, в Бюллетене «В защиту науки», в предисловии, под которым подписалась вся редколлегия, состоящая из видных деятелей, академиков РАН (в т.ч. С.П.Капица; а среди авторов Бюллетеня есть и другие академики, не вошедшие в редколлегию, в том числе В.Л.Гинзбург), мы видим *бесстыдное передёргивание (крайние подходы постмодерна выдаются за его суть)*, язык вражды: «За спиной врагов науки – мощное «философское» обоснование, имеющее глубокие корни, – анархистские концепции постмодернизма, отрицающие существование объективной истины и объявляющие результаты науки продуктом сговора ученых. Странно все это слышать. Ведь в таком случае мобильный телефон, появившийся как следствие недавних достижений фундаментальной науки, это тоже результат сговора ученых? Нам кажется, что бредовость данного тезиса не требует дальнейших обоснований». Мне кажется, очень печально, что учёные и не пытались разобраться в вызовах постмодерна, навешивая ярлык «брeда» на *системное явление*, да ещё приводя такой пример, явно рассчитанный на захват обывательского сознания разом, без долгих рассуждений – ну кто, действительно, всерьёз воспримет мобильный телефон как продукт сговора учёных? Но, ладно, если это только популистский приём против того, что в искреннем заблуждении считается «врагом» (даже в классической психологии даются достаточно чёткие пояснения, как *непонимание* внутреннего мира, своих же переживаний выносятся вовне и отождествляется с внешним «врагом», когда внутренняя агрессия становится противоположно направленной агрессией внешнего). Гораздо хуже, если это осознанное использование подлого приёма. А что, если принять вызов постмодерна, и не побояться осознать, осмыслить научную парадигму и понять, что захотят учёные или нет, но «теперь совершенно точно ясно, что мы будем изучать: возможные **способы объединения разума, культуры и природы в мире постмодерна**»?! [18].

Вообще такими примерами то ли высокомерия без попытки разобраться, а может, подлых приёмов, заполнен весь Бюллетень, и читать его иногда просто смешно. Грустно и смешно. Приведу пример из другого источника. Одним из «объективных» выражений Языка является генетический код. Вот выдержки (восстановить контекст вы можете по [ссылке](#)) из интервью с Э.Галимовым, занимающегося на химическом («объективном») уровне исследованиями, я бы сказал, «жизни и не-жизни». Речь идёт об открытии – впрочем, судите сами (только приведённой

ссылки для этого будет мало). В *выводах*, в осмыслении Галимов *неправомерно* переходит от «объективно» обнаруженных взаимосвязей в совершенно другую область знания, с другими законами, держа наперевес убийственную дубину «научной логики» (на самом деле «научной» веры):

- Это соответствие, найденное в ходе эволюции упорядочения, известно как генетический код. – Но как все-таки он появился? – Здесь нет никакой мистики. Он появился методом проб и ошибок, пока не получилось то, что полезно [утверждение безусловного]. – Ну а после того, как появился код, все пошло как по маслу? – С этого момента, я считаю, тайн больше нет [ого!!!]. Потом уже идет биологическая эволюция, и мы понимаем, как она может идти. И туда приложим дарвинизм [не приложим – слишком много к дарвинизму вопросов, на которые он не в состоянии ответить, даже с учётом «случайного» возникновения человека].
- Кажется, что за неизбежностью почти всегда скрывается цель. Почему, к примеру, возникают религиозные подходы в решении, в частности, проблемы происхождения жизни? Потому что человеческий разум не видит возможности объяснить развитие иначе, как приписав ему цель [ни один учёный не может объяснить что-либо иначе, как в том или ином виде полагая некую цель, даже если она определяется – детерминизм – начальными условиями. Как видим, здесь также речь идёт о вере, точнее, об исключительности научной веры].
- ...может происходить упорядочение, но без цели. Процесс упорядочения заключен в очень узком диапазоне возможностей. Он идет так, как если бы была цель. Цели нет. Но путь предопределен. [Добавлю за Галимова: «почему человек ищет смысл (жизни)? Он не видит другой возможности, слабак, наивно верит во что-то, религию выдумал. Он, бедолага необразованный, неуч, живёт, как будто есть смысл. А смысла нет, но жизнь предопределена. Надо просто изучать «объективную науку», и жизнь станет правильной – нет выбора, нет цели»]
- ...если мы очень хорошо поймём, как все это делалось, то сможем смоделировать подобное на компьютере [что-то смоделировать, несомненно, смогут; несомненно, что на эти погрешности уйдёт колоссальное количество труда и жизненного времени людей, как уже оплатили мы атомные бомбы, генетический разврат и прочее, и прочее; можно даже *смоделировать Жизнь*, только когда же, наконец, станет ясно, что от составления карт мира наши уважаемые картографы с их ветхой парадигмой должны перейти к путешествиям?].
- А в живой природе есть закон, который объясняет это постоянное упорядочение. ... Суть упорядочения состоит в ограничении свободы. ... Высший порядок — это когда нет выбора, есть только одна возможность. [!!! «новое учение о языке» Марра было менее опасным и политически значимым, чем такое безответственное заявление !!! Общество и превращается в жуткий компьютер, где люди превращены в битый и байты и имеют возможность только выполнять команды]

Галимов, самое малое, передёргивает: как бы ни появился генетический код, каковы бы ни была причина «выбора эволюцией» (!!! вдумайтесь !!!) одного пути из миллиарда миллиардов миллиардов возможных, единственного «предопределённого и полезного» пути (это для кого и для чего полезного? кто «пробовал и ошибался»? с какой точки зрения «ошибался и попадал верно»? по каким критериям?), вывод о том, что человек заблуждается, занимаясь религией, а не наукой, пытается найти смысл и цель вместо изучения карт и описаний – *неправомерен* и просто *чудовищен*. Дойдя до условия всех условий, до главного обуславливающего эволюцию начала, после которого «тайн нет», Галимов просто заявляет: «вот это главное условие, которое всё предопределяет, само по себе тоже условно. Оно обусловлено случайностью, которая ищет пользу путём проб и ошибок. А случайность – она безусловна. И всё предопределяет, до самого конца. Заранее, но совершенно случайно». Эта чудовищная чухонщина, путаница и несурезица, явное противоречие (правда, при выборе другого безусловного), философия капризного ребёнка, языковая помойка устраивает учёных. Их бог, их безусловное – случайность. То, что на этом строится *непротиворечивая* теория (после разрезания «объективными» скальпелями, уничтожения того, что относится к личной и коллективной частям субъективного аспекта мира) – каждый учёный обязан знать! – ничуть не свидетельствует о *правильности* этого начала, никак не может *доказать или опровергнуть* исходный постулат. Этого бога научная система сама избрала

себе, воспользовавшись невеглием, молчанием многих учёных, в душе не соглашающихся с тем, что вслух и на виду признают. Право учёных поклоняться этому, жить без смысла, без выбора, без веры. А я скажу так: это невозможно для человека. Это такой смысл – «отсутствие смысла», это такая вера – «отсутствие веры», это такой выбор – «всё predetermined, выбора нет», это такая жизнь – бесконечно объяснять одно через другое, чтобы придти к заключению: «высший порядок – это когда нет выбора». Это очень опасные слова, и очень опасное представление о мире. Это представление о том, что Язык возник случайно и развернулся как бы сам из себя, это представление о том, что *смысла* не существует, что не существует подлинного субъекта (который не является предметом). Это представление о том, что человек *подчинён* диалектике «энтропия остывающей Вселенной – анти-энтропия самопроизвольно развивающейся и усложняющейся жизни», что человек – это обезьяна, которая холод Вселенной преодолевает построением всё высшего и высшего порядка, в итоге лишая сама себя выбора. Иначе говоря, на одном полюсе мёртвый детерминированный мир, на другом – *идеал* (идол) развития живого, супер-система... тоже *полностью* детерминированная! Ну что ж, не скучайте там!

Ничего, прошли мы перенос на общество идей механики (все – винтики), затем энтропии (теория нулевого роста в экономике), затем «порядка из хаоса». Теперь будем переживать анти-энтропию – правда, сказать, что это «лучше», язык не поворачивается. Ведь всё дело в том, каково место человека в этом замечательном сложном живом мире – а мы анти-энтропию отождествляем с отсутствием выбора. П.Г.Кузнецов в своих работах и лекциях с удовольствием цитирует Алексия II: «Творец создал Человечество, чтобы превратить Космос в сад Эдема. Поэтому каждый Человек должен связать свою жизнь с борьбой против роста энтропии, против последствий второго начала термодинамики». Мне неважно, какой ярлык вы повесите на Алексия II, мне он не нравится, но я его не знаю. Важно, что вы *считаете правильным*: «Сад» или бессмысленная «Супер-система»? Я тоже смеюсь над утопиями. Когда они напоминают мне супер-систему. Но мы живём в ней – и это не смешно.

Анти-энтропия – это Творчество, а не движение к Мега-Проекту. Исток анти-энтропийной энергии – в творящем субъекте, а не некоем заранее заданном Законе. Вот что это может значить в науке. П.Г.Кузнецов: «...никакого инструмента рассчитывать машины ни у кого за душой нету ... инженеры и академики сперва какую-нибудь конструкцию состряпают, она у него работает или летает, а он опосля формулы пишет в оправдание сделанного⁹³, что она летает или работает как надобно. И по этой причине ни одной технической книжки, где хотя бы одна шивая машина была рассчитана, не существует...

...физики-теоретики, наблюдая за природой, ищут, что за видимостью изменения остается без изменений. И вот эта неизменная величина, которая обнаруживается, после провозглашается законом природы. Следовательно физики-исследователи ищут, что за видимостью изменений не меняется и так получают разные законы сохранения. А инженер работает с точностью наоборот. Он создает машину, у которой выход остается неизменный, не взирая на то, что входные воздействия на машину меняются. Он создает конструкцию и гарантирует, что сделанная им конструкция некоторые выходы держит неизменными. Так вот это различие между физиком-наблюдателем и инженером-конструктором будет доминирующим различием между инженерами третьего тысячелетия и так называемой наукой этих двух тысячелетий, которые мы завершаем».

XVI. Продолжение Традиции – верх и низ стали левом и правом. Математика справедливости: экономика, юриспруденция, государство. Пирамида позитивного счастья против диалектики бессмыслия

Вот что обуславливает учёных – принятый ими язык, научная парадигма. Но – где же она?! В явном виде её нет. Один ли в науке язык? Нет, сотни! Вот, собственно говоря, и всё, что нужно знать, чтобы сказать, может ли научная система в существующем виде *познать* мир – не разные его части с *одной* (материалистической) точки зрения, а в целом – или нет. Науку спасёт только перевод и пересобращение всей её многословной бессвязности на человеческий язык.

А вот *сразу всё* о математике. Приведу слова настоящего Учёного (я повторяюсь? Просто он мне нравится) П.Г.Кузнецова, очень простые слова о якобы сложном: «...почему человек, который изучает математику – вроде бы самую приличную науку – должен изучать 50 птичьих языков..? Почему нет единого языка для понимания всех математических вещей? Никто из вас не должен чувствовать себя кроликом перед удавом математической науки. Сегодня все перед лицом математических закорючек, написанных в толстых книжках, чувствуют себя кроликами. А про математику можно сказать! ...оказалось, что вместо того, чтобы решать задачи, которые ставит жизнь, большая часть математиков ничего делать в жизни не умеют. ... Ну а теперь я сделал такие наглые заявления и говорю, что вся эта многотомная груда якобы математических идей на самом деле является несостоятельной. ... Первая формула имела вид $1 + 1 = 2$, вторая формула имела вид $1+1=1$, а третья формула имела вид $1+1=0$. А теперь я предлагаю самому большому корифею в математике доказать, какая из трех формул является истиной. Можно это сделать или нет? Оказывается, все они используются в математике, но единички имеют совершенно разный смысл, а слово "смысл" это не машинный термин, он опирается на наличие в голове человека образа. ... И вот все три формулы приобретают вид A равно не- A , A равно не- A и A равно не- A .

... Любая формула, где левая часть по написанию отличается от правой части является противоречием. А по этой причине, как бы ни кичились математики умением чего-то доказывать и как бы они не говорили, что они чего-то где-то доказали, за каждым из этих правил стоит некоторое предположение, о которых просто словами сказать невозможно. ... **Слово «закон» – это правило перехода. Так вот закон был связан с появлением значка равенства. А значок равенства, как я вам показал, если мы хотим быть аккуратными, он приводит нас к противоречию.** Тем не менее, **вся теория множеств, которая считается фундаментом всей математики – я сейчас хочу вам довести до сознания, на каком фундаменте стоит вся эта гигантская конструкция – она построена на знаке равенства».**

Чтобы избежать обильного цитирования, я дополню своими словами. Все математические языки построены на том, что заключено в знаке равенства. Знак равенства говорит, что один предмет *тождественен* другому. Это – вполне понятно, и вроде как ничего из ряда вон здесь нет. Но в том-то всё и дело, что это *основополагающее* для математики *утверждение о мире!* Математический мир однороден, замкнут и самотождественен. Математическое мышление, неправомерно проникая в жизнь, не обуздываемое пострациональным, надразумным, различающим началом, представляет мир *только* идеальным шаром, состоящим из чисел. Это *буквально* так – совсем недавно Г.Перельман доказал теорему Пуанкаре для наших трёх измерений, так вот, односвязное (однородное, имеющее сплошь одинаковые свойства) трёхмерное пространство имеет свойства *сферы*. Думаете, могло быть по-другому? Что на входе, то и на выходе (со всем заочным уважением к Г.Перельману, в особенности в связи с его отказом от миллиона). Другими словами, мы живём в шарике. Шар – символ вечности, бесконечности, символ Глобального Закона, за который не прорваться. Ничего свыше древнего герметического принципа «что вверху, то и внизу», математика за душой не имеет. Подчинённость этому закону равенства, всеобщества, односвязности, гомогенности, пустотности и условности всего явного – очень большая опасность для *исповедующего* математику (а также буддизм, даосизм⁹⁴). *Смысл* начисто пропадает, когда один предмет или явление (слева) приравнивается другому (справа) в формуле $A=B$ или $A=A$. Математика имеет дело только с количеством, и *не соприкасается со смыслом ни в начале, ни в конце операций*. И доверяя что бы то ни было математике, над головой человека *уже*, до всяких расчётов, повисает такое представление-образ (который может сильно зачаровать): «это всё можно перевести в цифры, а потом посчитать; это всё измеримо, переводимо в количество».

Пример: что делают громоздкие формулы в экономике? Чего они там «заключают»? Неважно! Важно, что чего бы они ни заключали, они неизбежно содержат в себе изначальное математическое положение: всё можно приравнять всему. В экономике знак равенства выражается более узким, чисто экономическим принципом: эквивалентного обмена. Справедливого? Нет, эквивалентного. Кто решает, *как определять эквивалентность?* Неважно, главное, что кто-то решает, главное, что это произвол, произвол установления начальных условий, и, главное, что *математика уже началась*, по-житейски уже договорились: «только так: ты – мне, я – тебе». То же самое, кстати, с «вероятностями» – за выражающими её чиселками часто упускают

из виду, что это степень *принятия веры* в те самые условия, которые определяют расчёт. Самим стремлением определять эквивалентность по заранее имеющимся представлениям о справедливости, играть по заранее положенным начальным условиям, запущено действие принципа «всё сравнимо со всем, всё измеряется». Положим, кто-то отменил «несправедливую» экономику и установил «справедливую», то есть поменял формулы, установил коэфты, изменил распределения, другими словами, заранее задал начальные условия, обусловил «справедливую» игру в «по-настоящему» эквивалентный обмен, притащил новые компьютеры, загрузил туда всего Леонтьева с его уравнениями x -того порядка... Теперь математика будет работать верно? Да она всегда работает «верно», только вера её слишком естественная... Ей-то что, язык это достаточно узкий, хорошо формализованный – если учёные хотят всю эволюцию на компьютере обчислить, чего уж тут с экономикой возиться! Вот и переводит математика предметы обмена, *а вместе с ними* смысл ситуации обмена, прошлый опыт, чувства, намерения и ожидания людей в числа, в уравнения: «этот человек третий день в пустыне, значит, взяв для пустыни коэфт x , а для трёх дней коэфт y , решим, что вода для него будет стоить номинал $* x * y$, то есть бесплатно (y равно нулю)». Ну, я упрощаю, давайте на десять порядков усложним, компьютеры-то мощные... Будет ли это *заранее справедливое правило* справедливым во всех ситуациях? Нет, пока *начальные условия, правила игры таковы*, что жизнь людей (в нашем примере торговля, обмен) обчисляется математически, в опоре на знак равенства, принцип эквивалентного обмена, заранее справедливое правило в итоге окажется несправедливым. Изменение правила, начальных условий на другие *ничего* не изменит – просто потому, что они также будут установлены заранее, умозрительно. Вернёмся от экономики и математики к науке – принцип тождества зашит в научной парадигме, и выскочить за его пределы, не потеряв штанишки, не услышав от коллег обвинений в «субъективности», «ненаучном» или даже «лженаучном» подходе», сумели немногие.

Вернёмся от науки к языку:

пока какой-то определённый искусственный язык – в т.ч. экономики, математики, всей науки; «тайного» знания предков, или самой-самой всеобъемлющей эзотерической системы, или даже найденного и изложенного в толстенной книжке «Первобытного языка» – **считается единственно верным** или пусть даже таким, которому «должны подчиняться все во имя общего блага»;

пока какой-то искусственный, мёртвый, отчуждённый от самого человека язык, насаждаемый извне (а «Первобытный» из книжки был бы именно таким) **определяет жизнь людей**,

пока справедливость подчинена закону (а закон – это в самой своей сути знак равенства, программа, общее для всех людей и ситуаций «так надо», неуязвимость цепи причин и следствий, раскрашенной цифорками «вероятностей»),

пока субъектное подчинено объективному

– история вновь и вновь будет показывать человеку, что он *не равен* чему бы то ни было, что он уникален, что человек волен подчинить закон и сотворить мир, но волен выбрать и служение закону и прозябать в рабстве, в поклонении тому, что этот закон (слово, язык) определяет верховной ценностью.

А что же делать, как же жить «без законов» и «государств» (потому что именно «государство» – это слово, кстати, называют словом-вирусом – и есть «Закон», отчуждающая от людей власть система)? Как уже говорилось, закон и есть суть знака равенства. Всё дело в том, что закон должен быть не первичен, а вторичен. Лукашевич описывает общинную жизнь славян и их взаимоотношения с «государством», «законом» (закон обязательно «писан», утверждён если не на бумаге, то в жёстких обрядах). Это тема очень большая, но вот что непосредственно касается языка. Как по-вашему, есть разница между судом «по закону», и судом, когда потерпевший на вече видел глаза своего обидчика и *мог простить его*? «Даже и в том случае, когда преступник был приговорен к смертной казни, он мог *поеднаться*, т. е. помириться с истцом и освободиться от наказания» [5]. Между судом «по бумаге» (неважно, с учётом «прецедентов» или по строгим формулам) и судом, когда хранимый живыми людьми, живыми свидетелями прошлых судов опыт становился – нет, не основой принятия решений, «более точной формулой справедливости»! – а лишь выразителем того нравственного изменения, которое происходило со свидетелями прошлых

событий? Между судом «объективным», когда «взвешиваются» и складываются цифорки срока заключения, а после удара молотком «процесс заканчивается», и судом, где не знали слова «объективно», но где решение было вплетено в жизнь селения (и окрестных, из них приглашали свидетелей), где соседи, знающие друг друга, потерпевшего и виновника много лет, смотрели глаза в глаза, слышали приговор, видели приведение его в действие, *жили с этим дальше?* Где «судебная ошибка» касалась *всех*, лежала на совести каждого и возвращалась к каждому в виде жизненных событий? Где не нужно было искать набор «статей кодекса» («Статута»), где каждый мог *определить* ситуацию своими словами, своим языком, где учитывалось и искренне сказанное «не верю», где было место прощению *самим потерпевшим*, где живое слово передавало истинные чувства и намерения?

Знак равенства в законодательстве проявился в виде формулы «закон един для всех». Но *какой* закон? И разве когда-нибудь, в каком-нибудь *государстве* эта формула работала? Всё дело не в том, что законы *плохие*, а государства *неправильные*, или законотворчество *слабое*, а правители *воры*. Дело в том, что *система такова*. А любая система создаётся и поддерживается искусственным языком, *она и есть мёртвый, искусственный язык*. Государство, *отчуждая власть* от людей, закрепляет это отчуждение в Конституции (кому-нибудь когда-нибудь помогли закреплённые в Конституции «права человека?»). Юрократия закрепляет это отчуждение в частных законах. Жители определённого селения *не имеют права судить* – это право у «государства» и благословлённых им «юристов»-специалистов.

Итак, сейчас в языке, на котором говорят и мыслят люди разных стран, живут введённые давно слова «государство», «закон», «объективно», «факт» (конечно, и многие другие, но это одни из важнейших), смысл которых определён, а соотношения между которыми установлены *в соответствии с верой во всепроникающее равенство*, измеряемость всего, однородность и сравнимость всего (людей, ценностей материальных и духовных) как главный Закон. Спротивление возникает, как только затрагиваются эти «священные коровы». *Как это? – жить без государства? А как же «идентичность» и «субъектность»... э-э-э... м-м-м... народов? Да-да, что же будет скреплять народ или народы, как не государство? Как же жить без «законов» – ведь только «общий для всех закон, перед которым все равны», является основой справедливости? И как же его не записывать – ведь то ли забудут, то ли начнутся разночтения?* Возможно, вы видите в этих вопросах, которые я как бы задаю сам себе (но здесь не собираюсь отвечать), внутренние противоречия. А может, и нет. Но самое главное в них противоречие – как бы их «риторичность», уверенность в том, что ответ уже давно известен, явные и неявные *отождествления в тексте вопросов*. Если вы не видите противоречий и у вас есть ощущение риторичности, «само собой разумеемости» – работают чары языка.

Само собой разумеемость ответов на эти вопросы – следствие столь же всеобщей, сколь и наивной *веры в устоявшееся*, в необходимость накопления знаний и технологий, в прогресс, в постоянное уточнение законов (ну, пока не всё справедливо, но мы подправим вот тут и вот здесь: и всё будет правильно), вообще вера *в общее*. Это *устоявшееся общее* и есть Вавилонская башня, и есть околдовавшая всё человечество *система*, иначе мёртвый язык. В невидимые стенки установленных мёртвыми языками описаний мира и соответствующих *правил* и бьётся человек. Да не просто бьётся, а ежедневно тратит своё время на укрепление этих стенок, на укрепление в себе и других веры в необходимость этого строительства. Чаромутие породило искусственные языки, которые воссоздали разрушенную в начале истории Башню, точнее, Пирамиду. Вершину этой пирамиды венчает Закон (или Мёртвый Язык, или Идея), и он не может быть «хорошим» или «плохим», он бесстрастен, он просто создаёт пирамиду в соответствии с кирпичами понятий о «выше» и «ниже», «ценно» и «не ценно» и т.п. Возникновение каст, а затем и государств началось с появления «ценностей», т.е. наделённых (кем-то, произвольно) признаками превосходства вещей явленного мира и *знаний*.

Поистине, всё наблюдаемое смехотворное «законотворчество» не напоминает благопожелательным российским депутатам и «творцам» международных законов алхимический поиск «философского камня» только по одной причине – они верят, что ушли от обезьяны *дальше* (прогресс, понимаете, сделано *больше* шагов), чем алхимики, и потому найдут философский камень. Ну что ж, мечта об идеальной Системе действительно двигатель «прогресса» – вот только можно по-разному к этому относиться; неизменным в ходе истории, «прогрессе», «развитии

мирового сообщества» является независимость качества жизни большинства людей от формулировок законов; *на самом деле действующим* законом независимо от формулировок был закон подчинения одних людей другим – на основании тех или иных формулировок. Действующим законом было отчуждение закона от людей.

Всё это может натолкнуть на мысль об анархии, «безвластии» или «масонском отрицании государства» (масоны отрицают только немасонское государство, вот и вся недолга). Кстати, мнимо-греческое «арх» есть просто «верх» (усечено «в», по болгарски «варшина» = «вершина»). Вдумайтесь, как много определило, построило невидимыми, мягкими, но непроницаемыми стенами в греческом словопроизводстве отождествление «верх», «высота» = «власть»! Да это определило, ни больше ни меньше, «прогрессивизм» Запада, позитивизм как основу мышления, безусловное, т.е. освящённое, принятие «вертикали власти», «иерархии» как главного принципа, условия *всего!* Так вот, речь идёт действительно об «анархии», если понимать её как отрицание «вертикали» (буквально «вневершие»), отрицание распределения людей и ценностей по «высоте». Это отрицание каких бы то ни было Видв (Идей), Образов (видял-идолов-образин), Главных Законов, представленных монархом, президентом (надо же так извратить понятное «председатель») или группой людей (например, мудрых старцев) как верховной власти. Но если понимать анархию как безвластие, то тогда речь не про неё.

Государство – очень опасное слово, пока полностью не изъяснено для себя, опасное именно в силу того, что его, как чуждые слова, по необходимости легко наделяют разными смыслами (в словарях вы увидите что-то вроде «страны» – но государство не страна; второе значение «правители и аппарат» – о! но всё равно мало). История показывает, что славяне всегда искали баланс между общинной жизнью и единодержавием (пресловутой *субъектностью* группы общин), которую, конечно, может и отождествить с «государством», вкладывая в таком случае в это слово совершенно определённый смысл (которому сегодняшние и известные в истории государства не соответствовали). Действительно, общины должны быть связаны – весь вопрос лишь в том *как*, и должен ли этот искомый способ ненасильственного связывания называться и быть «государством»?

В своё время меня глубоко потрясло, как прекрасное здание может оказаться чудовищной могилой из-за гнилой арматуры в фундаменте. Найдя в своё время в книге «Проект – Россия» простые, внятные и хорошо обоснованные рассуждения о сложившейся ситуации (средоточие внимания – Россия) и её причинах, с которыми почти полностью согласился, я не мог принять лишь соображения о необходимом государственном устройстве и собственно ответ на вопрос «что делать». Говорилось буквально следующее: если выбросить тысячу людей на необитаемый остров, возникнет *пирамида* общества. А раз пирамида – естественная форма, но президенты и демократия лишь фарс (а это мало для кого сомнительно), то надо возвращаться к более устойчивой пирамиде, к монархической власти. Чёрт бы с монархом, если бы не было слова *пирамида*. Я счёл необходимым встретиться с автором (или одним из авторов) книги и задать прямые вопросы: почему пирамида должна быть формой общества? (ответ тот же – она «естественна») и почему монархия, как *форма* или *средство*, подменяет *цель*? Внятного ответа на последний вопрос я не получил – целью и было возвращение монархии («а там уже всё будет правильно»), пресловутая идея «православного» ренессанса. Всё же к человеку, с которым встретился, я проникся уважением. И неважно, тонкий ли он манипулятор или просто искренне *верит*, что монархия правильный путь. В какой-то момент и монархия может быть правильным путём. Но *установка*, что пирамидальное устройство общества в силу своей естественности «справедливо» – мне *безусловно* не подходит. Сколько людей, не думая о предустановках, только в силу лежащего на поверхности призыва «мы за царя!», тратит усилия (да ещё под знаменем «христианской веры») на возврат трона, и усаживания на него чьего-то монархического зада как горейшей вершины нас с вами – благо в «наследниках» немецкой фамилии недостатка нет.

Славяне пока не нашли необходимого устройства. С одной стороны, не выжили и общины в чистом виде – хотя есть примеры того, как общины на огромных пространствах и без монархов защищали общие границы, но, всё-таки где тонко, там и рвётся: слабые связи разрывались извне. Не выжили и монархические государства – государи, как это очень хорошо видно из работ Лукашевича и особенно царских имён, превозносили себя и *разум* всё выше и выше, создавали хитроумные, *блестящие системы*: но они разваливались изнутри, хотя часто нападение врага бывало *видимой*

причиной. Общей же причиной поражений славянских обществ и государственного (когда общины скреплял монарх), и чисто общинного устройства была распря, межгосударственная или межобщинная – вот какой урок даёт история как история Славянского мира. И так, ведомое, обусловленное той или иной Системой устройство обществ завоевателей пока оказывалось сильнее, потому что *внесистемное*, не подчинённое той или иной *идее* единство пока ещё не было установлено славянами.

Итак, научная парадигма со своей предустановкой о материалистическом всеобществе совсем не безопасна. Очень опасно проникновение «объективных» (математических) методов со своим знаком равенства в область живого, и, тем более, человеческого. Пирамида же и государство как надчеловеческая Система является отражением безраздельного господства в умах философии позитивизма (вертикаль, прогресс, степени превосходства, power) или диалектики (инь-ян, хождение по кругу, замкнутость, всеобщество, равенство, цикличность).

С.П.Никаноров, «Концептуальный анализ – ключ к инструментализации диалектической методологии. Философия для физтеха»: «Теперьшняя диалектика, которая имеется у классиков, которая накопила огромный опыт, является на самом деле редукцией настоящей диалектики, которая должна быть сделана, к ее непозитивистским формам. С другой стороны, позитивизм является редукцией диалектики к ее стороне, к жесткости. То есть в этом случае делается упор на жесткость, а, например, проблемами снятия позитивизм не занимается. Эти две редукции столкнулись, противостоят друг другу. Идеологически, догматически. Они противостоят друг другу, хотя задача стоит в их соединении. Вот коллизия, которая на сегодня имеет место. Нужно преодолеть противопоставление той формы диалектики, которая есть, и позитивизма».

Немного от Лукашевича по теме государственности (монархизма) и общинности:

«Устройство Славянских обществ было везде одно и то же. Земледельческое сословие жило общинно; высшая же власть вовсе не мешалась в их семейные и сельские дела и довольствовалась повинностями и даяниями земледельцев». [5]

«Общинное владение и распределение поземельной собственности у Славянских народов было так образовано, что нисколько не мешало ни монархической, ни княжеской власти над ними, а напротив, более, чем где-либо, ее поддерживало и сохраняло» [5]. Замечу, что Лукашевич христианин и убеждённый монархист – правда, это совсем не то христианство, которое продаётся в золотой обёртке в наше время. Монархист – тоже не ярлык, судите сами.

«Aegypt(us), царь Египетский, от которого получила название и самая страна, им управлявшаяся (Диод. Сицил., кн. II, 51). 1-й слог: aeg=ък, як. Здесь не лишне напомнить, что гласная ѣ переходит у нас в я: ѣсть=ясти; по Иллирийски ѣд, а у нас яд, от ѣдкости, и проч. ѣк=як. Як (яка, яко), сильный, крепкий; якость, якота, сила, крепость; яко, весьма, очень, по Иллирийски и Словенски. В сем имени слово ѣк, не есть прилагательное, а существительное, означающее олицетворение силы, крепости. 2-й слог: урт=убт=обт есть усеченное прилагательное, то же что обтый, общий. Обт, целое количество чего либо (выгов. олт), по Великороссийски. Aegypt=ък-обт, як-обт, свод всех сил, крепость (государства). Если же слово обт примем за существительное обта, в смысле обтина, или община, т. е. сословие народа целого государства, в таком разе обт есть сущ. жен. рода, множ. числа, род. пад. и значит сила сословий, в том смысле, что государь есть знаменатель крепости, силы сословий управляемого им народа. Когда сие имя перешло в название самой страны, то оно означало государство сильное, нераздельное, вследствие монархического правления, или единодержавия. Геродот об Египтянах сказал (кн. II, 147): «они никогда не могли жить без царей»». [5]

«...у Египтян ...престолонаследие переходило не к детям царским, а к тем, кто более оказал услугу народу (Диод. Сицил., II, 43); наконец, те же народные общины, неправильно называемые у древних писателей кастами. Каста есть установленное законом сословие народа; это установление имеет силу принудительную, обязательную, следовательно оковывает народ в его преуспевании и совершенстве; напротив, община есть добровольное соединение народа одного и того же ремесла или занятия для удобнейшего вспоможения друг другу в своих трудах, занятиях и обязанностях, а чрез это всякая община развивает и совершенствует знания человека, способствуя его умственному развитию и образованию». [5]

XVII. «Учит правильно жить», 6 букв с придыханием, заканчивается «пир»

В.Пелевин, «Ампир В», он же «Empire V»: «– «Баблос» – это от слова «бабло»? – спросил я. Иштар захихикала. Я услышал, как за ширмой тихо смеются девушки. – Нет, – сказала она. – «Баблос» – это очень древнее слово. Может быть, самое древнее, которое дошло до наших дней. Оно одного корня со словом «Вавилон». И происходит от аккадского слова «бабилу» – «врата бога». Баблос – это священный напиток, который делает вампиров богами. – Поэтому у нас такие имена? – Да. Иногда баблос называют красной жидкостью. А Энлиль выражается по-научному – «агрегат эм-шесть», или окончательное состояние денег. Конденсат жизненной силы человека. – Баблос пьют? – Пьют коньяк. А баблос сосут. Его мало».

В языке описания мира (я бы сказал, «как насилия идолопоклонства»), а значит, в *концепции*, предлагаемой Пелевиным в очередном не-только-художественном произведении, под «вратами бога» и подразумевается буквально «манящее лоно» Иштар.

Ещё пара цитат, выделения мои.

«Вампир не верит. Вампир знает... И Буша этого нам тоже не надо. Как говорит великая богиня, «the only bush I trust is mine...» /прим. – единственный куст, которому я верю – это тот, который растёт у меня между ног./»

«Сферы были нанизаны на невидимые нити, образуя длинные гирлянды. Эти гирлянды – их было бесконечно много – спиралями сходились к крохотному пятнышку черноты. Там находилась Иштар ...

...я очутился на одной из этих нитей. Затем я понесся прямо по ней, протыкая один за другим эти **умственные пузыри**.

С ними, насколько я мог судить, ничего при этом не происходило – и не могло произойти, потому что **они были нереальны. Целью языка были не сами эти пузыри, а ярко-красная капелька надежды и смысла**, которая вызревала в каждом из них. **Язык жадно впитывал эти капельки одну за другой и набухал...».**

Страшно поклонение Языку, но страшно силён и соблазн «манящего лона», лишаящего человека смысла и времени, делающего его рабом Системы. Страшные чары наводит гармония «объективного» порядка, страшно *завлекает* поклонение знанию, вера в «оптимальные» построения, в проектирование истории. Страшен *выбор веры* в реальность умственных построений, в *правильность* (отождествлённую с непротиворечивостью) теорий, концепций, чаромутных языков. На вершине этих построений наш старый знакомый, бестелесный Логос. А за ним... Страшна магическая сила Вампиров. Но упрямство духа сильнее Языка, и Языком должно овладеть.

XVIII. Алфавит как символическая система – на развес

По словам Лукашевича, «Первобытный язык рода человеческого, если сравнить его с Русским, имел ещё семь звуков, которых в последнем недостаёт». Утверждают, что когда-то в русском (славянском) было и 60, и 80, и даже полторы сотни букв. Возможно, даже, скорее всего, именно так и было. Это большая тема, и вообще хотелось бы о ней поговорить, но... честно говоря, не самая важная. В нашем мире хватает структурализма, хватает мудрёных классификаций, сложнейших многоумных систем – иначе можно сказать, чаромутие дошло до такой степени, что при всей сложности теорий и техники люди *ни черта* (вообще правильно *ни черты*) ни понимают. Как поделить течение речи на звуки, как их передать на письме, передавать ли *разновидности звука* последовательностью разных букв (например, согласная с мягким знаком), видоизменениями этой же буквы или всё время одной буквой, вводить отдельные знаки для слогов или *утверждать*, что *каждому отдельному звуку соответствует отдельная буква* (а

деление на звуки, стало быть, «объективно») – разные ответы на эти вопросы дадут разное количество букв.

Если признавать каждую букву некоего «первозданного», «святого» алфавита идеалом, символом, несущим многомудрые тайные знания, да ещё в своём же написании, придётся признать, что существует некое «объективное», отчуждённое от людей знание, существуют линии и чёрточки, формы, несущие это «объективное» знание и этим отличающееся от «глупых» или «пустых» линий и чёрточек. Это и есть мировоззрение символизма, это и есть суть чаромутия, искусственного жёсткого закрепления *одной*, пусть и достаточно подвижной, системы понятий. Мировоззрения, убивающего живой смысл холодным лезвием «объективности», исключительно правильных названий явлений, изначально отчуждающего знание от человека, делающего знание внешним, имеющем совершенно определённую форму (которая задаётся языком, символической системой). Этому мировоззрению противостоит концептуализм – он *выбирает* самостоятельное владение смыслом, он позволяет *вкладывать* смысл в слова, он *предполагает* возможность владения *живым* языком. Какой бы распрекрасной не была символическая система, «первобытный алфавит», какое бы знание она не несла в образах символов и их взаимосвязях, она *условна*. Поэтому символические системы не вредны, а их изучение всегда бесполезно, но возведение их во главу угла, собственно *символизм*, есть не что иное как идолопоклонство, поклонение языку. Да, «о» похожа на круг, а «круг» – символ бесконечности, или даже творения, или даже первого звука, который издал «бог», но также «о» – это дырка от бублика, символ тупика (замкнутый круг), символ эгоизма, съедающего всё окружающее «я». Что правильно и в каком случае? Это как в математике – ни черта все эти формулы не стоят без смысла, который задаёт человек.

И всё же символические системы могут быть «хорошими» либо «плохими» – в том смысле, что они более или менее гибки, полны, внутренне непротиворечивы. И потому латынь, а вместе с ней западно-европейские алфавиты и языки есть *более плохая*, плоская, поверхностная, грубая система по сравнению с русским – да-да, всего лишь из-за отсутствия нескольких букв и различия нескольких звуков!

ХІХ. Да что вы, какие тут языковые войны...

Зачем после начальной школы учить русский, а тем более зачем его учить в ВУЗах (не «лингвистических» – там нельзя, там учат лингву) – ведь на нём не говорит *международное сообщество*? Пусть это такая же дурь, как и «зачем говорить правду, если вокруг все лгут или заблуждаются?» – но путать причину со следствием считается *нормальным*, если на этом настаивают учёные, «интеллигенция», мудрейшие соросы. И вообще, у нас же плюрализм теорий!

Не обижать другие языки?! Согласен, без повода не стоит: некрасиво, не по-русски. Но поводы-то копились всю историю. Может, хватит лебезить? Сначала надо убрать с затылка чужой каблук и оттереть своё лицо, а потом решать без подсказок когда-удобно-морализаторов, сразу прощать захватчика или лучше сначала проучить, чтоб неповадно было. А если кто не понял, скажу без обиняков: русский язык не обижают. И не недооценивают. И не упускают из виду его древности и силы («ой, а мы не читали Лукашевича и других исследователей! Ой, у нас тут столько теорий, мы немножко запутались!»). Дело в другом – его *намеренно уничтожают*, изучите статистику! Не станет русского языка (а вместе украинского, других славянских) – не останется ни народов, ни отдельных людей, хранящих весть о ненасильственном единстве человечества, могущих хотя бы *мыслить*, чётко понимать необходимость противостояния скотскому единению под властью напомаженных упырей и наимудрейших жрецов со своими теориями счастья в прогрессе и проектами мирового строительства, сосущих всё время людей, не давая людям жить и самим раскрывать смысл и жизнь – для себя и для всех – в живом языке.

ХХ. Выше Воззрений (очень условный переход к именам)

Суждение о поклонении Языку, Логосу, простирающему в истории неизменно рабскую систему общества, а в пределе о поклонении смерти, как смыслу Традиции (большинства сходных учений, относящихся к «религии», «эзотерике» и даже «науке») и как основе разномастного

идолопоклонства, дал философ Гейдар Джемаль в своих работах «Смысл времени», «Традиция и реальность» (насколько я понял, это курсы лекций) и «Ориентация – Север» (впрочем, в каждой работе – но в этих особенно). Последняя представляет собой сжатый до предела язык суждения о безусловном, подобный (только по форме!), например, «Дао Дэ Цзин». Отношение к Джемалю-философу у многих почему-то даже не рождается – только потому, что Гейдар Джемаль ещё и председатель Исламского комитета России, а значит, «за исламский проект» (это притом, что отношение к Джемалю «в исламском сообществе» самое разное). Такая скучная предубежденность и несвобода от во многом навязанных предустановок вроде «ислам против православия», «ислам есть террор», а также неразличение *отдельных проявлений* ислама и заложенного в нём *безусловного*, лишает очень многих мыслящих людей очень нужного сегодня и глубоко пронизывающего Воззрения. Кроме того, ислам действительно один из проработанных языков противостояния идолопоклонству, в частности, фетишизму и корпокульту людей в галстуках Запада. «Подлинный гнёт начинается с того момента, когда «Система» не нуждается больше в идеологии, чтобы психологически мотивировать отчуждение во имя «общего»». Система уже почти не нуждается в Воззрениях, чтобы заставлять людей работать на себя – она смогла подсунуть под них общие предустановки. А это значит – почти возник универсальный искусственный Язык, абстрактные понятия и воображаемые ценности подчинили язык живой. Теперь люди сами увлечённо будут соревноваться друг с другом в совершенствовании Системы. Вспомним Марра с его «классовыми» языками и снова убедимся, что ярлыками не обойдётся. Разве не классовый язык возник, несмотря на различия языков народов, разве не разделяют меньшинства всех народов – вампиры, их ставленники и проститутки-помощники – одного, культового языка, языка религии «всеобщего», религии «иерархии», проектирования истории «за всех», поклонения деньгам и их более тонким формам («священному знанию», Логосу, в пределе пустоте бесконечности), разве этот язык не определяет мышление этого меньшинства и не воздействует на языки народов? Разве не проявляется «бестелесный» идол мирового «коммунизма» – того, который строят рабы Салберйонроша?

Здесь же я перечислю и другие известные мне очень ёмкие и целостные Воззрения, не упоминая множества отдельных людей и работ, дающих *на мой взгляд* менее разностороннее, хотя и целостное, понимание, что несколько не умаляет их силы и важности. Подобные перечисления не имеют другого смысла, кроме как разделения с другими *источников*, поскольку человек *берёт по себе*, и «что нам хорошо, то немцу смерть». По этой же причине я считаю неуместным высказывать здесь мнение о «слабостях» Воззрений – в *не своём Воззрении* всегда они есть. Но, как я уже упоминал, *уже сегодня* важнейшей задачей является не только освоение отдельных Воззрений, отдельных «больших теорий», но выход на следующий уровень, уровень *человеческого языка*⁹⁵. Итак, трансперсональная психология (я учился в одноимённом институте Владимира Майкова) – богатейший и разносторонний взгляд не только на Традицию и многочисленные «учения» и «системы» во взаимосвязи с достижениями современной психологии, не только на внутренний мир человека, но и в целом на мир, на человечество. Собственно, название *трансперсональная психология* и указывает, что душа не ограничена телом и даже личностью, и что рассматривать явления мира как явления духовные просто обязательно, если мы хотим излечиться от шизофрении материализма и засилия научного языка, если мы хотим глубже понять язык жизни. Именно предустановка *трансперсональности* даёт следующий виток развития психологии, переход к следующему уровню цельности, а использование знаний Традиции в психологии (как современной науке. как к ней относятся физики – не столь важно) наиболее явный шаг к объединению «древних» и «новых» знаний (а также «субъектного» и «объектного»). Один из интересных примеров представляет – «квантовая психология», работы бывшего физика А.Минделла и др.). Кен Уилбер и его «интегральный проект»: пожалуй, более успешной – и целостной при глубоком проникновении в детали – попытки обобщить всё знание человечества и осмыслить направление его дальнейшего развития ещё не было. Немногие доступные работы Учёного П.Г.Кузнецова (разработки по физической экономике были сделаны им независимо и одновременно с небезызвестным сегодня Л.Ларушем, важнейшие предустановки, например, касательно смысла энтропии, у Кузнецова и Ларуша общие). Менее знакомые мне – сложные очень – но, чувствую, очень важные работы основоположника концептуального анализа С.П.Никанорова («профессиональная работа с понятиями» в хаосе постмодерна нужна каждому!).

Так называемая «Концепция Общественной Безопасности» – с одной стороны, непосредственно касается России нашего времени, с другой стороны, даёт целостную картину (точнее, возможность выстроить целостную картину) истории, человека, мира. Более узко, чем прочие, но бесподобно – Авессалом Подводный, связь Языка и Традиции (через астрологию). Во всех этих Воззрениях безусловное понимается по-разному (и, возможно, это всё же разное безусловное, разная *вера*), но чем они все сильны – они растворяют чары «общепринятого» взгляда и дают язык для сборки. Что соберёт каждый – в конечном счёте зависит от него.

XXI. Устоять пред мистикой – не значит «анализировать»

мышление может быть разным – более «ассоциативным», образным, и тогда относится к Воде, инь, больше логическим, структурным – тогда к Воздуху, ян. Это, что называется, соотношение стихий и мышления вообще, как такового. Каково мышление определённого человека, можно узнать по его карте, оно во многом описывается положением Меркурия в знаке Зодиака. Предлагаю немного, издалека, оценить язык Подводного. Почему Меркурий в классической астрологии считается управителем Близнецов? В классической астрологии Меркурий связан с речью, разумом, а Близнецы знак Воздуха, т.е. «как бы наиболее соответствующий» мышлению. В классической астрологии планеты, стихии, знаки Зодиака объясняются через многочисленные символические связи, от которых у новичка, читающего классические тексты по астрологии, может съехать крыша (надо как-то уяснить, что «Меркурий относится к хитрости и обману, воровству, торговле, речи, разуму, мышлению, врачеванию и т.п. – и всё это отлично подходит для знака Близнецов, стихии воздуха, мутабельного креста и т.п.»). Подводный, напротив, сначала вводит *общие законы*, увязав для начала Традицию со своими простыми понятиями и яркими образами, понятными современному человеку. Во-первых, Меркурий есть «структурирование; упорядочение; закон» (ключевые слова по Подводному). Во-вторых, знак Близнецов есть «аналитический канал от Каузального тела к Ментальному», иначе от «органа», работающего с *событиями*, к мышлению. В этом канале события в самом отвлечённом понимании этого слова (вообще жизненная ткань, всё происходящее «снаружи» и «внутри», всё, что мы распознаём как отличия от соседнего мига) превращаются в зародыши мыслей (сами мысли оформляются в ментальном теле). Аналитический (янский) канал – потому что синтетичная, сплошная ткань событий превращается в разрозненные, неизбежно упрощающие и расчленяющие эту ткань мысли.

«Близнецовский Меркурий призван искать законы и структуры, по которым происходит (или должно происходить) осмысление каузальных тупиков и трудностей; это можно назвать законами прикладного мышления, и у каждого человека они во многом индивидуальны. Существенная проблема этого человека заключается в том, чтобы понять, что **закон** и **порядок** в жизни других людей чаще всего категории не только ментальные, но и какие-то еще, и что самая правильная интерпретация затруднения зачастую недостаточна для его разрешения».

А противоположен каналу Близнецов синтетический, иньский канал Козерога (канал Земли) – и оформленные «продукты» ментального тела, мысли, мыслеобразы, превращаются в *намерение* (сливающее все мысли в единое *ощущение действия, настрой*), почву каузального тела. На этой почве прорастут продукты каузального (причинного) тела – поступки. Мысли, превращающиеся в канале Козерога в намерения, формируют конфигурацию силового поля человека, которое при взаимодействии с окружающими полями вызывает более или менее, – в зависимости от характера взаимодействия, в зависимости от «уместности» намерений (даже ещё не поступков!), – соответствующие намерениям события.

Для Козерожьего Меркурия «практическая философия, то есть законы, по которым итоги ментальной медитации становятся почвой для будущих событий, очень важна и ответственна, ибо на ней в большой мере лежит груз всех вообще его работ по упорядочению, проведению в жизнь законов, созданию структур и т.п. Проработка аспекта идет по двум основным линиям. Во-первых, человек учится тщательно отбирать лучшие результаты своих размышлений и только их отправлять в каузальное тело, превращая в почву для будущих поступков. Во-вторых, он учится не программировать будущее (чем точнее - тем лучше!), а тщательно готовить для него почву,

оставляя некоторую свободу для реально вырастающих событий, чьи семена (он догадывается) приносятся потоком Тельца из буддхимального тела». Приведены выдержки из книги А.Подводного «Каббалистическая астрология». Вот так может отличаться мышление людей – и осознание предустановок своего мышления (и, конечно, других аспектов жизни) очень важно для того, чтобы говорить с жизнью на богатом языке, и так же глубоко понимать жизнь. А ведь сказать «козерожий» или «близнецовский» Меркурий в астрологии значит сказать очень мало – её методы, её язык позволяют различать очень много тонкостей (и толстостей). Хотя – повторяюсь – конечно, астрология или какой бы то ни было другой частный язык не является ни необходимым, ни достаточным.

Я привёл эти примеры для того, чтобы, во-первых, ещё раз, ещё с одной стороны показать, что можно понимать под «языком». Совместите: расположение планет в момент рождения «системы», определённый характер рождённой «системы», и очень отвлечённые универсалии, архетипы, которые очень точно описывают эту самую систему, будь то человек или эгрегор (семья, государство, компания, та или иная группа людей). Во-вторых, для того, чтобы немного прочувствовать, насколько человек обусловлен – представьте, ведь человек вольно или невольно считает (по-крайней мере, до поры), что другие люди примерно такие же, а отличия зачастую видит как количественную разницу тех или иных качеств (он сильнее в этом, я сильнее в том, он склонен к тому, я этому). Это – отличия частных, личных языков, личных «редакторов реальности» – основная причина взаимонепонимания и вражды. Но не только. Это – приводит людей к мнимой необходимости, мнимой неизбежности введения искусственного общего языка, отчуждённой внешней управляющей структуры. Насколько личные особенности каждого человека убиваются, переламываются господствующими в обществе культурами, обрядами, искусственными языками! – настолько же это проходит незамеченным, потому что у людей нет языка, чтобы увидеть и осмыслить это, и нет доверия к глубоко внутреннему, к интуиции, к спонтанности. И здесь может быть очень полезным обращение к языку Традиции, с его помощью можно очень многое понять о себе, окружающих, окружающем (особенно в последовательном сверху-вниз переосмыслении Традиции, какое, например, произвёл Подводный). И этого *наука* почти ничем не может заменить. Можно применять только последние достижения в психологии, *трансперсональной* психологии. Но отношение к ней иерархов от науки (читай: естествознания, или жрецов «объективной реальности») вполне предсказуемо.

«В заключение коснемся "вечнозеленого" направления в лженауке, связанного с "таинственными" явлениями психики, объединяемыми термином "парапсихология". Сюда относятся широко известные мифические (т.е. реально не существующие!) явления под названиями "медиумизм", "ясновидение", "телепатия", "телекинез", "телепортация", "левитация" и пр. (Известные и при этом не существующие - это не оговорка. Хорошо известны, например, черти, русалки, кентавры, сирены и т.д.) Вера в эти "феномены" самовоспроизводится в поколениях, поскольку так же свойственна человеческой природе, как сны или головная боль. **Буквально каждый слышал в своей жизни внутренний голос или мысли ближнего, или ясно предвидел будущее.** Гораздо меньше людей, способных **трезво проанализировать свои чувства и проследить рациональные истоки соответствующих aberrаций восприятия**, или, как говорят, устоять против искушения мистикой.

Мифичность указанных явлений выражается, в частности, в том, что их реальность продолжает вызывать споры столетие за столетием. Попытки их **объективной регистрации** неизменно оказываются тщетными ввиду присущей им **невоспроизводимости**, что неудивительно, поскольку они представляют собой **фантомы психики** - это **следствия обмана, самообмана, внушения или самовнушения**, т.е. область не знания, а веры». Е.Б.Александров, Бюллетень «В защиту науки», выделения мои. Язык физика свидетельствует о том, что, по его мнению, внутренний мир людей должен подчиняться законам «объективного» мира, и потому к нему можно подходить с меркой и методами естествознания, предполагающими (несмотря на многочисленные намёки, например, квантовой физики) *отсутствие субъекта*. Субъект = объект, вот главное отождествление, заложенное в этом языке. Надо полагать, что рациональным истоком aberrаций восприятия, называемых простыми людьми внутренним голосом, Александров считает повышение уровня

нейрохимической активности в том или ином отделе головного мозга. А может, просто переполненный мочевой пузырь. Согласен в том, что нужно устоять против искушения мистикой. Но совсем отрицать живой внутренний мир, приводить его к количественно измеримым показателям и воспроизводимым (а точно обеспечены *все условия*?!) опытам, намекать, что всю историю люди, вслушиваясь в себя, занимаются самообманом, и всё это только на основе *веры, что «воспроизводимость = истинность»* – это слишком! Слышать внутренний голос или мысли ближнего «слышал буквально каждый», всё это «свойственно человеческой природе», всё это «самовоспроизводится в поколениях» – но это нужно отбросить! Да как же это?! Но даже если не отходить от языка науки – такое впечатление, что не было сотен лет развития научной философии, эпистемологии, не было открытий, каждый раз совершенно опрокидывающих нагло-уверенные заявления «это так и только так, а вот этого не может быть, потому что не может быть никогда!». Такое впечатление, что нет Уилбера и других учёных, что нет теоремы Гёделя, антропного принципа и других *неотвеченных вызовов* в самой науке – и я говорю только про то, что знает и принимает учёный мир! Это либо двуличие, либо невежество, либо заблуждение – но агрессивное заблуждение! – и, во всяком случае, никакая не защита науки. Науку надо защищать от гниения, и от впадения в истерику «уберите постмодерн и верните всё взад!» вместо ответа на вызовы постмодерна, на требование жизни *пересмотреть* отношение к миру, к познанию, к себе.

XXII. Одиночество головастых франкенштейнов, или потерянное сердце Сложного

Это хорошо, когда можно уточнить, чем *именно* обусловлено, дать имена предустановкам, назвать правила игры, условия, данности, которые необходимо учитывать. Если уточнить нельзя, то, получается, *обусловлено* предельным условием, условием всех условий, *самим языком*. Известно, что выигрывает не тот, кто лучше всех играет, а тот, кто устанавливает *правила* игры и сам использует игроков как фигуры, использует их *веру в незыблемость правил и в справедливость (или необходимость) игры* для управления ими. Но ещё большее видение и власть имеет тот, кто определяет то, что есть *игра*, задаёт общий язык, главные общечеловеческие предустановки. Например, «игра – это сражение, в ней всегда есть победивший и проигравший». Или «мир – это Небо, правящее Землёй». Но вернёмся от эзотерики к нашим баранам.

Сейчас человечество играет в разные игры по разным правилам, то в монархию, то в демократию, то в олигархию, но вот что в языке: «чтобы обществу управляться и самоуправляться, необходима надстройка в виде *начальников*, поскольку *сверху* лучше видно, ведь именно *наверху* тела находится зрячая и думающая голова, именно голова и верховодит». Это заранее не говорит о *намерениях* определённых начальников. Но то, что *начало наверху*; то, что общество *подобно* телу человека; то, что человеком правит *голова*; то, что кто-то *должен* сидеть высоко и видеть далеко, а кто-то *должен* месить пыль; наконец, то, что «это *правильно*», «так *всё* устроено», «иначе *невозможно*» – и начальниками, и подчинёнными принимается *безусловно*, их выбор состоит лишь в выборе части тела Общества, с которой они отождествляются.

Это не больше, чем предустановка – но кто её установил, зачем установил? Или это опять «самостоятельное действие» Языка как прослойки между человечеством и миром, такой вот обладающий самостоятельной энергией *незыблемый закон*, существующий вне выбора людей, независимый от их предустановок, от их смысла, от подпитки их силой?

Вне зависимости от того, какая именно *-архия* или *-кратия* выбирается, всегда *подразумевается* (частный язык игры), что необходим некий *всеобщий универсальный закон*, который позволит объединить людей-клеток в *превосходящую их систему*. Речь на этом языке идёт всегда об улучшении действия выбранной *-архии* или *-кратии*, о Конституции или её отсутствии, о своде законов и их соблюдении клетками – иначе *об общих правилах, об универсальных взаимоотношениях* клеток и органов *Космического Человека*. Но всегда *подразумевается*, что, раз объединение клеток в организм даёт новое качество (организм нечто *гораздо* большее, чем просто совокупность клеток), то непременно этим и следует заниматься, *power-Power-POWER!* И вот, *все* люди-клетки должны отдавать свою жизнь для оживления Космического Человека,

соблюдая *общие правила*. Надо, и всё тут! Сегодня очень небольшое количество людей-клеток обеспечивает питание всей системы, а остальные заняты построением колоссального количества взаимосвязей в подсистемах-органах и между подсистемами, обеспечивая переход на всё больший уровень целостности (в частности, это выражается ростом числа всевозможных посредников и посредников посредников*). За это они получают распределяемые системой питание и удовольствия – но для дальнейшего движения к целостности каждая клетка должна всё больше и больше энергии отдавать на взаимосвязи, посредникам в цепочках выживания (питание, одежда, дом), получения услуг и удовольствий, и даже посредникам в построении новых связей, и даже посредникам посредников.

* «Простой, но показательный пример коммерциализации семейных отношений и искусственной специализации. В 1950-м году 80 процентов куриц в Америке продавались целиком. Сейчас – почти все разделанные и полуприготовленные. С одной стороны, чтобы оплатить разделку и полуприготовление курицы, семье теперь тоже надо продать что-то на сторону. С другой стороны, разделка куриц всё равно ручное занятие. Раздельщики за день совершают несколько десятков тысяч однообразных движений рукой с ножом вверх-вниз, из-за чего у них отнимаются руки (а корпорация тут же нанимает новых раздельщиков)» [17]. Что продаёт семья на сторону? В первую очередь Женщину, которая уходит работать на корпорацию. Феминистки прыгают: «карьера, самореализация, равноправие, независимость!». А семьи распадаются, дети растут чужими, винтиками Механизма, или вовсе не рождаются. Корпорации поддерживают феминизм.

Отдельные государства при такой предустановке неизбежно стали превращаться в мировую *систему*, ведь это позволило стать Космическому Человеку ещё более целостным. Завершение глобализации, переход к «информационному» обществу – очередной крупный этап системного строительства, на котором Чучело начинает «мыслить». Есть мнение, что главное, *какова система* – «хорошая» или «плохая». Например, «хорошо», если Сверхчеловек будет здоров – в частности, мозг должен получать достаточно питания, но и не обижать ноги. Конечно, до этого должен оформиться хороший такой общечеловеческий мозг. Мировое правительство. Хорошо. Но есть один вопрос, который подвергает сомнению смысл всей этой игры, и выходит за рамки навязанного языка – товарищи франкенштейны, а будет ли ваше создание жить *как человек*? Появится ли в нём та искра духа, которая есть у каждого маленького человека-клетки? Если это не нужно, тогда зачем всю историю люди-клетки работают *всё больше и больше* на постоянно усложняющуюся систему, а «счастья нет»? Зачем нам этот Искусственный Интеллект, Матрица, которая забирает на поддержку своего существования всю жизнь человека, замещает собственный смысл «маленьких людей» системным, «общечеловеческим», замещает неведомый путь духа по жизни понятным «социальным», замещает поиск и собственные открытия отчуждённым знанием (учись! А потом работай) и готовыми смыслами? Нужна ли такая игра, в которую люди-клетки азартно играют всю жизнь, забыв о том, что они человеки?

Конечно, это взгляд лишь с одной стороны. Но в разных системах координат можно осознать «необходимость» универсального, общечеловеческого как предустановку, как проявление оставшегося от обезьяны рефлекса выживания, не подчинённого истинно человеческому выбору, не подчинённого *выходящей за рамки естественного вере*. Этот рефлекс срабатывает *в ответ не на внешнее, а на глубоко коренящийся в самом человеке ужас неизвестности, ужас выхода за рамки Языка*. И *естественная вера* в «правильное» знание, в «правильные» законы, в «правильную» систему, в объединение во имя «оптимизации», вообще во имя той или иной формулы, *во имя Языка*, приводит к материализации громоздкого и чудовищно энергоёмкого защитного общечеловеческого кокона, накрывающего всё человечество. И человек *не верит*, что можно иначе – ведь он считает, что одинок. Он придумывает науку о пустом мире, а потом ищет в нём инопланетян, божков, тысячи миров с миллиардами существ, чтобы избавиться от одиночества. Но, как в «Солярисе» (не Лема, но Тарковского), человек не проникает в глубины Космоса (и умозрительных миров), а расширяет Землю, свой мир, до новых границ. В которых – по своей естественной, языческой вере – по-прежнему остаётся одиноким, по-прежнему глубоко внутри испытывает леденящий ужас перед бесконечностью мёртвых пространств и защищает всё более расширяющийся периметр познанного от всё большего натиска Глубины.

XXIII. Дело не только в разных точках зрения. Кое-что можно только показать пальчиком – смысл неотчуждаем

П.Г.Кузнецов, лекции (обратите внимание – это запись живого языка): «У меня здесь лежит бумага, на которой изображена точка. **Математики запрещают показывать пальчиком, а я говорю, вот этого как раз для того, чтобы осмыслить математические формулы, математике недостает.** Вот эта стоящая на бумаге **точка накрыта двумя координатными сетками**, причем координатные сетки расположены так, что их оси совпадают, а их клеточки одинаковы. Так вот, когда я накладываю первую сетку, то точка приобретает координаты А (х,у) по двум осям (красная сетка), когда я накладываю вторую сетку, она приобретает другие координаты В, напишу х со штрихом и у со штрихом. Так вот **сказать, что А равно В математики не могут, это алгоритмически неразрешимая проблема.** А вот когда я пальчиком показываю, видите, это одна и та же точка, только координатные сетки поменялись. Так вот я могу написать равно (здесь пишу значок f), который означает ни много ни мало, что существует правило, которое позволяет вычислить по координатам точки В как она выглядит в первой системе координат и имеет координаты А. Вот показывая пальчиком на эту точку, я объяснил, что всякий алгоритм, какой бы он ни был – не более, чем математическое правило перевода одной точки в другую точку в другой системе координат, но в качестве исходного объекта могут быть не только точки. Могут быть отрезки, могут быть площадки и могут быть объемы. По этой причине **вся математика, какая только есть, ничем другим в своих задачах, где одно равно чему-то другому, не занимается. За каждой задачей стоит определенный вид преобразования координат и соответствующий объект, который один и тот же. ...**

Любой алгоритм не более, чем изменение имени объекта, имеющего вид один в одной системе координат и имеющий как бы другое имя в другой системе координат. Вот такая совокупность преобразования координат, которая показывает как выглядит один и тот же объект в разных координатных системах в жизни, встречается в ситуации, когда вы чего-то вообще поняли. **Вот как узнать, понял человек или не понял?** Какой-то признак должен быть понимания. Вот этот признак, как человек становится понявшим можно получить следующим образом. Сделаем фотографии одной и той же местности, но с разных высот и под разными углами зрения. Получится много разных фотокарточек. Если такую серию фотокарточек выложить и спросить: «что это такое?», то, когда человек понял, он говорит: «ребята, это же одно и то же с разных точек зрения». Вот когда человек смог сказать, что это одно и то же, хотя виды фотокарточек разные, то он понял.

По этой причине на сей раз я уже сказал о слове "Понятие" в том смысле, как это понимает диалектическая логика. **Понять – это понять, как один и тот же объект выглядит с разных точек зрения...».** Вспомните также в связи с «запрещают показывать пальчиком, а именно этого недостает» слова С.П.Никанорова «книги умерли». Нам не хватает *живого слова!* Кроме того, что нужно поменьше абстракций и жёстких искусственных языков, ещё важный вывод: люди не всегда могут встречаться – так читайте между строк!

XXIV. Ветряные мельницы гипотез. Снова путаем карту с миром, а идолов с безусловным

Ведь речь идёт просто-напросто о том, что люди говорят на разных языках. Да, в астрологии есть мошенники, а разве нет их в науке? Разве в науке нет надменных неучей со степенями и званиями? Разве в науке – как и в астрологии – нет отдельных отраслей знаний, не понимающих друг друга, не имеющих более-менее внятного целостного представления? Разве наука совершенна? Разве метеорологи, сейсмологи и другие -логи дают правильные прогнозы? Нет, дело не в этом. Дело в том, что астролог может быть учёным, он часто понимает язык науки (он гораздо проще, поскольку замыкается на «объективном» аспекте холонов). А вот наука *отказывается* принимать язык астрологии, и своих же гоняет как отступников. Вспомним хотя бы опыты Шноля об изменениях вероятности событий синхронно с солнечным и месячными циклами – он ни слова не произнёс об астрологии, но её усмотрели и сразу «разбили Шноля в пух и прах».

Любого, кто сам вникал в астрологию (что уже означает *более-менее непредубежденно*), насмешат высказывания учёных о ней (например, в том же Бюллетене «В защиту науки») – учёные судят в основном по «газетной» астрологии (конечно, астрология во многом сама виновата), *ни черта* (помним, что «черти» – это совсем не рогатые и хвостатые) не понимая в настоящей, действительной астрологии, иначе *не понимая её языка*. А о религии учёные судят, посмотрев *на отдельные её проявления*, нахватавшись терминов и решив, что уже из них всё ясно (а ясно-то только про *идею*) и «не надо лишней философии». В.Гинзбург:

«Верить или не верить в существование Бога – это частное дело каждого человека, его выбор, которому нельзя мешать. Нужно, однако, отличать более или менее абстрактную веру в существование Бога, сотворившего природу, но не вмешивающегося в людские дела (таков деизм) от теизма (христианства, иудаизма, мусульманства). Теисты верят в существование Бога, вмешивающегося в человеческую жизнь, творящего всякие чудеса и т. д. Доказать, что нет Бога деистов и им подобных, невозможно. Вера же в чудеса, святость Библии и многое, содержащееся в ней (отсутствие эволюции, сотворение мира совсем недавно и т.д.), противоречит научному мировоззрению. Религия – это ответ человека на его незащищенность, это его реакция на страх перед болезнями, стихийными бедствиями... Ведь еще совсем недавно (в историческом масштабе времени) не было большинства лекарств, анестезии и т. д. Страх, боязнь несчастий, мучений и смерти – вот источник веры в Бога. Я тоже боюсь всего этого, но вера во что-то сверхъестественное – это просто слепота и малодушие. Удивляться тому, что и сегодня миллионы, если не миллиарды людей верят в Бога, не приходится: недавно я где-то прочел, что из шести миллиардов людей, населяющих Землю, около миллиарда не умеют ни читать, ни писать. Думаю, главная причина верований в Бога в наше время – это необразованность, незнакомство с современной наукой... Прогресс в области точных наук колоссален, и он не прекращается. И антинаучные тенденции (религия, например) – плод непонимания и, если угодно, неблагодарности. Думаю, что в будущем для религии не останется места в этом мире».

Эти слова сказаны как мнение о книге А.П.Никонова «Апгрейд обезьяны». А вот что пишет в ней сам Никонов:

«Вот, новую заповедь даю вам: цивилизация сейчас находится на таком этапе своего развития, что даже если Бог и есть в этом мире, сегодня его главной задачей было бы внушить человечеству, что его нет. Потому что нам пора взрослеть. ... Бог ушел из нашего мира. Не привыкнув к этой мысли, повзрослеть невозможно. Нельзя стать по-настоящему нравственным, если над тобой висит Небесная Кара. Небесный Кнут и Небесный Пряник необходимы примитивным людям, у которых нет ничего в душе, кроме страха и жадности. А людям внутренне сложным и умным, то есть нравственным, внешние погонялки не нужны, они сеют добро по своему внутреннему устройству. Потому что у них есть разум – внутренние программы, внутреннее понимание, как надо гуманно поступать в каждом конкретном случае, чтобы не причинить окружающим боль, а, напротив, подарить им и себе радость. Короче говоря, возлюби не Бога, а окружающих (своих смертных братьев в пустой Вселенной). Бога нет – любите друг друга! Такая мораль без Бога гораздо лучше, во сто крат качественнее, чем религиозная мораль, которая добывается от человека достойного поведения путем шантажа».

Вот здесь в полной мере выявляется различие языков! Никонов вводит отождествления: «ум = нравственность = внутренние программы = внутреннее понимание» (?! – дальше он сам будет утверждать, например, что скопировать субъекта невозможно, т.е. субъектное не описывается «программами», «личностью», добавлю от себя «умом», «идеями»), «вера = поклонение идее Кнута и Пряника из страха и жадности», «Бог = нечто в этом мире», «надо поступать = гуманно». Гинзбург продолжает *удобные* отождествления: «вера = необразованность», «прогресс = хорошо = точные науки», «вера = боязнь», «вера = анти-наука».

Но ни такая вера, ни такая наука никому не нужна. Или кому-то хочется взаимонепонимания? Война идиологов науки и религии продолжается. А люди верят или не верят в Бога, в безусловное, как бы они про себя это ни называли (правдой, справедливостью, нравственностью) или (лучше) не

давая имён – вне зависимости от нахождения в той или иной секте. Вот как Никонов продолжает: «Я очень радовался этой своей идее, пока не узнал, что **ту же самую мысль выдвинул немецкий священник** Бонхёффер, сгинувший в немецких концлагерях. Так прямо и писал, что **«совершеннолетний мир» сумеет отказаться от гипотезы Бога**, переболеть богобоязненностью и нуждой во внешней опеке, став «абсолютно безрелигиозным», и тем самым приблизиться к **Богу**». Выделения мои.

Итак, утверждение «главная причина верований в Бога в наше время – это необразованность, незнание современной наукой» может быть принято, только если речь о какой-то гипотезе, о каком-то Идоле, которого вообразили себе учёные. Они правы в том, что очень многие действительно верят в Идолов, называя это «религией», а иногда (ну совсем редко!) ещё и отрицают научные методы как таковые. Но ведь для кого-то «религия» только «способ говорить», только язык, а в сердце – безусловное. Поэтому учёные неизменно получают от людей, подобных священнику Бонхёфферу, возражения, над которыми им следовало бы задуматься. В этом выражении Никонов как будто не заметил слово «гипотеза» и последние слова священника. **Главная причина неверия к Богу и, соответственно, поклонения тому или иному идолу, в том числе идолу науки – это подмена веры знанием, непонимание, в том числе вследствие невежества и необразованности учёных, что знание стоит на вере, и что выбор веры определяет мир, в котором мы живём.** Отрицая субъектное в своей парадигме, учёные с этим и приходят к разговорам о «боге». Они ищут «бога» на своём поле, в «объективном», в том, что можно обозначить словами, они понимают «бога» как некое существо, подтягивают словечки вроде «теизм» и «деизм», тут же нахохливаются – «антинаучно»... И совершенно верно считают недостойным человека поклоняться этому существу! Но только разве речь об этом?! Им про Кузьму, а они про Ерёму, им про смысл, а они про слова... А кроме того – ведь никакие точные науки не спасут человека от болезней... И страх перед ними не лечится наукой.

Поскольку за знанием стоит Язык, именно взаимоотношение Языка с Верой, замкнутого мира Яви и Нави с Правью, Условий с безусловным Выбором – определяет наш Мир. Выбор и вера – глубоко субъектны, они вне Яви и Нави, вне Языка. Зато об идолах явных и неявных можно говорить.

XXV. Чучело Тайны, или кубатура шара

«Посвящённые» – правда, не самого высокого уровня – считают, что предмет сопоставлен своему имени как некоему ярлыку, а название имени производит некие «вибрации», которые «соответствуют» или «не соответствуют» предмету.

Соответствие вещи некоторому образу как своему «прототипу», «идее», «проекту», и затем соответствие этого образа слову как определённой последовательности звуков и букв есть *символизм*. «Символ» по русскому выговору звучал бы «супол», и означает у Греков: «знак, по которому можно о чём либо заключать; условие, договор; складчина, доля; знак гостеприимства, разламываемый на две части и остающийся в двух руках, чтобы по предъявлению его могли себя узнать два короткие знакомые, после долгой разлуки...», [б] (Лукашевич использовал «Греко-Русский словарь г.Коссовича»). Итак, на Земле вещь, материальный «супол», а на Небе её второй, «высший супол», «идея», «проект», причём для проекта имеется «вибрационный» ключ – слово. Символизм – это диалектика взаимодействия «духа» (который отождествлён с «тонким», высшим миром) и материи, выражаемая герметическим слоганом «что наверху, то и внизу». Символы якобы есть «ключи» к тонкому миру, материальное воплощение в самом своём рисунке и звучании идей (возьмите разные символы – каждый посягает на *отражение собственным телом* устройства мира, общества, человека).

Есть другое, противостоящее символизму представление – *концептуализм*. Это слово выражает мировоззрение, соответствующее нашей поговорке: «как корабль назовёшь, так он и поплывёт». Здесь можно увидеть тот же символизм, но... не стоит. Как капитан Врунгель назвал яхту «Победа», но до победы плавал на «Беде», так и концептуализм *включает* и *превосходит* символизм, подчиняет «объективные законы» Неба человеческому выбору, а не определённым схемкам,

условным начертаниям (в символизме они безусловны). Да, устоявшись в языке, определённые слова вызывают определённые образы, и в этом смысле *в общественном сознании* каждая вещь имеет свою «идею» и слово-ключ, которое очень сильно влияет на человека и вещи. Но. *Человек* вкладывает *свой смысл, своё намерение* (намерение в славянских языках означало «цель» [10]) в каждое отдельное слово, в порядок их взаиморасположения, в звучание. Если *магия символизма* работает только в определённом языковом поле (закрепленном в эгрегорах, общественном сознательном и бессознательном, глобальных и коллективных архетипах), то в концептуализме *человеческое намерение* само *творит* языки, творит поля смыслов и эгрегоры, *перепрограммирует* устоявшиеся образы, перестраивает лабиринты понятий, устанавливает новые правила игры, определяет новое звучание, новые вибрации старых слов и образов. Не потому в известных опытах Эмото Масаро и других учёных вода меняет тонкую структуру, что ей говорят определённые *слова*. А потому, что их говорят с определённым *намерением*. Вот почему победил капитан Врунгель, и вот почему отвалившееся «по» не смогло ему помешать (хотя, заметьте, *мешало*), вот в каком смысле *можно* понимать (это – дело выбора) «как назовёшь, так и поплывёт», в этом смысле человек научил ангелов *сути* имён. Если сами имена выражают сути явлений, то что является сутью сути, что за пределами какой-бы то ни было сути, каких бы то ни было определений? Суть, бытие, вещь, истина – слова однокоренные. За пределами бытия – выбор, глубочайшая субъектность.

Разница между этими двумя воззрениями не просто огромна и даже не просто неизмерима. Считает ли человек *безусловным*, неизменным устройством мира, неизблемыми законы, вечным некий присущий миру порядок, и, соответственно, допускает ли тщету собственного выбора? Считает ли он независимым от себя («объективным») порядок, законы, и, соответственно, отчуждает ли от себя существование *правильного* знания, правильных слов, описывающих этот порядок и законы, от которых он полностью зависим, которым полностью подчинен (в меру своего сознательного и подсознательного понимания языка описания мира, настройки «редактора реальности»)? Или нет? «Нет» значит включение и превосхождение: законы очень строги и даже «незыблемы» (если их не трогать), но всё же *условны*: *каковы* эти законы, *каков* мир, *каков* сам человек – определяется его *выбором*. Это, опять же, не значит, что нет «объективной» стороны – но мир открывается (вполне «объективным») вслед за выбором. Опять вспомним про теорему Гёделя – за всей красотой непротиворечивости, за всеми доказательствами экспериментов всё равно стоит утверждение.

Если мир и его законы безусловны, то человек – *условен*, он просто пыль, просто одно из многих существ во множестве миров, сидящее в своей ячейке и могущее вылезти только карабкаясь по пирамиде, всё больше и больше *подстраиваясь* под «объективные» законы, поклоняясь Языку. Если безусловен выбор, то условен язык, условны все структуры, критерии, ценности, иерархии, холархии, условна сама вечность и бесконечность, условна сама смерть. Символизм выбирает первое – и потому служит основой всех иерархий, всего неравенства, исходящего от поддерживающих эту *веру* людей «знания». Концептуализм выбирает второе – и строит свой мир, отталкиваясь от того, что он выбирает безусловным. Конечно, это ещё не всё, ведь концептуализму *всё равно*, какую условность он выберет *считать* безусловной. Но, подойдя к тому, что человек сам выбирает свой мир, сбросив, по сути, научных идолов (например, «системный подход» есть лишь одна из концепций), концептуализм вплотную подошёл к величайшей тайне жрецов, которую далеко не все из них понимают. Нет, это не символические системы, не сакральные числа, не вибрации определённых букв, звуков, чисел, имён, не технологии бессмертия и даже не секреты управления обществом – всё это лишь *языки*, условности. Их тайна – как раз условность всего, могущество языка, который строит зачарованные лабиринты понятий «объективного мира», в которых смертные отбывают вечное рабство. Но жрецы либо сами поклоняются языку (верят в совершенную Условность, *смерть*, или даже просто в свою символическую систему, Идола, Идею, частный язык), либо используют его, заставляя верить остальных к своей выгоде, и *удовлетворяются* этим, что означает всё то же поклонение условному, самоназначенной ценности (например, «править миром», «осуществлять мировой прогресс», «стать бессмертным», «научить людей правильно жить», «построить справедливое общество», «спроектировать историю», «...Э...», «...Ю...», «...Я...»). Превознесение любых ценностей, любая иерархия разума,

языка в конечном счёте материализуется и приводит к тому, о чём говорят: «благими намерениями дорога в ад вымощена» (здесь «намерение» означает именно некие условные цели, сидящие на троне условной системы под названием «вот-так-правильно»), или «за что боролись, на то и напоролись».

Ещё проще говоря, весь вопрос заключается в том, есть ли что-либо по-настоящему безусловное, неограниченное, неопределимое? Есть ли Правда (по отношению к истине этот вопрос неуместен)? Есть ли Бог? Это совершенно строгий *выбор*: либо да, либо нет. *Знать* о безусловном невозможно, с ним нельзя соприкоснуться в опыте, поскольку опыт условен. А потому каждый лишь *верит*, лишь *выбирает* – и живёт по вере своей. Сейчас Постмодерн, *Завременье*, лечит людей от отчуждённости «объективного» знания. Но язык опять подсказывает – лечить=целить, делать целостным. Целостное понимание, сколь угодно интегральная интегральность, непротиворечивость – это ещё далеко не всё, нужен выбор, дополняющий эту целостность *смыслом*. Сама по себе история не приведёт человека за ручку к его безусловному. Но и никакая нецелостность текущего состояния не может препятствовать *выбору*, никакие противоречия не могут сковать *смысл*.

1. Уже здесь подразумевается, во-первых, воздействие человека на мир не только телом, а *всеми* способами выражать себя, всеми «способами говорить» с миром. Иначе говоря, «сознание определяет бытие», и этого никак не хочет признавать материалистическая наука, хотя на «объективном» уровне изменение окружающих человека электромагнитных полей (или резкое изменение характеристик работы головного мозга) в зависимости от его настроения, мыслей и даже способа мышления замечено давно. Как, например, и изменение структуры воды в зависимости от настроения или слов, и *соответствующее воздействие* этой воды на использующего её. Во-вторых, эта двусторонняя связь с миром глубоко неполна, несамодостаточна. Пример: мы смотрим на кого-то и думаем: «подозрительный тип». Он смотрит на нас, частью подсознательно ощущает недоверие, частью сознательно *видит* «недобрый взгляд» и начинает что-то этакое думать о нас. Мы, в свою очередь, это ощущаем и видим... возникает очень сильная, но «необъяснимая» положительная обратная связь, сильно влияющая на вполне «материальные» взаимоотношения и совместные дела двух людей. Вот так неосознание своей «речи» на тонких уровнях, не касающихся прямо ни тела, ни слов, приводит к тому, что язык как прослойка между нами и миром начинает действовать как будто самостоятельно, по своим законам, отталкивая в данном примере людей друг от друга. Но сила этого отталкивания, конечно, складывается из сил враждующих, из энергии, которую они вкладывают не столько в определённые «мысли», сколько в *мировоззренческие предубеждения*.
2. Известно, что лишь малая доля воспринимаемого в живом общении передаётся собственно «словами». Мы читаем другого человека по позе и жестам, ощущаем его настроение, улавливаем интонации и их переходы, распознаём его намерения по десяткам мельчайших признаков, не имеющих отношения к содержанию его словесного сообщения, всматриваемся через глаза прямо в душу, и совершенно точно понимаем это всё как слова некоего языка – языка тела, языка души. Не переставая удивляться тому, сколько женщины уделяют внимания своей внешности (а через это и внутреннему состоянию), мужчины всё же непосредственно, всеми порами ощущают воздействие чар этой беззвучной речи.
3. Их нельзя полностью передать словами, но это что-то вроде «самое главное в жизни – это ...», «все должны...», «безусловно лишь...», «нет ничего ...».
4. Создавать – от Славянского «зедь», стена, от неё же здание, зодчий. Я просто обращаю ваше внимание на то, что создавать и творить – разные вещи. Создатель – это Архитектор и Главный строитель.
5. Аксиома, как и прочие чуждые слова в нашем языке, *постоянно*, в каждом контексте требует уточнений. Аксиома – это не совсем *безусловное*, не совсем *то, что принимается на веру*. Это – *мера*, то, что служит мерилom. Латинское «ах», которое *принято* читать «акс», есть просто «ось» (в слове axis «is» – просто окончательная частица вроде нашего мягкого знака в существительных женского рода *дочь, ночь, суть*, или вроде твёрдого знака, который после революции 1917 не пишется после окончательной согласной). Соответственно, аксиома задаёт систему координат, в которой и прочерчивается узор рассматриваемого теорией предмета. Тот же узор в другой системе координат может выглядеть по другому. Поэтому «аксиома» несёт более прикладной смысл, чем «безусловное» и имеет опосредованное отношение к «вере».
6. И в этом смысле научные языки, да и вообще все искусственные языки, ничем не отличаются от так называемого «sms-языка» или «тайного» детского языка, использующего, например «**усудвосоесениесе слосогосов**». В то же время научные языки отличаются тем, что говорящий на них не всегда понимает то, что сам говорит (хотя может быть уверен в обратном) – ведь понимает человек только по-человечески, на человеческом языке, и с научного на человеческий приходится (сознательно или бессознательно) переводить, зачастую в несколько шагов, и *пересообразить*.

Также интересно, что воззрения создаются, как правило, определёнными людьми – во всяком случае, огромное влияние личностей очевидно – и их внутренний язык оказывает серьёзное влияние на воззрение, подспудно проникают в него. Проникает и внутренний язык «продолжателей» – создатели многих воззрений ужаснулись бы тому, как поняли и воспитали их детище. Распространено мнение, что учёные одинаково понимают ту или иную теорию, но это лукавство или заблуждение: несмотря на жёсткость научных языков (возьмите математику), переходить от форм к содержанию и смыслу неизбежно приходится – а здесь работает внутренний и человеческий язык, и, удержав при передаче форму, можно частично потерять ценное содержание или совершенно потерять бесценный смысл.

Воззрения не переносятся одинаково и с языка одного народа на язык другого. Это знакомо переводчикам текстов самого разного жанра – «перевести» текст на другой язык значит в той или иной степени *переписать, переделать* его, это творческая работа.

7. Ведь и «кидают» «красиво».

-
8. Другое дело, что, например, в науке, далеко не каждый учёный может выразить то, с чем он работает или чему обучает других – на человеческом языке. Далеко не каждый ясно понимает, что все эти сложные заклинания значат в жизни, в действительном, а не представляемом мире. И часто не стремится понять, не стремится хотя бы для себя выразить заклинания по-человечески – потому что они передаются в обучении-дрессировке («надо делать вот так») и «работают», их воздействие предсказуемо, зачем вся эта «философия»?
 9. Можете говорить вместо «Воззрения» что вам удобнее: парадигма, концепция, идеология, религия (в целом, такая-то), наука (в целом, такая-то). Не очень подойдёт теория или идея – они обычно понимаются как нечто более определённое, более узкое, менее подходящее на роль *языка*. Основы теорий и идей в концепциях, метатеориях и идеологиях, т.е. в более пространных и гибких, более близких к человеческому искусственным языкам, почти всегда прослеживаются.
 10. То, что происходит сейчас и происходило недавно – лишь продолжение *языковой войны*, идущей всю историю. Возьмём пока близкое нам. СССР был расколот изнутри не просто разным пониманием того Воззрения, которое было заложено в его основу. Да, развалить Воззрение можно, переложив его на два частных языка, а по сути, подтаскивая одни и те же слова предустановок (например, «свобода») для выражения разных смыслов (сравните «свобода как вседозволенность», «свобода потребления», «свобода управления страной иностранным капиталом» и «свобода от насилия», «свобода самоопределения», «свобода от иерархий»). Но, как видите, большую роль (о которой мало сказано) сыграли более сильные приёмы, более глубокие мотивы, более близкие к человеческому языку, чем искусственный язык пропаганды. Дело ведь не в том, что «в Литве насадили фашизм». А в том, что в Литве, где Воззрение «СССР» скреплялось русским языком, *национальный язык* был объявлен *выше, древнее* русского. Вышвырнув русский, идеи фашизма можно было переокрасить во что угодно, потому что он стал *своим*, «арийско-европейским».
 11. Есть мнения, что не просто современник, но и учитель Пушкина. Не знаю, но буду рад, если найдутся подробности жизни Лукашевича.
 12. В наше время сказали бы, «специалист во многих отраслях знания» – Лукашевич был этнографом, географом, лингвистом (филология, этимология), эпиграфистом, метеорологом, астрономом, химиком, математиком. Но этого мало: настоящий учёный отличается тем, что связывает, объединяет в своём мышлении и понимании различные науки, а главное, может выразить своё понимание на *человеческом языке* – и тем превосходит любых «специалистов» одной или многих отраслей.
 13. Большинство работ Лукашевича, относящихся к его открытию, приведены в порядке издания (1846-1883) в «Перечне источников».
 14. А вот слова основоположника *концептуального анализа*, С.П.Никанорова, сравните: «Если мы заранее устройства мира не знаем, то наше полагание будет кропотливым, по микроскопически мелким элементам». Оправданно ли наслаждение плюрализмом в области, объёмлющей и концепции, и концептуальные поля?
 15. Таким заключением Академия Наук, в который раз, собственными руками спрятала от себя и слепо ей доверяющего общества, поистине бесценный материал. Впрочем, ничего глупее такого заключения (был приведён общий смысл заключений АН к нескольким работам Лукашевича) нельзя и придумать. Судите сами: Лукашевич открывает неизвестные ранее *общие законы* человеческого языка и речи, появления и взаимодействия множества народов, и подтверждает своё открытие в двух десятках объёмных работ. Разбирая подробнейшим образом славянские языки, а также «важнейшие» в современном мире греческий, латынь, западноевропейские, еврейский, Лукашевич в опоре на *выведенные им общие законы* объясняет *десятки тысяч слов*. Ему известны мнения лингвистов по всем вопросам, которые он затрагивает, успешные и безуспешные попытки решения тех или иных исторических и лингвистических задач. В своей работе он использует словари более чем двухсот языков, обширные сведения о культуре и быте народов, труды древних и современных историков. Таким образом, у Лукашевича есть *и общие законы*, и подробнейший доказательный материал огромного объёма, и источники и наработки, признанные самой Академией Наук. Ни первого, ни второго, у Академии Наук нет. А применить в исследованиях одновременно словари *сотен* языков и противоречивый исторический материал Академия Наук, не имея общих законов и не открыв их в *попытках* обобщения, не смогла – ни во время Лукашевича, ни в последующие полтора века.

Мог Лукашевич ошибаться? Конечно, мог! Но это же нужно было понять, доказать, не правда ли? Каким же образом Академия Наук противопоставляется исследователю-одиночке, не в силах *доказать* ошибочность его исследований, подобных которым она сама не производила и до которых попросту не доросла (опять же, как система – Учёные с большой буквы всегда делают больше, чем академии)? Как обычно, только «весом». Что угодно, господа жрецы от науки, но «произвольность», «необоснованность» – совсем неподходящие к выводам Лукашевича слова, нужно было выдумать что-то похитрее! Какое же *основание*

есть у самой официальной лингвистики (впрочем, само существование *официальной* науки некоторые учёные лицемерно – или по невежеству, по невниманию к истории – отвергают)? Попросту никакого. А в лучшем случае: корявое, раздробленное и непрочное, а такое основанием не назовёшь (см. VIII).

16. Ещё во времена Лукашевича «русский язык» назывался Великороссийским *наречием*, а «украинский» – Малороссийским *наречием*. Всё, что мы называем «славянскими языками» есть разделённые, замутнённые словами искусственных языков *наречия* Первобытного Славянского языка.
17. «Сколько подобных мы употребляем огреченных или олатиненных слов, ни мало не подозревая, что они взяты Греками и Римлянами из нашего языка, а потом чрез них нам же переданных в искаженном виде! Это горестно и доказывает только страдательное положение Славянских народов с незапамятных времен. Да, мы принимаем в свой язык, нередко, свои же искаженные, мученические слова, которых вовсе не в состоянии опознать! и наново учимся на могилах наших предков замершими их словами. История целого мира не представляет ничего подобного». [6]
18. Поднаречия Малороссийского наречия. Лукашевич называет их также «Паннонское» и «Дакийское». «Великое историческое событие ... Переяславцы и Черниговцы с округом Киева в XVII веке примкнули к Великороссии».
19. Манила интеллигенцию (в кавычках и без) французчина! Да, языки насаждать можно – и самые яркие примеры тому не в глубине веков, и даже не в XIX. Немногие исследователи не поддавались «величию» всего западного! Даже с людьми, которых Лукашевич принимал за трезво мыслящих (хотя чужая культура часто именно пьянит), говорить было трудно – хотя тон предполагался научный. В [4] Лукашевич пишет: «Когда я, в первый раз, издал в 1846 году сочинение свое: Чаромутие, и сказал в нем между прочим, что Немецкий язык принадлежит к отделу Монголо-Калмыцких языков, на меня страшно напал за это г. Булгарин: можно ли это говорить! — Почему же нельзя, м. г., это дело науки. Потрудитесь меня опровергнуть, но не одними только восклицаниями. И так развернем какую попало страницу Немецкаго полного словаря, и будем читать в нем по порядку: ... 32. Deutsche, Немец = даичи, *воин*, по *Калмыцки*. Даичин, война, по *Монгольски* (Ковалевский). Из этого «явствует», что некогда Калмыки так называли, по родству и соседству, свою братию – Немцев. Это есть неопровержимое доказательство, что Немецко-Калмыцкая орда, первоначально приплыв байдарами Ледовитым морем с Востока, из Северо-Восточной Сибири, размножилась в Норвегии, а потом и в Дании, а напоследок при устье Рейна, откуда тесня и покоряя Славянские народы назвала себя предпочтительно пред другими Калмыками, – «воинами». Так точно в своих завоеваниях, а потом и в оседлости между злополучными Славянами, называли себя и Венгерцы – «Мадырамаи»: мадырых, *воин*, по Остячки. ...». Это только часть объяснения слова Deutsche, а всего в [4] Лукашевич разобрал 101 немецкое слово – мимоходом, упомянув о Булгарине. В [8] (название говорит само за себя) Лукашевич разбирает 18,364 слова западноевропейских языков, в основном немецкого.
20. в основном речь про Малороссийский говор и песни (который сейчас, я полагаю, можно смело называть «украинский»; но, возможно, нужно уточнять «и Донской», имея в виду в основном Ростовскую область). Музыка была, конечно, европейской, а своя, народная, потихоньку исчезала.
21. Чтобы постоянно не уточнять «наречий, превратившихся в различные, но всё же славянские языки», я буду говорить и «наречия», и «языки». Подразумевается, что есть более или менее близкие друг другу наречия (их и сейчас можно назвать наречиями), а есть более далёкие, вконец отделившиеся от других наречий и развивающихся по своему пути, т.е. ставшие языками. И всё же славянские языки пока не потеряли общий корень – и потому мы ещё можем понять Первобытный язык, хотя и не так полно: со времён Лукашевича очень многое сокрыто или утеряно.
22. «Какой же Славянский язык ближайший к Первобытному? – малоазийских славян, иначе, Славяно-Церковный и судя по остаткам, Полабский, а из живых языков Лужицко-Сербский, в нем весьма хорошо сохранились Первобытный выговор согласных, двойственное число и другие образимы; потом Словенский в Штирии, Каринтии, Крайне, в нём также сохранилось двойственное число. Из Русских наречий все драгоценны: но более печати первобытности в Малорусском, сверх того в нём склонение имён по старинному со звукозаменением окончательных согласных, а в глаголах будущих (неопред. и многократ.) времён употребляется «иму» вместо буду. Сии языки и наречия необходимо всецело сберечь для будущности и вместе для потомства, которое за сие не останется неблагодарным. Сие сбережение есть высокое покровительство, а не бесполезные примеры частных людей: без него не более как в тридцать, в пятьдесят лет все особенности наших наречий безвозвратно погибнут, позабудутся; и к сожалению есть уже довольно сему примеров». [1] Надо сказать, что здесь перечислены далеко не все свойства Первобытного, сохранившиеся в Малороссийском.
23. Само собой, и звучит по-разному, и выговор гораздо более разнообразен, чем написание! В этом всё и дело – мало того, что языки народов имеют разные азбуки, в них и в их наречиях существует огромное

разнообразие звуков (даже без учёта особенности произношения каждым отдельно взятым человеком), соответствие которых буквам весьма условно. Также, как условно сопоставление букв одного языка буквам другого.

Вот что важно: певучесть гласных обуславливает гораздо большее их разнообразие, и потому, если согласные задают общий уклад речи, то гласные наполняют его смыслом, мелодией, тончайшими формами, оттенками, переливами. Осознать наличие переходов гласных *в одном и том же слове* очень непросто – начиная со школы, мы как раз *заучиваем* правильное написание и произношение, расстановку ударений. Этим и силён, и слаб наш русский язык как одно из наречий Первобытного Славянского Языка. Обратите внимание: во многих древних и современных чаромутных языках гласные отражались на письме не отдельными буквами, а знаками *огласовки* около согласных. Когда это не требуется (либо есть намерение затемнить смысл текста), пшт бз глсвк. Пишут согласными со знаками огласовки, например, на арабском языке; в нём есть даже знак отсутствия гласного, *сукун*. Но этот *знак огласовки*, тем не менее, означает *неопределённый* звук после согласной. Таким образом, арабское письмо по сути слоговое: каждая согласная при чтении обязательно озвучивается (в соответствии со знаком огласовки, который, если даже не пишется, обязательно подразумевается), пусть даже неопределённым звуком, составляя слог. Это делает язык более певучим, в частности, именно это позволяет читать Коран напевно, с паузами, выделяющими не слова, а мелодичные последовательности слогов. А теперь вспомните «лишний» «твёрдый знак» за последней согласной в дореволюционных текстах. Если помнить о «мягкой» (и, е) или «твёрдой» (о, а) «неопределённой» гласной, можно найти потерянные связи между различными словами, или увидеть, как непонятный корень превращается в два. Вот пример: каков корень в слове «птица»? А в словах «птаха», «птенчик»? А если я напишу «пътица»? Хотя без дополнительных пояснений непонятно, что означает корень «пот», но он выделяется сразу, и сразу же бросается в глаза знакомый «суффикс» *иц*. А если я напишу «время» как «вьръемя»? Ничего не бросается в глаза, потому что во множестве производных мы не выделяем корня «вир» (вир по Русски, Польски и Чешски означал водоворот; главный омысл – *вращение*), а «емя» (емати – брат, по Иллирийски и Словенски) в наиболее явном виде сохранилось в словах в роде «приемлю». Время – «берущее оборот», имеющее вращение, возвращение, иначе бесконечное. Заметьте: очень даже важное для понимания мира, очень «философское» слово – и само раскрывает своё значение.

Отсюда вынесем: чрезмерная азбучная строгость русского языка сыграла для Первобытного охраняющую роль, но в то же время она отдаляет нас от певучей слоговости Первобытного.

24. «...як москали наше пиво называют? Пииииииво!»
25. О *полугласных* ь, ъ говорилось в сноске 23, добавим к ним й.
26. Слово «слава» произошло от мн. числа слова «слово», которое в русском есть «слова», но в некоторых славянских наречиях «слава». Забегая вперёд, сообщу, что «хвала» есть *чарное превращение* слова «слава». Вот и смотрите: «соловей» по Славянски «славий», по Малороссийски «охвала» – от «о» до «а», как мы видим здесь и как убедимся далее, совсем недалеко. «Славить», «хвалить» – просто-напросто говорить о чём-то. Причём «ославить» значит «оговорить», то есть смысл не обязательно положительный. Славяне, Словене и даже Чехи (это чарное наименование связано с «речением») – всё это о Словах, о владении Первобытным Языком. Потому объяснение имени «славян» как «славящих Творца» вторично, это уже толкование, но очень глубокомысленное: как славяне применяли Слово и что из этого вышло – вот о чём рассказывает нам открытие Лукашевича, вот в чём, ни много ни мало, суть истории!
27. «Наши древние летописцы сделали довольно примечательную погрешность, произошедшую от дурного толкования Южно-Русской второй чарн. онем. койности: Печенбги = Печениги ... Печь никого нельзя нежно, а сии лютники пекли ноги своим пленникам для воспрепятствования им побега: Кавказские Горцы и теперь употребляют подобные средства. ...
В Сербии, Крагуевской Иахии, есть село Печеног...; а близ Новгорода-Северского, близ Десны, сел. Печениги» [1].
28. Очень непривычны, но уже понятны слова черниговцев и Карпато-Руссов куинь, вуил (первая койность о). Вторая койность (свойственна южно-русским наречиям) могла бы сделать для нас непонятным язык Эльбских Древлян – но с её учетом их слова kist (кость), ніс (ночь), ріс (печь) всё же понятны, *даже в латинской записи*. Наряду с Лукашевичем в глубины славянского языка проникали Максимович и Срезневский – и все они подвергались нападкам тех, кого по разным причинам не устраивала высота языка и культуры славян. «Почтенный мой земляк М.А.Максимович, признал невозможность писать койность через и, у, уи, стал изображать оную для Малороссийского наречия через надстрочный знак [над] о, е. Сей отличный наш Лежослов первый превосходно изследовал Русский язык по трём или четырём главным наречиям, в сочинении своём: История древней Русской Словесности. Сие изледование осталось почти неприметным!». [1]

-
29. Вот как это связано с музыкой и пением, *законы гармонии* которых были новы и непонятны для тех, кто забывал родную речь и культуру, и принимал чуждую, [7]: «В пении, вероятно, твёрдые койности составляли самый низкий, толстый голос, а мягкие – высокий». Первобытный язык был музыкой, точнее, пением.
30. «*Но* в Малороссийском языке ... «найточнейше» говорится: багатый; также багато, много; багатье, огонь... По сему это слово есть совершенно другого корня: в прилагательной багатый окончание «атый» означает здесь великость, наприм. головатый (по Иллирийски главать), имеющий большую голову; череватый, имеющий большое брюхо, по Малороссийски» [7]. Итак, если корень «Бог», то «багатый» – *наиболее* приближённый к Богу, или наиболее божественный. Так оно и есть, только «бог», точнее, идол *багатства* – количество, энергия, материальный огонь.
- Обратите внимание: багатье, кроме того, означает «огонь», «уголья» – и это очень важная философическая связь «количества», «энергии», «превосходства», «вертикали», «могущества», «высоты», даже «пирамид», которую раскрывает несколько первообразных корней, в первую очередь «гор». Связи между понятиями, заложенные в самих словах русского (точнее, Первобытного языка) – предел мечтаний для философа. Мы этим богатством пользуемся в малой степени, да и то подсознательно – но уже это даёт огромное преимущество в познании себя и мира, в мощи мышления, в силе разума.
31. Объясняя в [5] (славянское) имя Египетского царя, Psammetit: «Согласная: ps = бжь. Согласно Славянскую б, Греческие писатели не могли иначе передать как через *п*; бжь есть сокращение, весьма часто употребляемое в Славянских языках, в которых не редко гласная в середине слов опускаются, как наприм. в Чешскомъ прсть – персть, прсть – персть; пршка – поршка, дождь; бзина – боз, бузина. В разнообразнейших Славянских наречиях это было щегольство речи. Закон опущения гласных следовал особому, так сказать, наперед составленному строгому для сего грамматическому правилу и вовсе не был бессознателен. Этот закон развить в высшей степени в речи Чешской, Польской и Лужицкой, существует также в Сербской и был некогда у нас, хотя не в такой степени».
32. «звучало бы» относительно «минж» и «меж» означает, что такого звучания слова «муж» в славянских наречиях нет, но в чаромутных языках *производные по смыслу* (т.е. не означающие именно супруга или мужчину) берут начало от всех видов корня «мжж», в соответствии со всеми выговорами юс – это станет понятно далее.
33. например, «хенц» по Польски «воля», «охота», «хотение». Не говоря уже о таких простых примерах: «рука» по Болгарски «рака», а по Польски «ренка». Кстати, по *Ново-Зеландски* и в *Полинезии* «ринга»...
34. Далеко не все переходы мы осознаём. Современному русскому человеку далеко не всегда понятен церковнославянский. В словосочетании «почить в бозе» это самое непонятное «бозе» пишется с маленькой буквы, но ведь означает это словосочетание *посмертный* возврат к Богу – вот переход г-з. Откуда взялась «польза»? – да ведь это *польга, полега*, т.е. то, что облегчает, помогает, здесь тот же переход.
35. Сразу добавлю: в оглушении звонких согласных для нас нет ничего удивительного – в русском произносятся слова ровно так, как они пишутся, не обязательно и, более того, не приветствуется (хорошо, если пишем правильно). Соответственно, уж мы-то не должны удивляться, что в письме может закрепиться употребление *л* вместо *б*, *к* вместо *г*, *т* вместо *д* и т.д. Но переход г-д – это совсем другое, здесь речь не идёт о звукоподобию.
36. Вот что пишет Лукашевич о сохранившем главные законы чаромутия языке жителей Маркизских и Сандвичских островов в [3]: «Язык жителей сих островов совершенно отделен от языков остальных народов и есть самостоятельный, коренной. Он принадлежит к числу языков образовавшихся из всесветного Славянского чаромутия и следственно подчинен простому и вместе ключевому чаромутию онаго... в нем переход буквы г(к) в д(т) есть всеобщий... Например на этом языке: *tahi* и *kahi* – один; *toru* и *kolu*, три; *hitu* и *hiku*, семь».
37. справедливости ради добавлю, что, конечно, это могло бы означать и заимствование славянами чуждого слова, но... по многим причинам, которые частично будут разъяснены, *не означает*.
38. Он характерен для азиатских языков: «бусь» и «мусь» по Татарски «лёд», «ябар» и «ямар» по Монгольски «какой». Вообще жрецы устроили настоящую путаницу с буквами *б* и *в*, а также *у* и *и* в чаромутных языках. Почему-то в школе дети учат греческий алфавит так: «альфа», «бета», «гамма»... Но вторая буква в греческом – «вита». Т.е. пишется как наша «в», а читается то как «б», то как «в», а называется не пойми как. Греческая «ипсилон», «у», написанием похожа на нашу «и» (и латинскую «и»), а читается то как «и», то как «у». Заменяется она латинской «у», которая похожа на нашу «у», а читается то как «и», то как «у». Вот и классифицируй тут.

39. «В разных Славянских языках согласны: *в, з, х*, в начале слов, перед *л* и *р* опускаются: лос, волос, по Вендски или Лужицки (Zwahr), в.м. влос; ром, гром, перун, по Сорабски (Линде), в.м. гром; ромон, шум, бушевание (Sauseln; Gebräuse); ромонити, бушевать, по Словенски и Иллирийски, в.м. громон, громонити; леб, хлеб, по Сербски, в.м. хлеб и т. д.» [5] Должен сказать, что, приводя это правило первичного, славянского чаромутия, Лукашевич не связывал его с усечением именно придыхательной согласной, обратившейся (только в записи или в произношении) в *в, з* или *х*. Однако, на мой взгляд, это очевидно, а подробных пояснений ни в одной работе Лукашевича я не нашёл. Главное, что это «безобидное» усечение придыхательного (или просто начальных согласных), привело к тому, что многих родных слов мы не узнаём даже в очень близких славянских наречиях. Орёл – горёл, горный, найвыше летающий птах.
40. Скажем так: оно несёт меньшую нагрузку, чем выкинутый «за ненадобностью» «немой твёрдый знак» (ер) в конце слов, заканчивающихся на согласную в дореволюционном написании. Между прочим, этот «немой» *полугласный*, кроме сохранения слоговости, делал совершенно чётким понимание слова как мужского – так может, выкинуть и мягкий знак в конце женских слов? будем писать «ноч», «доч» и прочую мат-перемат, и так понятно! – но это имеет отношение к глубинной философии, закодированной в языке. Я не знаю «замечательного русского лингвиста, И.А.Бодуэна-де-Куртенэ, редактора последнего (третьего) издания словаря Даля» (цит. по С.Виницкий, «Введение в дореформенную орфографию»), и его трудов, но то, что он настаивал на ненужности твёрдого знака, говорит о его не(до)понимании и древности, и певучести, и склада, и философии русского языка. Ну, может, и правда хороший лингвист, может, и правда русский – кстати, он же настаивал на ненужности «фиты», первого из двух чуждых, нелепых и ненужных «ф» в нашем языке – не знаю, но жалят непрекращающиеся потери. [XIV]
41. Славянские языки двух одинаковых согласных сряду не терпят, за исключением слитного предлога *с* и двух *ж*. Но, опуская их в произношении, в письме следует хранить правильный вид слова. Часто такие опущения приводят к непониманию смысла слова. Два примера. «Польский» правильно было бы писать «польсский». А теперь сами догадайтесь, что это слово значит, потому что лингвисты *мнят по-всякому* (плюрализм?), производя, например, от германского (!) *polen*, поля (а по-немецки *Polen* и есть «Польша», ну да это проблемы немцев), нимало не смущаясь наличием «ш», не обращая внимания на «ляхов», на свойства немецкого и французского, и на то, что страна-то *лесная*! Это – *неправильное*, и, похоже, *очень политизированное* объяснение (ау, Комитет по борьбе с лженаукой! «официальной науки» нет?!). Подробное – и очень простое! – объяснение Лукашевича смотрите в начале [5]. Второй пример: светочь = светочь. Действительно, на уменьшительный «суффикс» не похоже. К сожалению, к этому слову пояснений Лукашевич не даёт.

Обратите внимание, что это свойство приводило к усечению *н* или *м* после юса и яса. Это заметно в чаромутных языках вроде латыни и древнейших именах собственных. В [5] Лукашевич разбирает воинские и царские имена ассирийских, египетских и более древних народов, где это свойство проявляется в полной мере.

42. «В исчезнувших Славянских языках Кашубском и Полабском видим в словах, начинающихся двумя согласными, перестановку в середину их *а* или *о*, наприм.: варна, ворна, в.м. врана, врона (ворона); тоже самое свойство находится и в Иллирийском языке, хотя и не столь общее, наприм.: керст, в.м. крест, керстити, в.м. крестити, керт, в.м. кроть, кервь, в.м. кровь. В Русской речи, как бы для избежания подобных разностей Славянских языков, вставляются для этого две гласныя, в замен, таким образом, переносимых *а, о, е*, наприм.: ворна, врона, врана, варна = ворона; брада, брода, борода; чреда, череда. В этом отношении, Русский язык соединял между собою один отдел Славянских языков с другим и составлял между ними средний. Ассирийская и древне-Персидская речь в этом разе принадлежали к разряду Полабскому, или Прибалтийскому». [5]
43. Все эти прилагательные не означают низости народов, не призваны расставить *народы* по некой «языковой» шкале (хотя бы потому, что русские – не просто «народ» или «нация»). Но было бы очередным (очень «интеллигентным») предательством поставить русский наравне или ниже других языков: мнимо-древних (вроде санскрита, греческого, латыни), насильственно «международных» или «особо подходящих для науки». Русский – выше! И, вслед за Лукашевичем, мы должны призвать других *хранить лучшее своё*, но узнавать русский, русское, русских!
- Отрицать свершившиеся чаромутие, низвергать в небытие чаромутные языки и возвращать какой бы то ни было «первозданный» в ущерб богатству мировых языков, не признавать их вклада в развитие человечества было бы глупо, и делать этого не следует. Но ещё более глупо и *преступно* не признавать и втаптывать в грязь, *уничтожать* руками соросов, средствами забугорных «фондов» и «институтов» язык, хранящий единство человечества. И то, что это уничтожение производится, кроме намеренного сокрытия и поливания грязью *нашей* истории и *нашего* языка, с помощью безмерного возвеличения и *насаждения* других языков, вместе с их *действительно* более слабым, непростроенным, несвязанным, опасно

искажённым представлением мира, даёт мне право назвать эти языки *в том виде, в каком они живут и действуют*, напыщенными, пустыми, кривыми – и это ещё слабо сказано! Надо говорить прямо – западно-европейские языки есть языки торгашеские и донельзя негибкие, простецкие (иногда с французским зачёсом и ароматом), в них *продажность* заложена, так они начинались и так развивались! И разве жизнь этого не подтверждает (разбор языков живописует это в мельчайших подробностях)? Но нет, мы опять «толерантно» стесняемся даже боднуть «священную корову» «цивилизованного Запада», пока эта корова обкладывает нас со всех сторон и во всех смыслах.

44. «Носовые произношения ж и л им утеряно. Он почти не имеет буквы р, а заменяет ее иногда чрез л. Должно заметить, что буква р вовсе не важна во всесветном Славянском чаромжтии. Причина есть та, что звук р образовался в последствии из носоваго выговора ж (также л), и переходил, например, из ан в ал, а потом в ар. Это объясню пространнее в свое время. Но ежели мы захотим слово, какого бы ни было языка, образовавшагося из всесветнаго Славянскаго чаромжтия, обратить оное еще в частное Славянское чаромжтие, в таком разе вставка в него буквы р (когда это окажется нужно) необходима». [3]
45. внутренний смысл поясняется в словах рак, раковина, ракушка: рака есть вместилище, кожура, скорлупа, облуда, внешняя *кора*. Рак назван так из-за панциря и имел ещё одно название в славянском: крочень, от крок, шаг; крочит, ходить. Вот загадка: откуда же взялся *непонятный самим грекам* греческий крокодёл?
46. «Удостоверившись в таинственности значений имён Славянских владык, богов и многих городищ, я всё таки в производстве имени Глеба не продвинулся... Я любил разбирать древние надписи. Особенно моё любопытство занимали письма Этруские; и часто жалел, что не имел возможности достать необходимое их собрание; тем более, что из некоторых Этруских слов я знал, что Этруски были Славяне, и по наречию принадлежали к племени нынешних Словен; и потому, для продолжения своих исследований, предполагал отправиться во Флоренцию. Некогда я сделал следующее заключение: Пелазги и Этруски писали одну строку от левой руки к правой, а другую от правой руки к левой или обратно, посему соединяли образ писания нынешних Европейских и Азиатских народов. ... Прочитав на сём основании имя Глеб, получил – Белг; удовольствие моё было неизяснимо: это в Первобытном нашем языке 2-я, или сравнительная степень прилагательного бел, велик!» [1]
47. Чтобы понять, как выражение вероятностей (причём относительно живых существ, людей, общества, жизни) *числами* повлияло на мышление учёных, нужно обращаться к истории науки и влиянию на неё языческих культов. В частности, Каббалы.
48. «Слова с опущением р служат указателями образований чаромантных языков других народов. Чево (от него cavus), живот по Словенски. Лат. Vacuus = cavuus = лат. же cavus, пустой, пустота, дупло; с r = фр. creux, пустой, пустота; crevasse, расщелина; creve, брюхач, по Малорос. "череватый". Слав. чрево от потерянного глагола чевити или чревити - быть пустым, порожним» [4].
49. Хвала есть чаромуть слова «слово», а «альфа» есть чаромуть чаромути, называемая у Лукашевича чарная *поустоть*. Итак, Греческий и Коптский алфавит начинаются с буквы «Хвала!».
50. «Багульник (Великор.), ledum palustre, кустарник по болотистым местам растущий = палугник, полужник || луг». «Багор (Великорос.), железный крюк с носком = парог || парог (Малор.), сучок у рог оленя или дикой козы». «Барыш (Великор.), прибыль = пажир || жир (древ. Рус.), богатство. Фран. riche = жир; richesse = жиречь». [1]
51. Теперь раскрываю происхождение «речи» по Лукашевичу. Речь < чера. Допустим, латинское litera есть чаромуть, давайте вернём её в истоть (скорее, в почаромуть) = речила. Как вы сможете убедиться, в мировой истории, во все времена, на всех языках, у всех народов, всё, связанное с верховной властью (звания и прозвания правителей – князья, маги, черти, жрецы и др., предметы, способствующие осуществлению власти, понятия простонародные и жреческие), происходит от языка или, уже, письма. Наш язык уже в первых ступенях чаромутя нёс это треклятое отождествление: власть = мощь = сила = знание. Не хватало только материального, количества. Но дальнейшее чаромутие не провело нас мимо этого бесценного опыта.
52. Нужно учитывать, что разные способы письма всё-таки в разной степени соответствуют, подобают, подходят для выражения разных мировоззрений. Иероглифы предполагают символизм, слоговое письмо в меньшей степени подходит для выражения представления об «объективном» существовании неких явлений, образ которых выражен знаками слогов, менее всего для этого подходит алфавит. Потому неверно (точнее, неполно) как представление о *деградации* письменности от «мудрейших» иероглифов к слогам, а затем к алфавитам, так и представление о *развитии* письменности от пиктограмм и иероглифов к алфавиту. В чём деградация, и в чём развитие? – ответы лингвистов однобоки, но всё равно противоречивы. [XII]
53. «Sancrit=Сжж-крыт, законов, сждр тайна, таинство. Zenda-vesta. 1-е слово: zenda есть родит. пад., единств. числ., муж. рода, существ. сжд, в котором ж выговаривается, как у Поляков в слове sedzia (*сендзя*), судья, и

есть новейший этой гласной выговор. 2-е слово: vesta=вестя, отсюда весть, вещание. Zenda-vesta=суда, закона, священных уставов вещание. Мнением моим о новости двух упомянутых языков не следовало бы пренебрегать ученым; в подтверждение его скажу: сперва нужно для этого собрать и издать грамматики и словари тех языков, на которых говорят туземные народы Индии, а особенно горцы; за тем грамматическая формы этих языков, а также и слова должно проверить с таковыми же Санскритского, наконец *разность* последнего выписать особо, и тогда-то в ней найдем ключ составления этого языка. Я полагаю, что не один Санскритский, а **много было в Индии подобных искусственных языков. Это было лучшее средство, употреблявшееся жрецами, для поддержания своего могущества и прав и удержания народа в поработлении и невежестве чрез устройство каст, которых вовсе не было у Славянских народов. При изобретении нового языка, жрецам представлялось чистое поле для вымыслов своего воображения, переименования преданий древности и искажения естественной веры туземцев**». [5] Выделение моё.

54. Еврейский есть монголо-китайский с заимствованием слов (в том числе сложных) ассирийцев, а также туземцев Аравии и Египта. Иначе с заимствованиями от славян.
55. На передаче «Времечко» (ТВЦ) 12.09.2007 среди гостей был Валерий Чудинов. Тема передачи: «Является ли русский язык прародителем всех языков мира?». Находки Чудинова – вопрос отдельный, дело не в этом. На всю страну, с жаром размазывая Чудинова за «ненаучность», некий приглашённый эксперт, Галина Ершова (доктор исторических наук, профессор Российского Государственного гуманитарного университета), так ответила на заявление Чудинова о прочтении, по-моему, на египетском предмете культуры, надписей руницей: «да откуда в Египте славяне, Вы о чём?». Это было смешно для аудитории, которая, конечно, никогда не слышала о том, что славяне были в Египте. Я обращаю внимание на способ ведения дискуссии – «такого не может быть, потому что не может быть никогда». Если славяне и не жили в Египте, предположение, что они путешествовали очень и очень далеко, и очень и очень давно – по меньшей мере, имеет основу. Как некрасиво, особенно в популярной передаче, переходить на такой тон! Но это не всё. Когда-то Роман Сенчин (писатель, зав. отделом критики «Литературной России»), видимо, некогда услышав звон, стал говорить о том, что *вообще-то древнейший язык Санскрит*, никто его не оспорил – ведь он выступал *против* Чудинова. Я прекрасно понимаю возмущение людей, которые уже всё знают, чем-то, что расходится с их знанием (особенно когда это действительно *спорная* вещь вроде находок Чудинова) – но *такую передачу* лучше было не смотреть. Даже высказаться Чудинову толком не дали, а тема была попросту забыта. Но, не уделяя здесь места тому, что *есть* телевидение, будем всё же *надеяться*, что оно не заболтает тему русского языка и не оставит её.
56. «Той улы», «сей улы» – уд означает «сторона». Так же как «кой годы», «той годы» превратились в «когда», «тогда» – «год» не только 365 дней, но и вообще «время», и срок, и отрезок времени.
57. Лукашевич пишет в [8]: «А в наше время первая полуговорка образовала нынешнюю письменную и частью разговорную Русскую балаку с её недавно принятыми 50,000 иноязычными словами, большею частью Французскими. Есть ли на земном шаре и полубалаки? – Не знаю». Конечно, обидны эти слова о русском языке, особенно если учесть, в какую сторону изменили наш язык за полторы сотни лет.

Замечу, что некоторые свои выводы, изложенные в первых работах, Лукашевич уточнил в последующих. В частности, в «Чаромутии», [1], Лукашевич придерживался немного отличного от изложенного взгляда на степени чаромутия, или, по-другому, порядок образования языков. Поэтому если для вас важна точность выводов относительно того или иного слова или тонкостей законов чаромутия, придётся поверять сведениями из разных работ. К сожалению, никакой строгой структуры и последовательности в работах Лукашевича нет (очень выручают прекрасные указатели в конце работ), поэтому приходится перелопачивать, сравнивать, обобщать.

Хотя общее представление о чаромутии можно составить *по любой* работе Лукашевича, но наиболее полным и серьёзным подходом будет являться освоение их *всех* – они повторяют и уточняют друг друга, но в тоже время и дополняют. Дополняют, что наиболее важно, в очень значимых тонкостях, узнавая которые, приходится возвращаться и переосмысливать, исправлять ранее принятое за полный закон, полное правило. С другой стороны, это означает ещё и то, что найденные «тёмные пятна», несостыковки рано или поздно разрешаются. На сегодняшний день для меня много осталось неясного, но, во-первых, многое из ранее неясного прояснилось, а во-вторых, главный вывод давно сделан: чаромутие «работает».

58. «В нынешнее время филологи, отыскав несколько Славянских слов в Греческом языке, порешили, что они сродны, сходного с ним происхождения и более ничего; но это великая с их стороны погрешность: из разобранных мной на букву А слов (349), оказалось Азиатских 316: это и есть Греческие слова, потому что они произошли из языков тех народов, из которых составилась самая народ Греков. Славянские же слова просто приняты, или усвоены Греками так точно, как мы теперь тьмою принимаем Французские и другие иноязычные. Это чрезвычайно важно для изучения истории Греческого языка; но чем же это неопровержимо

доказано? Оно выявляется само собою: если бы Славянские слова, в Греческом языке находящиеся, были ему сродны, то в этом разе, как это видим во всех в свете языках, находились бы в нем только корни сих слов, но вовсе не их производные, а еще более сложные». [6]

59. Со Скифами вопрос путанный. Ими называли и славян-земледельцев, и кочевых скотоводов ордынцев. Лукашевич рассматривает этот вопрос в нескольких работах, наиболее детально в [5].
60. «Славянские народы именовали себя внуками Бел-бога, следовательно вели от него свое происхождение: вот почему у Гомера Аполлон, божество солнца, покровительствовал Троянцам, и всегда не доброхотствовал Грекам. Нет сомнения, что Греки, лет за тысячу до времен Гомера, имели у себя эпопеи об этом великом и многолетнем странствовании и выкочевании на Запад своих Калмыцких орд, предводимых великодушными мандаринами, бежавшими из своего отечества от ударов гибких бамбуковых палок». [6]
61. в самом деле, что же объединяет это слово с вот такими: *statica*, «наука о равновесии», *statio*, неподвижно стоящий? От последнего изначально пелазгическое, затем уродливо-огреченное, а потом опять обрусевшее, в итоге уродливое, с тройным окончанием: «стационарный» (откуда же у греков «ц»?). *Stativa*, стан или пристань, *statua*, истукан, *status*, рост или стать – непривычно, но разве не понятно безо всяких греков? Если мы не говорим *статья*, *статья*, *стоячь*, *стоянь*, *статень*, очень узко употребляем *статный*, значит ли это, что сии слова *не наши*?
62. к сожалению, общепринятое слово «учёный» означает только «познавший», научившийся, «объезженный», в отличие от молодого жеребца-неука. Вложением высокого веса, цены в это звание – ничем не отличающееся от звания *школьник*, – ставится невидимый, но мощнейший чарный препон *для открытий*. Открытия всегда кажутся *наивными и легковесными заблуждениями неучей* пред замшелой и с душком тяжеловесностью фолиантов, перед звоном степеней и званий. Кому какое дело, что познал тот или иной учёный, чему он там научился? Вопрос в том, что откроет нового – с помощью того, чему научился или без неё, – и как он применит то, что открыл или то, что знали до него. Но вроде как за применение наука и вовсе не отвечает, а по открывателям всю дорогу лупят фолиантами. Чего только стоят пляски надменных вокруг Эйнштейна – позор.
63. Лукашевич говорит в [5], что именно «рама» он нашёл только в церковном словаре Алексеева, а утерянные производные он отыскивал там и сям. В частности, отыскав в Полном Собрании Русских летописей выражение с производным наречием «жатва дорога рамяно», т.е. стоит дорого, имеет высокую цену, а в Словенском прилагательное *рамен*, великий.
64. в пределах одного языка. Вот почему философы столько накручивают и мудрят, и вот почему в России «философии нет» – так говорят наймудрейшие беглецы из Отечества и, разумеется, надменные «умники» Запада. Да они просто не смогут понять, почему у нас *уже*, без «гуманитарной» «интеллектуальной» помощи Европы и даже вопреки ей, каждый первый и есть философ – просто не каждый это осознаёт, и уж тем более не каждый стремится своё понимание уточнить, записать и издать в 3-х капитальных томах.
65. Как вы видите обезьян, пользующихся пальцем и бубнением, чтобы показать друг другу *узость* (?!), или, ещё интереснее, *действие узости* (?!), а потом произвести из этого бубнения бубнелки для угря, змеи, верёвки (это ещё ладно, их всех можно веточкой гибкой изобразить), *болезни горла*? Ну что вы, я ни на что не намекаю! Конечно, абстрактное мышление появилось недавно, меня научили, это черта современного человека, а раньше люди были тупые, дикие и т.п. Абстрактное мышление, как и всё наилучшее (поклонились) нам дали то ли греки, то ли латиняне, но впереди планеты всей их наследники, Западная Европа (про арабов, заметьте, всегда упорно забывают). А как же?! Иначе под вопросом окажется священная корова «прогресса» и прочие сладкие грёзы (или скрепя сердце принимаемая «реальность») об истории и будущем.
66. Не знаю, как вам, а мне сначала не понравилось – как это, такое изящное слово, слово об искусстве, об огранке смыслов в материале, и при этом происходит от какого-то скобления (хотя от чего оно может происходить ещё, я не задумывался)?! Лукашевич одно из важных для нас пояснений даёт в другом слове, *scribo*, писать, чертить. Это, пишет он, просто скрёбти, царапать, делать продольные полосы, «следовательно это слово низошло ныне на низшие значения». Так же и греческое *γράφω*, *graphō* – это просто *крябо*. Добавлю, что латинский *manus*, рука есть просто *иман*, от *имать*, брать. Также образовано наше (славянское) *брага* или *брача*, и французское *браш*, *bras*, рука берёт или *имает* (я пока не говорю, что означает собственно «рука», хотя устойчивые выражения в языке и детский язык и так всё говорят: *рёва-корёва*, *коса-краса* и т.п.). Сколько пыли сразу слетает с *манускриптов* – мы «переводим» *рукопись*, а ведь это слово без переводов говорит: «накарябано руками»! Обратите внимание ещё на то, что в глаголе *b* (*б*), а в существительном *p* (*п*) – думаю, это говорит не о переходах согласных, а о том, что у китайских жрецов *тяму* не хватило учинить чаромутие непротиворечивым, и этому в Греческом и Латыни множество доказательств и примеров

посильнее приведённого. И так, нас смущает всего лишь то, как «изящное» (в нашем соображении!) латинское и греческое «писать» произошло от «крябать», «карябать», которое мы вообще не употребляем.

Чтобы у вас не осталось сомнений, сообщу, что в Латыни есть *не только* sculpo, но и scalpo, и означает последнее: «вырезать, высекать, чеканить; скоблить, царапать, чесать». А первое означает «вырезывать, высекать из камня или дерева какую-либо фигуру, ваять». Такое узкое значение, да ещё и в рамках более широкого значения похожего по написанию и звучанию слова, настораживает. Почему есть два очень похожих слова, из которых одно означает просто «высекать», а второе «высекать фигуру»? Поищем корни. Находится только один, подходящий к слову с широким значением, scalpo – от scabo, чесать, скоблить, тереть. Scalpturo – украшать резьбой, sculptura – изваяние. Scalptor – резчик, sculptor – ваятель. Scalpelus – хирургический (почему это именно *хирургический*?!) ножичек.

Итак, sculptor – это скѣблѣтвор, а scalptor (Word «не знает» более широкого слова, исправляет на «sculptor» – из Латыни прижилось только более узкое) – скоблѣтвор, т.е. различие только в том, что в первом присутствует койность, и *o* по первому чарному онемению перешло в *y*, а во втором койности нет, и долгое *o* по тоническому переходу стало *a*. Помните, что гласная *правит смыслом слова*? Это как раз хороший пример. «...вслед за *o* ... следует постоянное тоническое *a*, для того именно, чтобы не утратить из виду главного корня, показать его по музыкальной грамматике языка в разных отношениях и во всех сих изменениях выговоров гласной *o*, по высокому мышлению **обозначать ими то прямые, то отвлечённые предметы**, имеющие между собою гмотное или же умственное сходственное соотношение. Чрез это язык избегал однозвучности разного смысла слов, ничуть не теряя остроумнейшей изобретательности наименований предметов перваго образователя нашего языка». [7] Выделение моё. Гмота – материя. И так, мы видим, что слова эти *не совсем разные*, но и *не одинаковые*. От более широкого, «отвлечённого» значения мы приходим к более предметному всего лишь изменением гласной. Просто, и со вкусом.

По ходу дела отмечу, что латинское окончание *tor* есть наше твор. Гладитор – кладѣтвор, владеющий мечом. Кладень – меч. Глагол «кладить», «класть» есть обще-Славянский. Например, в Малороссийском есть кладий – тот, кто кладёт сено в скирду. Меч просто укладывает неприятеля – что же странного (непривычность естественна) в таком словопроизводстве? Вот и весь меч-кладенец.

67. Хотя за несколькими строчками корнеслова в тыщу страниц могут стоять дни, если не недели поисков. «Я правду некогда заметил, что чем древнее в памятниках Славянская речь, тем она еще совершеннее образована. Мне стоило больших трудов опознавать здесь Славянския слова. По последовательности распределения букв в каждом иноязычном слове я узнаю Славянское, но за сим уже должен приодолевать такая трудности, каких мало кто испытывал: нередко такое опознанное слово совсем не находится в словарях Славянских языков, тогда, почти всегда, отыскиваю его в живом разговорном Малороссийском языке». [6] Что же делает Украина??!
68. До нас дошло мнение Греков о двойном рождении Бахуса. А Лукашевич опять просто разбирает имя. Dithyramb означает прямо двѣутробый (перестановка *y* и *th*) – один раз он был в материнской утробе, а другой – в бедре Юпитера.
69. Только один пример: свобода, freedom и бесплатный, free («наше» словопроизводство в роде «свободный вход» есть новейшая калька). Об устойчивых словосочетаниях и корпоративных терминах вообще разговор долгий, ограничусь парой примеров: show respect, «покажи, продемонстрируй почтение» (не почувствуй и не прояви почтение – а просто устрой шоу, скорчь имидж) и постыдное двуличие вроде reverse hiring, увольнение как *обратный* найм, reverse bonus, *обратная* премия (!). Сами названия должностей в корпорациях (chief-officer и прочие офицеры) есть просто воинские звания – в полном соответствии с тем, что первые корпорации были удобным для метрополий средством ободрать колонии, и представляли собой частные хорошо вооружённые языческие армии (со своими evangelists, проповедникам) с участием государственного капитала и господдержкой под маской «торговых компаний» вроде *Ост-Индской*. Прекрасно, очень подробно и полно, на внятном языке описывает всё учиняемое торгашеским мировоззрением безобразия Дмитрий Неведимов в книге с говорящим названием «Религия денег, или лекарство от рыночной экономики» ([17]), откуда и взяты примеры. Мировоззрение, которое несут в себе языческие культы, одним из которых является наука в существующем виде, задавало такие правила игры, что проигравшими окажутся все игроки. Но, как я уже говорил, и те, кто следит за игрой, сами лишь фигуры. Не free, а очень дорого станет им freedom – по мере их гордости и self-esteem. Языческое мировоззрение разразилось на Западе позитивизмом, при своей материалистичности прекрасно понимающем мощь «идеалистических» инструментов, вот почему столько сил и кучу денег вгрозали на придумывание дебильнейших терминов и всякие игрушки вроде НЛП и прочего как-впарить-маркетинга. Корпорации учат своих сотрудников манипулировать людьми (в т.ч. коллегами), но они будут постоянно разочаровываться, пока жив русский.

Замечу, что очень интересны для понимания Западного мышления связи, заложенные в западно-европейских языках (почти сквозь монголо-китайских) о правде, справедливости, правосудии, законах и т.д.

70. Я снова обращаю ваше внимание на книгу Л.Н.Рыжкова «О Древностях Русского языка» ([13]). Не здесь и не сейчас, и, возможно, не мне, но обязательно нужно показать, как «первые робкие штрихи» к описанию праязыка, сделанные Леонидом Николаевичем, совпадают с разъяснениями Лукашевича. Мне известно, что Леонид Николаевич до последнего времени лишь слышал о Лукашевиче и его работах. Но его высказывания по поводу детского языка, трёхбуквенных корней СГС (согласная-гласная-согласная) праязыка (Лукашевич только добавляет, что полный корень – со вставкой *p* или *l*), искажённости начинающих на гласную слов, замены буквой *ф* буквы *л* (фламе – пламя) и т.п. – подтверждаются Лукашевичем. Думаю, что «первые робкие штрихи» Рыжкова надо развить и продолжить смелыми и чёткими мазками Лукашевича. И, обратно, подправить Лукашевича, если нужно. Конечно, это далеко не всё, что можно и нужно привлечь – я лишь говорю о том, что настала пора делать выбор, определяться с общими законами (конечно, сначала робкими штрихами), и, если только это не обезьяньи законы, идти сверху вниз, от концепции к проработке, от праязыка к русскому и остальным. Это огромная работа – но, поди, и лингвистов у нас немало?!

71. На «презентации» нового самолёта (ах! Первый раз наш авиапром устроил «шоу»! Ура!) «Сухой Супер Джет 100» его наполовину позорное имя было написано на блестящих боках *только латинскими буквами*, «SUKHOI SuperJet 100». Ну можно было хотя бы повторить надпись по Русски, или хотя бы (чтоб не оскорблять весь мир написанием метрополных слов колониальными русскими буквами) написать по Русски «Сухой»?! А хотя бы внизу, маленькими буквами?! Однако в брэнды *super* и *jet* вброшено много количества. Какими числами не меряй достоинство людей, но если оно меряется числами, его непременно купят – за числа! Или скажете, что это ничего не значит, или скажете, что «мы не можем делать самолёты сами, а раз нам [бескорыстно?!] помогает Орда, то пусть решает как называть наши самолёты?». А «SUKHOI» в названии оставлен только потому, что сочетание этих 6 букв, которые почти никому ничего не говорят, представляет собой просто «раскрученный брэнд», в который Орда уже вложила.

«Сухой», конечно, не философское слово, оно не правит разумом речи. Я говорю про отношение к *своему*.

72. Я скажу коротко об очень важной теме. Как неразрывно во взаимодействии разделённости «субъективное» и «объективное», так не стоит отрывать «объективную этимологию» от толкований слова. Да, между ними должна быть граница – действительно, каждое слово имеет свою историю, и она определённа. Но, во-первых, мы эту историю никогда «объективно» не узнаем – история не «цепь фактов», а раскрытие пламени духа, осмысление мира, который всегда здесь и сейчас. Во-вторых, *так случается*, что каждое новое слово принимает не только смысл, который ему передаёт по наследству его предок, а ещё и смыслы связанных с ним слов, вплоть до связей чисто по звучанию (омонимических). Труба похожа на труп, даже если мы не признаём их производства от борта. Я веду к тому, что нельзя, как это делает наука, совсем выбрасывать толкование, даже если это чистое толкование, даже без предполагаемой «объективной» связи. Семья – это «семь я», и мы не просто можем, мы *обязаны толковать* это слово этим и другим способом, мы *обязаны толковать слова*. То, что «семья» происходит от корня «сем», который «есмь» – «объективный» аспект (хотя ведь и Лукашевич мог ошибиться, и вообще *применение* любых законов может привести к ошибкам – что не отменяет законов).

Мне всегда очень нравились толкования слогов. Ра – Бог. Га – движение. Ци – энергия. До – путь. Я уверен, что среди такого рода слогов есть первообразные корни, по Лукашевичу. Но также я уверен, что придаваемые множеству таких слогов «древние» смыслы есть чистое искусство, толкование, «субъективный» аспект. Это важно, и нужно – но не стоит строить на этом целых систем и подавать их как «объективное», не нужно в каждом ра искать бога, в «мрази» его нет, потому что корень «мерз». Пусть «радость» – это «путь к Богу», меня искренне радует, что есть такое толкование. Это – искусство. Оно и не обязано увязываться с наукой, оно вообще никому ничего не обязано, оно беспричинно и безусловно – хотя если увязывается, науке же лучше. *История*, будь она «из Торы», или, по Лукашевичу, искажённое *sutoria*, от сутр, или судр, священных книг – один чёрт есть запись в книжке, закрепление жрецами определённого взгляда на мир. Я противопоставляю такой истории *быстьтворь* – как творение жизни, как глубоко внутреннее осмысление прошлого и будущего в «здесь и сейчас». И мне не так уж важно, от какого слова греческое *istoria* – от сутории и сутр (судр, сандр), от Торы, или искажённое (вместе со смыслом) славянское «быстьтворь». Если появится «объективное» доказательство одного из этих трёх или четвёртого смысла – я буду рад. А нет – и не надо, да и кто же его даст, если не дал Лукашевич и не дали лингвисты?

То же касается и начертаний букв. Можно в каждом символе видеть целую Вселенную – только осторожно, чтобы не ударяться в символизм и прочую кабалу. Можно говорить о «Первобытном» алфавите. Но не имеет никакого значения, каким был Первобытный алфавит. Если он был. Важно, что у нас в голове и каким будет наш Язык, важно, как мы обращаемся со *смыслами*. Алфавит – лишь одно из средств выражения Языка, *не имеющее прямого отношения к смыслу*.

73. К сожалению, с исходным Латинским *factum* Лукашевич мало может помочь. В [1] он без особых разъяснений приводит слово как чаромутное, от славянского «тяжцѡ» (*facta*, подвиги от тяжча, тяжца; хорошо также поясняется и подтверждается словами *factor, facto, factura*) – то есть *близко* к тому, как его *толкуют* сегодня. В гораздо более поздней [7] (издана через 25 лет) этого слова нет (что это значит? объяснение уже дано и здесь излишне? объяснения нет? непонятно), а в изданной ещё через три года [8] мы видим только фр. *factum*. Возможно, слово действительно славянское и тогда оно означает не «свершившееся», а «сделанное». Чтобы полностью уяснить смысл, необходимо включать в словопроизводство это слово. Сегодня нам нечем его заменить, не с чем соотнести родное слово славянского наречия. Оно в словопроизводство не включено, оно чуждо, и только усиливает шизофрению.

Здесь уместно сказать вот о чём. Лукашевич – не свет в окошке. В целом это явно что-то новое и очень важное, это открытие. Но его *надо* исследовать, проверять и перепроверять. Что-то сразу принимается как бесспорное. Например, перекрёстно доказанное славянскими наречиями, или словопроизводством самого чаромутного языка с привлечением утерянных, но подтверждаемых древними источниками, значений славянских слов (где ж мы возьмём живой Малороссийский?!). А что-то вызывает вопросы, и какие-то вопросы решаются, а какие-то нет (пока? Или надо поправлять Лукашевича?). Само по себе чаромутие очень сложно. Если Монголы и Китайцы очень давно начали своё чаромутие, но всё же от Славянского, последующее пересечение их языков (десятков!) с другими славянскими наречиями (в частности, Пелазгов и Этрусков) даёт уже очень запутанное месиво как словарного состава, так и грамматики. А при последующем чаромутии (западно-европейские языки), по прошествии *ещё* 1-2 ступеней, разобраться, конечно, тяжело. Например, показывая в [8] происхождение *всех* слов западно-европейских языков от азиатских, хочет ли Лукашевич сказать что у них нет славянских корней? Или просто показывает *предъидущее* звено цепочки – ведь уже язык Греков и Латинян полностью определялся китайскими жрецами, что ж говорить о западно-европейских? Или славянское слово (я снова про *factum*) заменялось *близким по звучанию и смыслу* монгольским – могло такое быть?

Однако сейчас, при предварительном знакомстве, нет нужды разбираться по каждому слову. Эта огромная работа, полное исследование работ Лукашевича займёт где-то столько же, сколько у него самого – полвека одного человека (будем считать, что его знание жизни народов, славянских наречий и многих языков уравнивается доступностью многих данных и технологиями – хотя эта позитивистская наивность может не оправдаться). Но, повторяю, чтобы оценить, как «факт» повлиял на ход истории, на уже свершившееся, нужно смотреть на словоупотребление. А в нём это слово – очень опасное. Дальше я буду говорить о «факте» как о «записи» – нас кормят именно такими фактами. Именно торжество описания над явью, карты над миром определяло материалистическое сознание, научную парадигму и западно-европейский вооружённый «прогресс» (насилия) городов над сёлами (города выжили и укрепились как вампиры только за счёт лишения сёл средств производства и только за счёт неравного обмена с сёлами), корпораций над государством, государствами-корпорациями над свободными странами.

74. Хотя смысл знаю. Но вот своё словопроизводство забросили и здесь, заменить пока нечем. «Жур» это просто день. Дежурный – дневальный. Журнал – дневник. Как всегда, вместо своего словообразования тащим из чаромутных языков. И разум частями подменяется, а оставшаяся часть всё больше болеет.

75. Удобство, удобство! Много лет назад, читая всякую голубую муть (впрочем, и она пригодилась – теперь знаешь, что лучше обходить стороной и беречь время), я брал словарь и смотрел в нём всякую ерунду вроде «конгруэнтностей», «имманентностей», «адекватностей» и прочей «абстрактной» мудрёности. Что это дало для понимания мира? Ровно ничего! – хочешь не хочешь, а пересобираешь всё равно, только время тратится и появляется риск неправильного понимания. Зато из этих слов можно состряпать мощный залп – и если даже мыслящий, разумный, понимающий человек всё говорил правильно, но услышал в залпе хоть одно незнакомое слово, он, вольно или невольно, собьётся, срежется. А если находится под сильным очарованием «науки» или просто «терминологии», то сам себя загонит в угол и сдастся. Кроме НЛП или забалтывания (как у цыганок) манипуляторы применяют именно такой приём *размягчения мозгов* – побольше «умных» слов (как правило, пустых, чем неопределённой их смысл, тем лучше). Очень надёжный способ определить, понятно ли человеку самому то, что он говорит – попросить его сказанное мудрёностями передать простыми словами, и желательно несколькими способами. Но, с другой стороны, даже русскоговорящим трудно использовать свой родной язык, человеческий язык – всегда проще говорить словами чаромутного языка, жёсткой системы. Вот только *понимания от этого больше не станет*.

76. На каком языке вы говорите о Боге – дело исключительно ваше. И, хотя разные *существующие* языки подходят в разной степени (просто потому, что чаще всего *определяют* своего «бога» прямо или косвенно, и дальше подталкивают к поклонению этой *условности*), но всё же смысл в язык вкладывает человек. Вообще попытка говорить о Боге на каком-либо языке приводит к двум исходам. Это может быть что-то сродни вытаскиванию себя за волосы из болота – и именно этим усилием ценны любые слова о Боге, ведь хотя они

ничего не могут сообщить, они *свидетельствуют* (как правило свидетельствуют, если только это не чистой воды пустословие) о внутреннем импульсе, о попытке понять неопределимое, найти *безусловное*. Каждый чаромутный язык, каждая религия, будь она «языческой» или «монотеистической» или «монологической» или ещё какой-нибудь «-ской», может либо помочь человеку обнаружить в себе этот импульс, либо увести его в ковчег в бесчисленных взаимосвязях понятий, в детальное рассмотрение системы этого языка или этой религии, в увлечённость их «объективностью». Как «монотеизм» может оказываться отождествлением Бога с какой-нибудь идеей, системой, так и «материалистическая» наука может давать человеку очень глубокую интуицию *безусловного*, внутреннее возвышение над *любыми* идеями и системами, *владение языком*. Так и «язычество» и «почитание множества божеств» не исключает (для каждого отдельно взятого человека!) прямого пути, не имеющего ни направлений, ни протяжённости, ни длительности. Так и растворение языка – каковым занимаются некоторые эзотерические системы, даосизм, буддизм – может стать как поклонением «условности всего» и полным безразличием с гуинпленской улыбкой, умерщвлением импульса совести и справедливости, а может помочь отвержению идолов и творению на «очищенном месте», в языковом пространстве без преград, собственного смысла, собственного пути (про который язык даосизм и буддизм мало сообщает).

Но, пожалуй, меньше всего шансов у «атеистов» – они путают *безусловное* со всяческими идеями, идолами, и, воюя с ветряными мельницами (чаще всего на стороне других ветряных мельниц) в итоге отрицают всё. Если человек не ищет безусловного, не может понять, от чего он сам отталкивается (если вы *называете* себя атеистом, то разве вы не признаёте – для себя лично! – безусловности справедливости?). Но, судя по перепалкам атеистов с «верующими» и верующими, каждый из первых имеет за душой своё *безусловное*, но просто путается в языке. И ведь каждый идёт по-своему пути: кто-то плюёт на всё и подчиняется господствующей идее («живу, как все»), кто-то подаётся служить какой-то идее, кто-то растворяет и растворяет язык, просветляется, потом переходит к другой идее, потом строит свои идеи... Вот только жизнь конечна.

77. Сегодня нас, людей, *смертных*, постепенно подготавливают к появлению в нашем мире *сверхлюдей*. Это отдельная большая тема, напрямую связанная с Языком. Но, кроме вертикали, выраженной количеством денег как той или иной степени «возгонки» жизненной энергии человека, готовится вертикаль способностей и сверхспособностей.

При переходе к «информационному» обществу первая вертикаль станет соответствовать степени доступа к информации, определяющей положение человека в обществе. Пронумеровать людей, выдать им универсальные электронные карты и отслеживать полностью их жизнь – только так можно справиться с международным терроризмом, а вы как думали? Одновременно это решение проблемы денег – печатные станки и банки и так принадлежат частным лицам, а теперь «информационными» деньгами сможет управлять каждая корпорация.

Что касается вертикали второй, она только готовится. Вероятно, науку ждёт сильное потрясение. Человек действительно обладает всяческими способностями, и, стоит начать людям уделять внимание этому вопросу – способности прорежутся, станут управляемы, появятся методы их развития (точнее – выйдут в свет, эти методы известны тысячи лет). Будут ли сосуществовать эти вертикали – непонятно. Думаю, что да – и тогда пресловутая Атлантида отдыхает.

78. Опять же, на этом может быть построена как философия, оцифровывающая человека (впрочем, она уже есть – философия материализма, позитивизма, прогресса), либо философия, в которой «числовая уникальность» выражает именно особость, неповторимость каждого человека, а однородность самого численного ряда и математические операции с верой в эту однородность и тождественность двух двоек и четвёрки должна держаться подальше от живого.

Вспомните, что у Пелазгов *кроме* означало *вещь* – и опять же, это либо будет означать то, что человека можно приравнять вещи, либо что *вещи*, окропленные (во взгляде человека, произвольно) части бытия, не тождественны друг другу, – как вода на городской кухне не тождественна воде в пустыне, – а особы, уникальны. Это либо может означать, что субъекта можно исключить, выкинуть, как это сделала наука, либо что его *всегда* нужно учитывать, и, более того, что именно субъектное должно быть на первом месте.

79. прекрасный язык даёт А.Подводный. Очень часто (в руках и устах совершенно определённых людей) астрология действительно является чистой воды шаманством, или, хуже, мошенничеством. Но, уверяю вас, будучи изложена на человеческом языке, она является интереснейшим и мощнейшим инструментом. Конечно, как и любой другой *инструмент* (в пределе – язык) – ни необходимым (вот здесь тонкость: мы можем обойти частный язык, но мы никак не можем обойти Язык – хотя именно этим и следует заняться), ни достаточным. У А.Подводного и *сам русский язык* увязывается с его «концепцией», его частным астрологическим языком, точнее, частным языком Традиции, который он излагает на русском, увязывая с

достижениями, в том числе, психологии (ключевое понятие «высшие архетипы»). Мужской, женский и средний род, междометия, пассивный и активный залог, формы глаголов, порядок слов в предложении – всё соотносится со стихиями, знаками Зодиака, домами гороскопа, инь/ян и другими «архетипами» Традиции, которые очень просто и внятно описывает Подводный. В итоге получается язык для распознавания вращающихся вокруг нас смысловых полей, сложных узоров напряжений межличностных и глобальных ситуаций, и, затем, язык выражения своих смыслов, намеренного изменения этих полей к нужному виду. Это, самое меньшее, айкидо в общении, а лучше сказать, это мощнейшая научная (поскольку в лучших научных традициях детальнейшим образом проработана – Подводный некогда был математиком, и, помимо, даже системным программистом) магия, к тому же связанная через «классическую астрологию» с очень глобальным языком описания мира. Как и любая магия, она может приносить пользу или вред, может быть идолом или инструментом.

Описанная далее схема взаимодействия стихий называется у Подводного «эзотерический архетип».

80. В этом всё и, соответственно, в астрологической карте, нет меры, нет веры, нет правды, нет места *собственной воле и намерению субъекта*, нет ничего о *смысле* слов (языка Традиции), которые сообщает карта. Всё это астролог (а лучше – сам человек) *включает* сам, своим собственным намерением, по своей мере. Это, кстати, единственная причина, по которой астрология не признана наукой – наука не собирается пока что учитывать и включать в свою методологию область субъективного, она *наивно* считает, что субъективное мешает и должно быть полностью исключено, чтобы можно было достигнуть «объективного». Такая вот крайность.
81. Интересно, что К.Кастанеда передал от индейских магов (есть версии, что всё-таки изложил своё понимание мирового знания, а представил это как «толтекские знания» – это неважно) представление о Яви и Нави как соответственно об «острове Тоналя» (познанного), окружённом океаном неведомого, «Нагваля». Сами по себе слова «тональ» и «нагваль» тоже очень интересны.
82. На взаимосвязь метода (межхода) и результата обратили внимание ещё античные философы. А вот что сообщает энциклопедия «История философии»: «Философские методы в науке, как правило, опосредуются другими, более приватными, тем не менее, именно они (не всегда явно осознаваемые учеными) задают общую направленность исследования, принципы подхода к изучаемому объекту, характер интерпретации полученных результатов».
83. Но «длина» может говорить совсем о разном. После принятия от латинян монгольских слов, у которых уже есть пышные, но бессмысленные окончания (например, «вечные усы: os, us, es, is, as – пятое колесо в возе, напрасно удлиняющие речь, и годные только для всполошения птиц», П.Лукашевич) и приставки, мы из этой чухни лепим «свои» слова, навешивая свои приставки и окончательные частицы («суффиксы» и окончания). Конечно, слова выходят очень длинными. Например, «продифференцированный». Волшебное слово? Его трёхбуквенный (! – а всего в этом слове 21 буква!) монгольский корень означает «собирать целое из частей». Перед ним частица сродни нашему «раз», после него «красивый» хвост. Ну что ж, кому-то нравится французская и латинская напыщенная тарабарщина, а мне, честно говоря, всегда не то что просто не нравилась, но чувствительно раздражала – дело вкуса! Длина «дифференцированного» с его трёхбуквенным корнем совершенно ничего не даёт.
84. имена царям выбирались жрецами, конечно, не просто так, а со смыслом! Да и вообще отношение к слову, а тем более к имени, было совершенно отлично от современного. Люди чувствовали силу слов, а имена не доверяли незнакомцам, открыто употребляя только прозвища.
85. «Из Славянских слов, на сию букву имеющихся, примечательнее всех тежба, или тяжба – поместье, земледельческая усадьба, которую Греки преобразовали в мучительство, деспотизм!». [6]
86. Конечно, если слова произошли из бормотания обезьян, то труда нет производить их и дальше так же: увидел птичку, буркнул что-то вроде «фыргушлюк» и – чудеса! – все стали фырчать и шлюкать при виде бедной птички. Забавная придумка.
87. Ю.Никтин, «Я живу в этом теле»: «Или же я просто существо в этом мире, а Наблюдатель сейчас за тысячи световых лет, сидит в лаборатории и посматривает через мои глаза время от времени? А потом, когда я умру, мои знания войдут в его копилку знаний?... Я ощутил, что холодок безнадежности коснулся сердца. Это все равно буду не я. Я — это только мои чувства и знания, а если ссыпет их в копилку, где таких сотни тысяч, то от меня ничего не останется».

Наблюдатель и свидетель – не одно и то же. В копилку могут попасть только «объекты». Вера в «объективное» знание есть сдача себя – как объекта – такому вот «Наблюдателю», держателю коллективного человеческого знания, величайшему Эгрегору, Логосу. В своих книгах Ю.Никитин часто говорит о том потрясающем вызове, который бросила наука догматическому поповскому знанию и

мистицизму. Изрядно ожречевшись, наука в целом уже не герой, а слуга, но, конечно, влечёт людей в науку именно этот *религиозный* импульс открытия *нового*, который в ней жив (как, впрочем, и в религии, и в эзотерике).

88. Совместная работа П.Г.Кузнецова с Р.О. ди Бартини «О множественности геометрий и множественности физик» (АН СССР, Уральский Научный Центр, Проблемы и особенности современной научной методологии, Свердловск, 1979):

«...физика завтрашнего дня будет вынуждена в большей мере считаться с методологическими принципами потенциального единства физического знания, симметрией процессов природы, самодвижения матери [материя, материя по Лукашевичу, и означает «самодвижущаяся»] и её «уровневого» строения, который раскрывается через исторически ограниченную общественную практику. ... Существует мнение, что Анри Пуанкаре имел все основания для создания специальной теории относительности, но... это было сделано не им, а А.Эйнштейном. Не отвергая этого мнения, мы тем не менее полагаем, что Анри Пуанкаре придерживался второй точки зрения на связь физики и геометрии [множество геометрий соответствует *множественности* физик в отличие от общепринятого взгляда на то, что существует разные геометрии, отражающие наш «действительный мир», нашу единственную «физику»] и именно в силу этого убеждения не позволил себе отдать предпочтение одной частной геометрии, которая и согласуется со всеми видами физической реальности. ... В 1887 году он [Пуанкаре] писал: «... геометрия есть не что иное, как изучение некоторой группы движений, и в этом смысле можно сказать, что справедливость геометрии Евклида несколько не противоречит геометрии Лобачевского, так как существование одной группы вполне совместимо с существованием другой...».

89. Б.Виноградский, «Я – водитель этого тела» (песни разных лет): «А я – водитель этого тела // четкая ритмика и верный расчёт // согласие чисел и образов // многообразие знаков». Ю.Никтин, «Я живу в этом теле»: «В результате этих новых извилин в том существе, которое зовется человеком, появилось нечто новое... Нет, не разум, ибо разум лишь высшее проявление инстинкта, он и служит глубинным инстинктам, умело удовлетворяя их, давая им то, чего не могут получить своим простым: хватай, гребь, ешь. Нет, появилось некое осознание, продуктом которого и являюсь я, Я, существо, которое сидит в этом разумоносителе. Я в нем живу. Даже команду. Что захочу, то и сделает. Никакой не человек из будущего. Никакой не инопланетянин. Просто человек, внезапно осознавший... Что?».

90. корпоративные тренинги и отдых, командообразование и мозговые штурмы, маркетинговые акции и расчёт «стоимости» брэнда, стойла в офисах и контроль рабочего времени – люди в галстуках не узнают в этом дикого язычества только потому, что они не склонны считать, что история повторяется для тех, кто не учит её уроки. Эти отвратительные обряды и шаманство направлены на одно – уменьшение расходов (в том числе на тех же пляшущих «сотрудников»), увеличение расходов (теперь клиенту смогут впарить ещё больше) и «максимизацию» прибыли, которой распоряжается несколько человек. «А как же ещё?!» – с круглыми глазами вопрошают трижды высокообразованные идолопоклонники – «мы же не благотворительная организация!». Когда благотворительность повышает прибыль или приводит к усилению «статуса» (стоимости брэнда), например, благодаря поповским или «государственным» наградам – то и «благотворительная».

91. Дж.В.Смит, «О причинах экономического неравенства стран», цит. по [17]: «Неолиберальные экономические формулы доказывают, что свободный и саморегулирующийся рынок автоматически распределяет произведённые блага наиболее справедливым образом. Неолибералы убеждают, что свободный рынок постепенно стирает разницу между богатыми и бедными, если бедный прилагает для этого достаточно усилий. Давайте проведём простые расчёты, исходя из того, что между бедными и богатыми странами изначально существует разница в средней оплате труда. При прямой торговле между этими странами из-за этой разницы в оплате труда возникает разница в накоплении материальных ценностей. Мы увидим, что разница в накоплении капитала выражается даже не линейной, а **экспоненциальной** (т.е. квадратичной) зависимостью. ... В прямом обмене или в торговле между странами или людьми* накопление капитала мгновенно растёт по мере увеличения разницы в оплате за одинаково производительный труд. Если разница в оплате – в 5 раз, то разница в накоплении – в 25 раз, при разнице в оплате в 10 – 100, 20 – 400, 40 – 1600. При разнице в 60 раз, которая существовала между победившей в холодной войне Америкой и проигравшей Россией – 14 долларов в час против 23 центов в час**, разница в накоплении капитала возрастает до 3600 раз. И когда разница в оплате труда – 100, как это было между победившей Германией и поверженной Россией, то разница в накоплении капитала составит 10 000 раз. Начните торговлю между этими двумя неравно оплачиваемыми странами. Заберите себе всю прибавочную стоимость, недоплачивая слабой стране в твёрдой валюте; или оплачивая ей в мягкой валюте, но требуя оплату за свои товары в твёрдой валюте. Капитализируйте прибыль 10-20 раз, и вы получите накопленный капитал через капитализированную стоимость.

* Прим. переводчика – эта формула справедлива и в отношении людей, живущих в одной стране. Например, рабочего, получающего 10 долларов в час, и юриста, получающего 250 долларов в час; или жителя Москвы и жителя обычного российского города, зарплата которых отличается в 5-10 раз.

** Прим. переводчика – приведены данные первых лет после 1991 года. Средняя зарплата в России год от года сильно колеблется. По состоянию на весну 2002 года официальная средняя зарплата в России была 4172 рубля или около 0.75 доллара в час, в США – около 17 долларов в час, в Германии около 15 долларов в час для территории бывшей ФРГ и около 10 для бывшей ГДР. За это время курс немецкой марки/евро снизился с 1.4 до 2.2 за доллар, что объясняет изменение соотношения средней зарплаты в ФРГ и в США».

92. Блох М.Я., «Зеркало перемен в языкознании», цит. по http://www.naukaran.ru/sb/2002_1/11.shtml. В юбилейном выпуске «Вопросов языкознания», журнале, который и появился в результате сталинской операции (запуск в «Правде» дискуссии о языкознании с последующей статьёй самого Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»), в цитируемой статье речь идёт о высказанных Сталиным общих («с точки зрения марксизма») положениях о языке: «выдвинутые в ее ходе формулировки определенных положений нельзя недооценивать; речь идет, например, о существенной «непробиваемости» грамматического строя языка при языковых контактах или об основе языка в виде словарного фонда и грамматического строя». Однако те, кто рассматривает эту историю с ниспровержением Марра, склонны сильно упрощать. По мнению Блоха, «вождь подписал работу экспертов», иначе говоря, это был чисто политический жест, работу выполнили специалисты, а вождь приписал все заслуги себе. Причиной же ниспровержения Марра называют обычно то, что его идеи после провала задумки мировой революции стали не просто не нужны, но опасны. Это обычное воззрение на Сталина как на «назначившего себя специалистом по всем наукам» и «разменивающего людей как пешки для многоходовых комбинаций» есть глубоко неудовлетворительная предустановка, которая мешает досконально разобраться в важнейших вопросах истории. Сталин сам написал указанную статью (это даже ощущается в её языке) и, несомненно, проработавшая в течение жизни огромный материал (далеко не все учёные могут сказать, что *проработали* тысячи книг), мог с позиций высокого Воззрения судить и о языкознании, как и всякая отрасль науки, прятавшемся в нишу «специализации». Привлекал ли он «экспертов»? Возможно, даже скорее всего. Дали они ему что-то готовое, что он просто вписал в свою статью? Вряд ли – это сейчас экспертов привлекают, заказывая определённые выводы или контекст, но не таков был Сталин. Несомненно, что его критика учения Марра как «марксистского» была ему под силу. Говоря о том, что язык не просто не «надстройка», но даже глубже «базиса», Сталин особо за пределы марксизма не выходил – но говорил на уровне глобальных предустановок лингвистики. Не стоит упрощать. Пока остановимся на том, что *неясно*, откуда Сталин взял высказанные положения и почему так резко было пресечено насильственное распространение учения Марра.

Но есть ещё один вопрос. Постоянная риторика «наука должна быть объективной», «её нельзя смешивать с политикой», выражает, с одной стороны, справедливое желание учёных не руководиться непонимающими в исследованиях. С другой стороны, это не меньше чем *шизофреническое* отрицание жреческой, протраивающей самые основы общества, силы науки. Наука *всегда непосредственно* влияет на судьбы общества, на субъективную (личностную и коллективную) картину мира. Может ли она вообще не касаться политики?! Если учёные не хотят брать в свои руки связь науки с действительным миром, с жизнью, с философией быта, с политэкономией – её возьмут другие. Как взяли в свои руки насаждение марризма покровители Марра, как были взяты под контроль тысячи технологий и теоретических разработок – и многие учёные об этом *знают*.

93. «В традиционной "научной" (или "корпускулярной") парадигме есть два противоположных и несовместимых занятия: первое это поиск, или "открытие" уже имеющихся в природе "объективных" законов, следствием чего является *обнаружение* дотоле скрытого, но тем не менее существовавшего порядка вещей; второе же заключается в волевом (самостоятельном) *установлении* некоторого закона и приведении реальности в соответствие с ним, наподобие того, как это делается в современных государствах: законодательная власть (парламент) принимает законы, а исполнительная (президент и совет министров) приводит их в исполнение или следит за их исполнением. Наоборот, в современной голографической, или "волновой" парадигме, различие между этими занятиями, то есть открытием "объективно" существующих законов и самостоятельным установлением их там, где это возможно (например, принятие устава организации или приоритетов закупки продуктов в домашнем хозяйстве) становится не столь существенным, размывается, а иногда и вовсе сходит на нет. ...

Тот факт, что индивидуальность ученого (или мыслителя) влияет на внешние формы, в которые он облакает открываемые им законы, очевиден; однако в действительности его влияние на них, видимо, гораздо глубже; тем не менее некоторые обстоятельства как принципиального, так и психологического порядка мешают это увидеть - как самому первооткрывателю, так и благодарному человечеству. ... Существуют также открытия, которые осознаются и формулируются как таковые много позже их освоения, а новые законы косвенно

демонстрируются их первооткрывателями на материале какой-либо конкретной деятельности, которая почему-то оказывается невероятно эффективной, так что даже отдаленные подражания первоначальному образцу имеют большой успех. Так, существуют писатели для читателей и писатели (особенно поэты) для писателей, и вторая категория часто занята тем, что открывает новые манеры письма со своими собственными, вполне определенными, но обычно плохо формулируемыми на точном языке законами, которые можно показать лишь косвенно, а именно, создав достаточно большой набор текстов, подчиненных этим законам и способный выразить то, что известными способами письма не выражается». А.Подводный, «Каббалистическая астрология».

«Голографическая» парадигма и есть «новое» постмодерна (хорошо забытое и *непроработанное* старое Традиции), и есть урок истории. Давайте снова вспомним К.Уилбера: «...на каждой стадии развития мир выглядит другим, потому что мир и есть другой — в этом заключается главное открытие постмодерна», «...мы будем изучать: возможные способы объединения разума, культуры и природы в мире постмодерна» [18].

94. Опять же – не как ярлыков совершенно однозначных явлений, а как разделяемых большинством *идей*, закреплённых в соответствующих текстах, обрядах, эгрегорах. Буддисты спокойно смотрят на социальные бури, на языке буддизма сложно говорить о справедливости. Они не собираются страдать, вот в чём дело. Страдание, страсть – от этого избавляются. Не все буддисты понимают это именно так – внутренний язык важнее. Но чаще всего все эти попытки преодолеть страдание приводят к безразличию и бездействию, к жизни в *потоке*, к спокойному принятию идолопоклонства, например, корпокульта. Многим «руководителям», выжимающим соки из своих работников, буддизм (и многое другое «просветляющее» и «совершенствующее») очень даже подходит – даёт отдушину, расслабляет, хотя это всего лишь раздвоение, двуличие. При этом недавно услышал словосочетание «буддистский переворот» – в связи с тем, что в Мьянме полиция подавила выступление «буддистов» (вообще говоря: граждан), которые выступали против чего-то и стремились к «демократии». 5 человек погибли. Но нет в языке буддизма проработанных понятий для выстраивания взаимоотношений с социумом – а от социума не сбежишь! – вот и говорят о «демократии». И совершенно разные отношения с социумом, Системой, выстраивают иудаизм, иудео-христианство, христианство, ислам.

Что касается даосизма, опять же, дело в толковании – хотя о многом говорит понимание, разделяемое большинством. Говорится («Дао Дэ Цзин», чжан 1):

«Постоянный Путь составляется из возможности выбора Пути и невозможности выбора Пути. Постоянное имя составляется из возможности выбора имени и невозможности выбора имени».

Что говорит это вам о *выборе*? А вот толкование (Б.Виноградский, Б.Кузык, «попытка интерпретировать классический текст «высокой древности» в терминах современной психологии управления»):

«На пути принятия решений можно принять любое решение, но ни одно решение не решает всех вопросов. В формулировке решения можно использовать любые слова, но никакие слова не выражают неисчерпаемости выбора».

В этом тексте много говорится об Условности, о Языке, о чарных структурах, затемняющих сознание, об идолах, и о том, как можно осознать соблазны и уходить от них, как добиться целостности, соответствия внешнего и внутреннего, сознания и подсознания.

Свидетельствует ли это о поклонении самому Языку, подчинённости складу и потоку мира, Закону и забвению выбора? Много слов в «Дао Дэ Цзин» подталкивает к такому пониманию. Но перевод на внутренний язык, опять же, зависит от безусловного. Чжан21: «Вот мрак, вот тьма. А в сердцевине – наличие семени. Его семя является совершенно сущим. А в сердцевине – наличие веры».

95. Никаноров С.П., «Концептуальный анализ – ключ к инструментализации диалектической методологии. Философия для физтеха»: «Соловков сказал, что беда диалектики – отсутствие практической значимости абстрактных понятий. Представьте мое состояние, когда он говорит с трибуны: "отсутствие практической значимости абстрактных понятий", а я вижу глазами родоструктурный синтез и понимаю, что у диалектиков не было, нет и не будет никогда "приводных ремней", потому что это нельзя делать в форме текстов. Писанием книг это нельзя сделать, книги умерли». Имеются в виду «приводные ремни от абстрактного к конкретному».

«Философия и религия употребляют понятия, которые вне узкого круга богословов или философов никто не употребляет и не понимает. Философам и богословам кажется, что они постигают нечто высшее. Но **их понятия настолько абстрактны, что не отражают ни материальный мир, ни тем более сознание общества. Хватит объяснять мир самим себе. Время изменять мир, и для этого надо говорить на языке этого мира**». [17]